

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

Политическая наука в поисках новых подходов

2023 Том 25 № 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life

Подписной индекс издания — 20827.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: +7 (495) 936-85-28;

e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 15.06.2023. Выход в свет 30.06.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,42. Тираж 500 экз. Заказ № 671. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

Political Science in Search of New Approaches

2023 VOLUME 25 No. 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center “Religion in Modern Society” of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *Irina L. Pankratova*
English text editor *Daria B. Kazarinova*
Computer design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10a Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Mchedlova M.M. Political Science in Search of New Approaches: Introducing the Issue (Мчедлова М.М. Политическая наука в поисках новых подходов: представляю номер).....	287
--	-----

В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАМОК ПОЛИТИЧЕСКОГО

Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. После постмодерна: вопросы для дискуссии на фоне глобальных трансформаций	293
Ребров С.А. Политическая теология контингентности: читая материалистов с Карлом Шмиттом	308
Шанченко Е.П. Новые дилеммы теории «справедливой войны».....	319
Коваленко В.И., Соболев В.А. «Закон политики – создавая новое, следует опираться на достигнутое, не ломать старого»: к 100-летию А.М. Ковалева	330

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ И СТРАТЕГИИ

Дегтярёв А.А. «Свой среди чужих»: GR-менеджмент как политическое управление в арсенале «неполитических» агентов	348
Belozеров V.K. Strategy as a Political Phenomenon and Concept (Белозёров В.К. Стратегия как политическое явление и понятие).....	368
Варшавер Е.А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности	377
Nisnevich Yu.A. Political Administration VS Political Competition Under Neo-Authoritarian Rule (Нисневич Ю.А. Политическое администрирование VS политическая конкуренция в условиях неавторитарного правления)	397
Жигadlo К.В. Проблема размежевания на левых и правых в современной России через призму социального конструктивизма	423

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ

Рустамова Л.Р., Иванова Д.Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней	434
Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории	445

Сорокопудова О.Е., Миронов Д.В. Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа..... 455

МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИКЕ: МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И. Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа 471

Калашникова С.К., Андриив И.И. Эвристический потенциал применения индекса оценки региональных государственных программ в сфере молодежной политики 486

CONTENTS

Mchedlova M.M. Political Science in Search of New Approaches: Introducing the Issue	287
--	-----

IN SEARCH OF THE THEORETICAL FRAMEWORK OF THE POLITICAL

Evstafiev D.G., Tsyganova L.A. After Post-Modernity: Discussion Points Against the Background of Global Transformations.....	293
Rebrov S.A. Political Theology of Contingency: Reading Materialists with Carl Schmitt	308
Shanchenko E.P. The New Dilemmas of the “Just War” Theory	319
Kovalenko V.I., Sobolev V.A. “The Law of the Politics — When Creating Something New, One Should Rely on What Has Been Achieved, Not Diminish the Old”: For the 100th Anniversary of A.M. Kovalev	330

POLITICAL PHENOMENA AND STRATEGIES

Degtyarev A.A. “At Home Among Strangers”: GR-Management as Political Governance in the Arsenal of “Non-Political” Agents	348
Belozеров V.K. Strategy as a Political Phenomenon and Concept	368
Varshaver E.A. Integration of Migrants Through the Lens of a Constructivist Approach to Ethnicity	377
Nisnevich Yu.A. Political Administration VS Political Competition Under Neo-Authoritarian Rule	397
Zhigadlo K.V. The Problem of the Left-Right Divide in Modern Russia Through the Lens of Social Constructivism	423

SOCIOCULTURAL FOUNDATIONS OF POLITICS

Rustamova L.R., Ivanova D.G. Cancel Culture Towards Russia and How to Deal with It	434
Mchedlova M.M., Bukin O.A. Russian Civilization: Civilization Approach in Political Theory	445

Sorokopudova O.E., Mironov D.V. Study of the Axiological Foundations of the Russian Statehood: Prospects for the Application of Politico-Textological Analysis 455

YOUTH IN POLITICS: METHODS OF STUDYING

Popova O.V, Grishin N.V., Suslov S.I. The Politization of the Mass Consciousness of the Russian Youth in 2022: Possibilities of Evaluation on the Basis of Statistical Analysis..... 471

Kalashnikova S.K., Andriiv I.I. Heuristic Potential of Applying the Assessment Index to Regional Public Programs in the Field of Youth Policy 486

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-287-292

EDN: WQKWOX

Editorial article / Редакционная статья

Political Science in Search of New Approaches: Introducing the Issue

Maria M. Mchedlova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

*Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

✉ mchedlova-mm@rudn.ru

Abstract. The editorial board introduces the issue devoted to the problem which occurred as a result of the exhausting traditional heuristic potential of political knowledge, including concepts, theoretical and methodological approaches, and ideological emphasis. The changing traditional theoretical framework questions the legitimacy of traditional political practices, the legitimacy of institutions, goals and subjects of the political process. Based on the ideas of I. Wallerstein, we are making attempts to “feel the elephant” of political reflection on the dramatically changing political reality.

Keywords: political theory, methodology of political science, scientific approach, civilizational approach, the end of the Western-centrist linear meta-narrative

For citation: Mchedlova, M.M. (2023). Political science in search of new approaches: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 287–292. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-287-292>

Политическая наука в поисках новых подходов: представляю номер

М.М. Мчедлова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

*Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Российская Федерация*

✉ mchedlova-mm@rudn.ru

Аннотация. Редакция представляет номер, посвященный анализу проблемы исчерпания традиционного эвристического потенциала политического знания, включая понятия, теоретико-методологические подходы, идейные акценты. Политическая турбулентность стала

© Mchedlova M.M., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

катализатором изменения предметного поля политической науки и ее эпистемологических установок. Изменение традиционных теоретических рамок ставит вопрос о правомерности традиционных политических практик, легитимности институтов, целей и субъектов политического процесса. Отталкиваясь от идей И. Валлерстайна, мы предпринимаем попытки демонстрации теоретических возможностей и ограничений политической рефлексии о драматически изменяющейся политической реальности.

Ключевые слова: политическая теория, методология политической науки, научный подход, цивилизационный подход, конец западноцентристского линейного метанарратива

Для цитирования: Мчедлова М.М. Политическая наука в поисках новых подходов: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 287–292. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-287-292>

Introduction

The theme of the current issue was conceived as a continuation of the academic discussion, which has been gradually gaining momentum over the past few years. We can state that the end of the era of traditional rationality, proclaimed twenty years ago by I. Wallerstein [2004] in his work “The end of the world as we know it”, predetermined the multiplicity and multidirectional nature of the search for new theoretical frameworks to interpret politics. “The question before us is, is the current moment somehow special in light of the constant competition of paradigms and their reflection in the structures of knowledge? I believe it is. But I also think that its features can be seen only by overcoming narrow specializations, going beyond the boundaries of sociology and even beyond the boundaries of the social sciences. ...Perhaps the time has come when we should all turn to the main epistemological issues to be discussed — that is, to digress from our narrow specializations in favor of problems that concern all scientists” [Wallerstein 2004: 219].

However, what affected the most the demand for scientific search were the large-scale upheavals in real politics, most often referred to as “global turbulence”. This term incorporates all structured and unstructured, conceptualized and non-conceptualized shades and nuances of the modern world, politics, reflection. Rather intuitively than rationally, the changes in the ontology and phenomenology of the socio-political continuum pose the problem of the exhausting traditional heuristic potential of political knowledge, including concepts, theoretical and methodological approaches, and ideological emphases. The changing traditional theoretical framework questions the legitimacy of traditional political practices, the legitimacy of institutions, goals and subjects of the political process.

Large cognitive and political cataclysms, which require a reflective reaction, undoubtedly challenge political science, stimulating the search for new theoretical and methodological knots. The change in the balance of power and political goal-setting in 2022 also required a change in the legitimization of new political strategies, both tactical and substantive. This led to the revision of the dominating Western-centric

linear metanarrative and a shift towards incorporating the diversity of civilizational development paths. Turning to the ideas of I. Wallerstein, one can agree with his two initial assumptions: “he first assumes that historical systems, like any others, have a limited lifespan. They have a beginning and a long period of development, but in the end, as they deviate further from equilibrium and reach a bifurcation point, an end comes. The second premise states that at such bifurcation points, minor impacts lead to large-scale changes (as opposed to periods of normal system development, when strong impacts bring limited results), and the consequences of the bifurcations themselves are inherently unpredictable” [Wallerstein 2004: 4]. Thus, today we can state: what previously only belonged to the academic discourse and the search for duty, has begun to claim the status of the real foundations of politics and an optics for worldview.

At the same time, the comprehension of politics hangs in an “intermediate” state between two discourses: the discourse of political science and the ideological discourse. The rejection of the liberal picture of the world, inscribed in the supporting structures of Modernity and Postmodernity, the deconstruction of Cartesian causality, alongside the rigid resistance of the positivist paradigm to give up its monopolistic position,¹ generate a dissonance between the imposed samples, guidelines and methods of justification, on the one hand, and empirically and theoretically fixed changes in political ontology and pragmatics, on the other. There is a variety of competing development models that multiply the political and social realities [Mchedlova 2018, 2020]. Thus, we can pose the problem of great limitations in identifying patterns, since reality is determined by the desired vision, and the reliability of knowledge is chronically insufficient.

The multiplicity of development models also captures the diversity of different ideological systems, among which there are no universal, and even more so absolutely attractive and mobilizing ones. The key characteristics of the modern theoretical political space is the absence of “Big Ideas”, universal systems as developed by F. Hegel or K. Marx, new major theoretical and methodological paradigms and ideologies that can acquire a global character. Modern political ontology is reflected in the heterogeneity and competition of ideological currents that formulate various political projects either in line with the liberal-modernist project or as an alternative to it. Political ontology is far from internal homogeneity; rather, we observe a contradictory “existential landscape”, complex and diverse junctions and bifurcation points. It is this chaotic dispersion that raises questions about the limitations and limits of political knowledge, as well as about the uncertainty and unpredictability in modern politics.

The search for a new theory has become an “obsession” for modernity, and the search for a new political theory has become the “golden El Dorado”² of the academic discourse and community of political science. In this issue, we are also joining the search for El Dorado and try to at least draw if not its outline, then the means that

¹ The dominance of the behavioral paradigm has ensured the dominance of quantitative research methodology, supported and reproduced by leading Western academic publications and journals. It was the latter that gave rise to ratings and comparisons with the model as a specific policy for managing various socio-political areas — in science and in real politics.

² Metaphor has become the same cognitive tool as epistemological schemes and classical conceptual tools.

open the road to it. Nonetheless, according to G. Hegel, “history of the world is not the theatre of happiness” [Hegel 1935: 45]. The thematic scatter of the presented articles³ is not accidental: each of them places either the path to a new theory or the path to human happiness at the center of their theoretical search.

The issue opens by a block of theoretical articles of rather philosophical background, outlining the framework for the search for new approaches. *Dmitry G. Evstafiev*, professor of *HSE University* and *RUDN University*, together with his colleague from *HSE University* *Lubov A. Tsyganova*, consider the prospects of competing models of development and regional localization in post-postmodern age. *Sergey A. Rebrov* from *Sociological Institute — Federal Center of Theoretical and Applied Sociology*, St. Petersburg, turns to political theology, which becomes more and more popular and interprets various forms of religious and political relationships. Such political structuring and legitimation are becoming in demand for a significant part of humanity, which is confirmed by P. Berger’s thesis about the “desecularization of the world” [Berger 1999]. The problem of justice, which is the most acute, has a wide variety of facets and shades: it was justice that became the catalyst for the emerging new world order, but its positive connotations began to be associated with destructive forms of politics. *Ekaterina P. Shanchenko* (*MEMO, MGIMO, Sechenov University*) explores the theory of just war and shows how the academia uses this theory widely for the interpretation of modernity, and what are the links between this theory and the problem of global hegemony. *Valery I. Kovalenko* and *Vladimir A. Sobolev* from *Lomonosov Moscow State University* close up the chapter with an article on the concepts of social development, reconstructing the approaches of the Soviet and Russian classic of political science Alexander M. Kovalev, his interpretations of the categories “power” and “politics”, the laws of politics and political activity, as well as a number of basic concepts of political science.

The chapter devoted to the study of political phenomena and strategies of modern politics opens with an article by *Andrey A. Degtyarev* from *MGIMO University* on the positioning of the GR discipline at the overlapping fields of applied political science, sociology of communications and corporate management, of political and non-political spheres. Here we are faced with an inversion of politics and economics, general and particular issues, which exists not as a dichotomy, but as a continuum. *Vasily K. Belozеров*, professor of *Moscow State Linguistic University*, aims to bring terminological clarity and define the concept of political strategy comparing it with concept, doctrine, strategy, foundations of state policy, and, in particular, to show the relationship with the concept of military strategy. Sociologist from *HSE University*, *Evgeni A. Varshaver*, also deals with categories, classifications and taxonomies, regarding the problems of ethnicity and integration of migrants. He bases his arguments on constructivist methodology. *HSE University* is also presented by professor *Yuliy A. Nisnevich*, who explains the general model of neo-authoritarian rule replacing political competition with political administration on the example of a number of political regimes in Asia and Latin

³ The position of the authors of the articles may not coincide with the position of the editors and expresses only the opinions and views of the authors.

America. Younger scholar from the same university, *Konstantin V. Zhigadlo*, outlines the actualization of the ideological spectrum in the field of unconventional politics, as well as the formation of a number of new social movements in Russia. In this regard, the issues of Left-Right divide and the semantic content of this concept itself become relevant again in modern Russian politics.

The constant scope of our journal, and indeed of the entire school of political science of the RUDN University is the socio-cultural foundations of politics. This chapter opens with an article by *Maria M. Mchedlova* and *Oleg A. Bukin* from RUDN University about the political conceptualization of the Russian civilization and the pros and cons. Seemingly unresolvable due to ideological differences, the topic is a reflection of the current crisis of the dominant linear political narratives. The article by *Leyli R. Rustamova* and *Daria G. Ivanova* from MGIMO University is devoted to the conceptualization and operationalization of the concepts of political science, which served until recently as journalistic metaphors. The researchers turn to the concept of ‘cancel culture’, applying it in an international political context somewhat unusual for this metaphor. They are trying to determine cancel culture as a tool for managing socio-political phenomena that can be used for foreign policy purposes. The axiological and political foundations of domestic Russian politics, their historical roots and evolutionary development are in the focus of scholars *Olga E. Sorokopudova* and *Denis V. Mironov* from Lomonosov Moscow State University. They reconstruct such basic values as ‘freedom’, ‘truth’ and ‘justice’, which have retained their significance throughout the history of Russia, but have been transformed in modern public ideological and political discourse.

This issue ends with our journal’s traditional column devoted to the study of political attitudes and political behavior of the Russian youth. *Olga V. Popova* and *Nikolai V. Grishin* from St. Petersburg State University together with *Sergei I. Suslov* from INION RAS use statistical analysis of the data they collected to study various models of politicization of the mass consciousness of the youth and factors influencing it. Their young colleagues *Sofia K. Kalashnikova* and *Irina I. Andriiv*, who also represent St. Petersburg State University and INION RAS, consider the positive migration balance in the region as an indicator of successful youth policy. They evaluate the efforts of the regional governments in the field of support and development of youth opportunities, comparing various indices for this.

Such a dispersed problematic field of the presented issue undoubtedly reflects the diversity of the search for new theoretical coordinates in political science. There is a clear rejection of cruel linearity and a shift towards recognizing the equal position of the political development paths and incorporating problems and plots that have not previously been included in the subject field of political science. The latter outline the facets of a possible political theory. The editorial board of the issue does not claim to have the only correct view, sincerely hoping for further discussion and feedbacks.

Received / Поступила в редакцию: 15.04.2023

Accepted / Принята к публикации: 15.04.2023

References

- Berger, P.L. (1999). The desecularization of the world: A global overview. *The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics*. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company.
- Hegel, G. (1935). Collected Works. Works, vol. VIII, M.-L. (In Russian)
- Mchedlova, M.M. (2018). The future as apprehension (debate about the crisis of political science). *Political science (RU)*, 1, 93–105. (In Russian)
- Mchedlova, M.M. 2020. *Handbook on theory and methodology of politics (cognitive accents of modernity)*. Moscow: RUDN. (In Russian)
- Wallerstein, I. (2004). *The end of the world as we know it: Social science for the twenty-first century*. Moscow, Logos. (In Russian)

About the author:

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Chief Researcher of the Center “Religion in Contemporary Society”, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАМОК ПОЛИТИЧЕСКОГО IN SEARCH OF THE THEORETICAL FRAMEWORK OF THE POLITICAL

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307
EDN: WLRELY

Научная статья / Research article

После постмодерна: вопросы для дискуссии на фоне глобальных трансформаций

Д.Г. Евстафьев^{1,2} , Л.А. Цыганова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 devstafiev@hse.ru

Аннотация. Перерастание локального по масштабам военно-политического кризиса в Западной Евразии в фокус глобальных геополитических трансформаций и цивилизационного противостояния поставило на повестку дня проблему утраты универсальности моделей развития как в социально-политической, так и в социально-экономической сферах на глобальном уровне. Возникает перспектива конкуренции различных моделей развития и их региональной локализации на базе региональных социально-экономических особенностей. То, что глобально значимые процессы стали результатом сочетания объективных и субъективных факторов, а иногда и действий отдельных политических лидеров, говорит о том, что мы находимся внутри переходного исторического периода, когда возникают «точки бифуркации» в политических процессах, приводящие к расхождению моделей социально-экономического развития. Острота нынешней ситуации проявляется и в том, что релевантность утратили ранее считавшиеся абсолютно универсальными не только политические и социальные модели и парадигмы (например, принцип представительной демократии), но и социально-экономические, в частности принципы глобальной геоэкономической взаимозависимости, служившие основой глобализации. Система глобальных политических и экономических отношений, некогда почти полностью универсалистская, утрачивает синергичность и целостность, формируя локализованные форматы дальнейшего развития, в которых политическая и социокультурная консолидация опережает трансформацию экономического базиса и свойственных ему социально-экономических

© Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

отношений. В исследовании ставится вопрос о наличии двух принципиально различных парадигм развития, взаимосвязи между ними и ключевых различиях этих моделей.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, неоглобальность, пространственный мир, национальный суверенитет

Для цитирования: *Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А.* После постмодерна: вопросы для дискуссии на фоне глобальных трансформаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №2. С. 293–307. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307>

After Post-Modernity: Discussion Points Against the Background of Global Transformations

Dmitry G. Evstafiev^{1,2} , Lubov A. Tsyganova¹

¹*HSE University, Moscow, Russian Federation,*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation,*

 devstafiev@hse.ru

Abstract. The transition of the basically local military-political crisis in the Western Eurasia into the real focus of global geopolitical transformations and civilizational confrontation. That has brought to the agenda the issue of degradation of the principles of universalities that were the basis for globalization in both: socio-political and socio-economic spheres thus demonstrating deepening interaction between them. The world is facing the perspective of competition of different models of development and their political and social localization that reflect the specifics of social-economic environment. The fact that global transformations became the result of interaction of the objective and subjective, contextual factors as well as sometimes were brought to reality through the interaction of political leaders brings us to the conclusion that the world is nowadays within the transitional era that contains several points of bifurcation of political nature that in turn drive for different models of socio-economic development. The sharp nature of ongoing transformations reflects the situation when most of the paradigms and instrumental models that were regarded as axiomatically universal like institutional governance and representative democracy started to lose their relevance as political and socio-political management tools. The same is true about a bulk of global economic tools such as the universal protected nature of economic interdependence and international trade. But all that was the basis for the globalization. The system of global political and economic relations that has resided quite recently in the environment of nearly total universality started to lose synergy and integrity while forming complex localized formats in which political and socio-cultural factors play the leading role ahead of economic basis and socio-economic relationships. The research drives to the conclusion on the possibility of emergence of the two competing models claiming a global status the specifics of interaction between them and the key differences between them.

Keywords: post-industrial society, neo-globality, special world, national sovereignty

For citation: Evstafiev, D.V., & Tsyganova, L.A. (2023). After post-modernity: Discussion points against the background of global transformations. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 293–307. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307>

Вместо введения: кризис глобализации как развилка развития

Наступившая после модерна эпоха, как ни одна другая, вызвала не только мощную научную дискуссию [Jameson 1989; Held et al. 1999] в прогностических исследованиях, но и подверглась попыткам дать обозначение эпохе и течениям в ней. Справедливым является замечание ряда исследователей, что «современность» с социальной точки зрения проявляется в первую очередь в возможности множественности интерпретаций [Weigner 2008]. Ряд исследований и размышлений о современности неразрывно связаны с культурой и художественными течениями в искусстве и литературе. Э. Дуссель [Dussel 2002] обозначает текущий момент трансмодерном, где сочетаются элементы модерна и постмодерна и в фокусе оказываются общности, а не индивид [Беспалая 2014]. Н. Буррио [Bourriaud 2009] в контексте современного искусства вводит термин «альтермодерн», который является территорией пограничья и развивает применительно к социальному пространству концепт фронтирных культур)¹, Джеффри Т. Нилон [Nealon 2012] предполагает, что постпостмодернизм говорит о «бесконечном конце всего» и может привести к бесконечным добавлениям префикса «пост», поскольку мы постоянно подчиняемся часто упрощающим ожиданиям ученых в отношении периодизации, историзации и создания слов для новых моментов или движений в культуре, в частности в литературе.

Особенностью данной дискуссии была концентрация на вопросах, связанных с социокультурными проявлениями постмодерна, тогда как вопросы, связанные с политической его институционализацией и экономическим базисом, считались вторичными.

Дж. Ковалик, анализируя пределы возможности употребления понятия постмодернизма, особенно в современной литературе, рассматривает «гиперпостмодернизм» и «антипостмодернизм» Эндрю Хоберека [Hoberek 2007] и другие термины, включая «метамодернизм» (о чем Тимотеус Вермёлен и Дэвид Джеймс опубликовали значительную работу), «гипермодернизм» Жиля Липовецкого, «космодернизм» (Кристиан Морару) и «дигимодернизм» (Алан Кирби) [Kowalik 2023].

Такая полифония показывает всю сложность определения и осмысления современности, но главное — формирует сложное в методологическом отношении восприятие пространственных и надпространственных проявлений различных социальных в своей основе феноменов.

¹ Концепция «фронттира» и «фронтирных культур» была предложена впервые американским историком [Тернер 2009]. Но концепция возникновения на пространственном «пограничье» специфических моделей социального поведения в какой-то мере была предвестником появления концепта «социального пограничья», проявлением и развитием чего применительно к периоду постиндустриального постмодерна можно считать и концепцию прекаритата. В мире гибридной пространственной неоглобальности с элементами постпространственности могут возникнуть совершенно новые «фронтирные» модели социального поведения. Изучение данной проблематики представляется исключительно важным на будущее, в особенности с точки зрения возможности выработки и институционализации специфических политических форматов развития таких культур.

Кризис глобализации в версии постпространственного постиндустриального постмодерна, опиравшегося на доллароцентричные глобальные финансы, мировую торговлю, социокультурную универсальность и систему международных институтов, минимизировавшую возможности трансформаций архитектуры глобальной политики и экономики, был очевиден еще до начала кризиса на Украине, в период, когда мы имели дело с предпостглобальным миром, когда многие перспективные тенденции находились в зачаточном состоянии, не имея пространства для развития². Главная тенденция в современном развитии кризиса глобализации: опережающее развитие политических и социокультурных процессов по сравнению с экономической базой и порожденными ею социально-экономическими отношениями. Это проявляется в области операционной политики акцентированием принципов «ценностного размежевания». Однако было бы серьезной ошибкой отрывать процессы формирования новых парадигм развития в политике от социально-экономической основы. Предположение, формулируемое авторами, сводится к следующему:

Начальные этапы деструкции глобальной политической и экономической архитектуры времен поздней глобализации могут происходить на базе политических и социокультурных («цивилизационных») факторов. Но в период перехода к институционализации новых регионализированных геополитических систем более значимую роль начнут играть социально-экономические факторы, прежде всего особенности организации «вмещающего» пространства.

Хотя, безусловно, инерция политизации экономических и социокультурных процессов, наблюдаемая нами в настоящее время, сохранится на сравнительно длительный срок.

² Процессы, предшествующие глобальным трансформациям, но уже содержащие их механизмы, глубоко рассматривались рядом крупнейших российских и зарубежных специалистов. Отметим работы Г. Дерлугьяна, Д. Ергина, Н. Хомски, Д. Тренина, Р. Хааса, Дж. Ная, Д. Харви. Обратим внимание на последние работы Дж. Урри, С. Хикса, Т. ван Дейка, Дж. Ланье, Ф. Анкерсмита, Ю. Хабермаса в области социальной философии. В меньшей степени интересны, но также поучительны работы Г. Киссинджера и И. Валлерстайна, ибо в них акцент делается на возможность сохранения прежнего мирового порядка, хотя бы и только «по форме», с выхоленным содержанием. В этом же ряду стоит и работа И. Крастева и С. Холмса «Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию» [Крастев, Холмс 2020], в которой сформулирована мысль, что кризис демократии западного типа был связан исключительно с ситуативными факторами, коррупцией элит и деятельностью отдельных авторитарных правителей. Из работ последнего времени отметим книги: *Ергин Д.* Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций [Ергин 2021]; *Realpolitik в «цифре»: суверенитет, союзы и неприсоединение XXI в.* А. Безруков, М. Мамонов, О. Ребро, А. Сушенцов. Доклад международного клуба «Валдай». Москва, сентябрь 2021 г. <https://ru.valdaiclub.com/files/39047/>; *Утопия многообразного мира: как продолжается история.* О. Барабанов, Т. Бордачев, Я. Лисоволик, Ф. Лукьянов, А. Сушенцов, И. Тимофеев. Доклад международного клуба «Валдай». Москва, октябрь 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/35332/>; *Прощай, COVID* [Прощай COVID 2020]. Небезынтересными кажутся выводы российского исследователя Д. Давыдова [Давыдов 2021].

Постановка вопроса и определение рамок

При любом варианте развития глобальных процессов [Giddens 2003], за исключением закритических, значение глобальных систем в перспективной системе общемирового развития будет оставаться прежним, сохраняя как минимум видимости глобальности, хотя, вероятно, и в сокращенном масштабе [Евстафьев 2023]. Ключевой из надпространственных систем в мире поздней глобальности стало информационное общество, где была достигнута беспрецедентная степень универсализации, прежде всего, с точки зрения используемых форматов.

В мире поздней глобализации в самом широком понимании реализовался подход Г.М. Маклюэна [McLuhan, Powers 1992], определивший доминирование в коммуникациях глобалистских социокультурных парадигм и специфических форматов коммуникаций. Это определило сложное сочетание свойственной современному информационному обществу «многоликости» в рамках очевидной форматной социокоммуникационной унификации.

Возникающая ситуация развилки развития выводит на первый план методологическую дилемму.

С одной стороны, отделяем ли постиндустриализм как социально-экономическое явление от социокультурного (и социоидеологического) постмодерна. Если совсем упрощать, — возможно ли отделение экономического базиса, а с ним и системы социально-экономических отношений, им порождаемых, от надстройки ввиду социокультурных отношений и эстетики и политических институтов, обеспечивающих репрезентацию соответствующих интересов

С другой — трансформируем ли постмодерн в принципе, учитывая те типовые формы, которые он приобрел и перспективу эволюции модели развития в анклавную архаику и, если да, то в каком направлении [Wilterdink 2002]. Если вновь упростить, то главный вопрос сводится к тому, насколько глубоко пространственно и структурно должен быть системный кризис, чтобы мир вновь смог выйти на относительно предсказуемую траекторию развития. Должен ли этот структурный кризис «обнулить» постиндустриальный постмодерн в целом или же возможно сохранение постиндустриальных анклавов хотя бы и в форме исключительно экономических узлов взаимодействия.

Ситуация отражает проблемы капитализма как системы, оказавшегося в поздней своей фазе неспособным к формированию образов будущего [Kumar 2004], могущих оказать интегративное социокоммуникационное воздействие на общество, хотя обладал всем возможным инструментарием для этого, включая средства социального конструирования с высокой степенью интрузивности и кастомизации с подстройкой приоритетов под конкретные целевые группы. **«Образ будущего» есть некий общественно приемлемый и потенциально контурно визуализируемый социальный прогноз**, влекущий за собой как минимум частично добровольное изменение характера целеполагания для значимых социальных и социально-экономических групп, а также каждого отдельного человека.

Из этого определения рамок вытекают три базовые констатации.

1. Неоглобальность будет развиваться в рамках локализованных и крайне динамичных социально-политических систем (с доминированием политического, «ценностного» императива), что что предопределяет столкновение объективных тенденций в пользу деуниверсализации моделей развития и стремления навязать ту или иную модель псевдоуниверсальности. Это предопределяет неизбежность относительно длительного сосуществования и конкуренции моделей развития, что, вероятно, и будет основой глобальных процессов ближайших 20–30 лет до формирования неоглобальной модели универсализма.
2. Мир «новой пространственности», выходящей за рамки политических границ середины — второй половины XX в., что подразумевает деактуализацию международного права при любой доминирующей модели развития. Но это означает, что главная глубинная борьба будет вестись за возможность внедрять/навязывать контролируемые «правила игры» большим геоэкономически фундированным системам. Попытка США реализовать в пространстве «объединенного Запада» жестко американоцентричный «мир правил» не является ни аномалией, ни ошибкой — это логичное операционное выражение американского видения структурных особенностей нового мира, в котором технологии (надпространственный феномен, однако с потенциалом пространственной локализации) будут продолжать играть роль элемента, структурирующего общемировую архитектуру [Schmidt 2023]. Ключевой фактор в данном случае — невозможность внедрения новых парадигм только в пространстве «внешней» деятельности «большой системы». Критично обеспечение доминирования «правил» и внутри системы, то есть разрушения ее суверенитета, если речь идет о государстве.
3. Новый мир — качественно многослойная система, суть которой выходит за рамки простой пространственности, создавая сложные симбиозы пространственности и надпространственности. В развитии этой системы, особенно на начальном этапе, в качестве акторов, имеющих возможность реализовывать собственные интересы, могут принимать участие разнородные участники: от национальных государств до сетевизированных неполитических структур. Пространства для развития новых тенденций будут возникать «на стыках» слоев, создавая эффект «чистого листа» [Евстафьев 2022] не только «на плоскости», но и структурно вертикально. Но это будет означать и возможность доминирования в «стыковых» пространствах (например, в глобальных или субглобальных логистических коридорах) негосударственных или псевдогосударственных акторов и, соответственно, — иных, нежели государственный, типов суверенитета и политической институционализации. Данный аспект, безусловно, относится больше к геоэкономическим аспектам развития неоглобальности. Но он также касается

вопросов политической институционализации взаимодействия различных субъектов, а также ставит на повестку дня вопрос о заведомой неактуальности понимания мира многополярности как мира только национальных государств, действующих в рамках модели национально-государственного суверенитета.

Формулировка базовых гипотез

Вопрос о постиндустриальном постмодерне является в основе своей вопросом о характере экономических систем и возможности сохранения социально-экономической универсальности в качестве основы глобального развития. Это во многом определяет центральный вопрос выбора неоглобальной модели развития: возможность достижения относительно высокого уровня геоэкономической синергичности и социокультурной целостности возникающих систем в условиях кризиса финансово-инвестиционного капитализма и распада в том числе и критических цепочек экономической взаимозависимости.

Сформулируем базовое предположение о моделях неоглобальности следующим образом:

Двумя базовыми альтернативами неоглобального развития на переходный период станут «неомодерн», социально-политическая и социокультурная реализация геоэкономического структурирования макрорегионов, защищенных как минимум пространственным («вестфальским») суверенитетом пространств экономического развития; и постпостмодерн — модель неограниченной сетевизации и социальной атомизации для сохраняющих включенность в глобализированные финансово-инвестиционные системы пространств.

Прохождение «развилки» в том или ином направлении определяется, с одной стороны, характером социально-экономических отношений в конкретном пространстве, а с другой — степенью влияния «цивилизационных» факторов на текущее развитие.

Наиболее важным аспектом, определяющим характер модели развития, пусть даже и не в глобально-универсальном формате, станут социально-экономические основания, а значит, — главным фактором в пользу доминирования в том или ином пространстве конкретной модели неоглобальности становится доминирование в нем носителей тех или иных экономических и социально-экономических интересов.

Из этого вытекают три принципиальных предположения:

Первое. Неоглобальный мир может в течение еще длительного времени быть по форматам институционализации и социально-экономического и социально-политического взаимодействия универсалистским, но трансформация его содержательной стороны будет предопределять его постепенную деуниверсализацию. Это подчеркивает роль носителей долгосрочных социально-экономических и экономических интересов, определяющих характер наполнения псевдоуниверсалистских форматов в конкретных пространствах и переформатирующих

универсалистскую систему политических и социально-экономических институтов «под себя».

Второе. Первоначальный импульс для консолидации различных по моделям развития пространств «мира неоглобальности» будет проистекать не от экономических факторов, а от политических и военно-политических факторов, в которых первые будут выполнять роль идентификатора возможностей межсистемного взаимодействия, а вторые — обеспечивать возникновение неких защищенных пространств с едиными для этих пространств «правилами игры». Социально-экономические факторы станут более важными на этапе выстраивания связей внутри уже оформившихся пространств. Но первоначальная политическая институционализация может происходить и при их вспомогательной роли³.

Третье. Решающим фактором, определяющим доминирование в том или ином пространстве того или иного варианта неоглобальности будет конкретное, можно даже сказать — уникальное для каждого пространства, сочетание акторов, стремящихся обеспечить свои экономические интересы. Причем «акторов» как на институциональном, системном уровне, так и на уровне индивидуально- и группового социального поведения⁴.

Актеры постпостмодерна и неомодерна: сравнительный анализ

Как уже говорилось выше, неоглобальность в любом формате будет характеризоваться высоким уровнем вариативности участников процессов формирования новой институциональности в экономике, социальных процессах и, в меньшей степени, — в политике, где глобалистская универсальность может существовать еще относительно длительное время. Многообразие акторов определяет и еще один момент: вариативность приоритетных сфер реализации их социально-экономического и социального потенциала, что зависит от конкретного операционного пространства.

Двумя ключевыми факторами, определяющими возможности развития той или иной модели неоглобальности является, как представляется:

- с одной стороны, характер пространства с точки зрения его местоположения и ресурсной обеспеченности, способность пространства к воспроиз-

³ Важнейшим противоречием, выходящим, впрочем, за рамки данной статьи, станет противоречие между национальным суверенитетом государств, интегрируемых в формируемое пространство, и коалиционным пространственным суверенитетом. Варианты разрешения этого противоречия могут быть различными, но в целом в неоглобальном мире редукция национального суверенитета до политически критических для существования народов и обществ областей представляется неизбежной.

⁴ Характерно, что в западной социологии периодически возникал вопрос об особенностях «людей неомодерна», нового индустриального общества в противовес людям постиндустриального постмодерна [Drucker 2009]. Вопрос в том, что конфликт между этими двумя группами, в особенности сосуществующими на одной территории, неизбежно происходил бы по всем плоскостям социального взаимодействия: от эстетики до модели базового потребления.

водству того или иного типа социально-экономических отношений. Это означает принципиальную деуниверсализацию социально-экономических отношений;

- с другой стороны, доминирующий тип социально-экономического игрока, способного консолидировать политический (в том числе и силовой) ресурс для обеспечения своих интересов. А это подразумевает утрату универсальности и в социально-политической сфере, где различные игроки будут пытаться реализовать свой потенциал влияния.

Иными словами, даже модель постпостмодерна, где ключевую роль будут продолжать играть надпространственные системы, будет реализовываться в пространственном мире и в этом смысле будет до известной степени пространственной.

Авторский анализ возможных вариантов интересов акторов посткапитализма и приоритетные для них варианты неоглобальности приведены в таблице.

Данным списком спектр возможных акторов переходного периода к неоглобальности не исчерпывается. Важно также отметить, что акторы переходного периода к неоглобальности даются в том понимании и с учетом того формата, как он существовал в период поздней глобализации. Мы не можем полностью исключать возникновения неких промежуточных форм институционализации, характерных для более ранних «переходных» в плане организации архитектуры мировой политики и экономики периодов (Республика Фиуме, Договорный Оман, Зона Племен в Пакистане, ряд территорий в Юго-Восточной Азии и Африке, находившихся под фактическим корпоративным управлением крупных ТНК).

Представленные в таблице примеры дают возможность определить неоглобальность как некую «мультисреду», где утрачиваются обе главные черты социальной модели постиндустриального постмодерна:

- в неоглобальной среде как на уровне «больших систем», так и на уровне составных элементов (государств и субгосударственных акторов) неактуальна модель, основанная на доминирующем типе социального поведения и социальной коммуникации. В неоглобальной мультисреде в определенном локализованном пространстве возможно возникновение доминирующей в социальном и социально-политическом плане модели. В особенности это касается социальных коммуникаций. Могут возникать такие пространства, где коммуникация будет — в отличие от постиндустриального постмодерна — вторичной по сравнению с социальной деятельностью;
- невозможность реализации универсалистских моделей политической репрезентации (политические институты) и социально-политической (гражданское общество), а соответственно, — и форматов институционализации власти и государства. Данный аспект представляет собой крупнейший исследовательский вызов в изучении мира неоглобальности с точки зрения методологии социальной философии и политологии.

Посткапитализм. Акторы неоглобальности: соотношение возможностей и конкурентная среда

Тип актора	Ресурсная база	Носитель интересов	Среда максимальной реализации потенциала	Приоритетные сферы конкуренции с другими акторами	Приоритетный формат проявления	Примечания
Государства	Государственные инвестиции на базе суверенной эмиссии и суверенитета на ресурсы	Чиновничество Служивый класс Бенефициары реиндустриализации	Пространства реиндустриализации	Города Международные отношения Формирование систем коалиционного суверенитета	Неомодерн	Подпросом остается возможность существования государства, основанного на классической представительной демократии
Надгосударственные/межгосударственные структуры	Международное право	«Граждане мира» Глобальный политикум Глобальное информационное пространство	Пространства с неустоявшимися государствами Формируемые государства Международные отношения Гуманитарное право	Международное право (приоритет в экономическом и гуманитарном праве)	Постпостмодерн Постиндустриальный постмодерн (регрессивные территориальные анклав)	Надгосударственные структуры заинтересованы в восстановлении системы глобальной регуляторики
Транснациональные корпорации	Сырьевая периферия Глобальная и региональная логистика	Яппи интернационал Лица, аффилированные с международными институтами	Десуверенизированные пространства Несформировавшиеся государства «Серые зоны»	Ресурсы устоявшихся государств Международное экономическое право	Постиндустриальный постмодерн (поздняя глобализация) Постпостмодерн в период неоглобальности	Возможно изменение типовой оргструктуры ТНК, отход от классического сетевого принципа
Субгосударственные участники системы	«Серые зоны» с точки зрения суверенитета «Серая» и «черная» торговля	Аутсайдеры, люди вне «цивилизации» Представители социальной и идеологической архаики	Серые зоны суверенитета Зона соприкосновения «суша-море»	Логистика Природные ресурсы	Постиндустриальный постмодерн Постпостмодерн в системе неоглобальности При определенных условиях (контроль значимых пространств, контролируемых в ряде случаев — в качестве «трофея») — архаика преמודерна	В краткосрочной перспективе возможно возникновение феномена значительных пространств, контролируемых «не-государствами» Прямой конкурент ТНК в ряде случаев

Источник: составлено авторами.

Postcapitalism. Actors of neo-globalness: the ratio of opportunities and the competitive environment

Type of actor	Resource base	Major Bearers of interests	Environment for maximum realization of potential	Priority areas of competition with other actors	Priority format of manifestation	Notes
States	Public investment based on sovereign emission and sovereignty over resources	Bureaucracy Public service strata Beneficiaries of reindustrialization	Spaces of reindustrialization	Cities International relationships Formation of systems of coalition sovereignty	Neomodern	The stable functioning of a state that is based upon classic representative democracy
Supra-State / Inter-State Structures	International law	"Citizens of the World" Global Politics Global Information Space	Spaces with Fragile States Formable states International relationships Humanitarian law	International law (predominant position in economic and humanitarian law)	Post-postmodern Post-industrial postmodern (regressive territorial enclaves)	Above state structures are interested in restoring the global regulatory system
Transnational corporations	Raw materials periphery Global and Regional Logistics	Yuppie International Persons affiliated with international institutions	De-sovereign spaces Unformed states "Grey Zones"	Resources of established states International economic law	Postindustrial postmodern (late globalization) Post-postmodern in the period of neoglobalism	It is possible to change the typical organizational structure of TNCs, a departure from the classical network principle
Substate participants in the system	"Gray zones" in terms of sovereignty "Gray" (non-taxed) and "black" (criminal) trade	Outsiders, people outside of "civilization" Representatives of social and socio-ideological archaism	Gray areas of sovereignty Land-sea interaction zone	Logistics Natural resources	Post-industrial postmodern Post-postmodern in the system of neo-globality Under certain conditions (control of significant spaces controlled as a "trophy") — archaic pre-modern	In the short term, the phenomenon of large areas controlled by "non-states" is possible Direct competitor of TNK in some cases

Source: compiled by the authors.

На этом фоне встает вопрос о характере конкуренции между двумя моделями неоглобальности и возможности на этом фоне пространственной институционализации одного из вариантов пре-модерна (архаики), использующей фактор социально-экономической деградации и социальной деструкции.

Вместо заключения

Подводя итог проведенному анализу, сделаем три главных констатации:

- Современный период развития глобализации будет характеризоваться относительно быстрой утратой универсальности в экономике и политике, но сохранением ее в социальной и социокультурной сфере, где процессы формирования элементов неоглобальности очевидно запаздывают.
- Главным вопросом является вопрос о локализации на политической первоначально основе «больших» и геоэкономических по своей сути систем и интеграции локализованных экономических интересов, что подразумевает пространственный характер противоборства двух моделей неоглобальности. Пространственное противоборство становится на период трансформаций определяющим.
- Конкуренция между различными моделями реализации новой системы социальных отношений будет не просто пространственной, а многоуровневой, неизбежно затрагивая и надпространственные системы, лежащие вне пространственного суверенитета.

Ключевую содержательную разницу между двумя вариантами реализации неоглобальности можно сформулировать следующим образом: Неомодерн как экономическая система будет опираться на геоэкономические регионы как защищенное пространство ограниченной социально-политической универсальности, но при социокультурном разнообразии. Социокультурная сторона для первичного формирования системы неомодерна в целом будет вторична по сравнению с технологическими и социально-экономическими связями. Социоинформационный и, тем более, социокультурный компонент будет выполнять сервисную функцию.

Постпостмодерн, вероятнее всего, будет моделью «сверхуниверсальности» в условиях устойчивой социальной атомизации и социокультурной мозаичности, также локализованной в пространстве, однако в специфических частях света, где будет происходить реализация потенциала финансовых коммуникаций. В мире колониального модерна (XVIII–XIX вв.) такие пространства именовались «факториями» и были опорными точками торгово-колониальных систем государственного и негосударственного типа. В мире постпостмодерна они, вероятнее всего, станут опорными (связующими) точками сетевизированной неоглобальной системы, имеющей более высокую, нежели неомодерн, степень операционной вариативности, но выстроенной вокруг потребления информации и «ощущений», что будет обуславливать существенно большее значение социокультурных факторов управления обществом. **Вопрос о характере «ядра» системы постпостмодерна является в данном случае одним из важнейших**

«белых» пятен в данной проблеме. В частности, до конца не ясно, насколько это «ядро» может быть только «коммуникационно-инвестиционным» или характер развития глобальных процессов обусловит необходимость формирования в защищенном «ядре» в целом сетевизированных систем постпостмодерна неких локализованных технологических «центров» и базовых пространств для «донорства безопасности». На статус такого центра претендует пока AUKUS. Этот вопрос, безусловно, станет определяющим для формирования геополитической архитектуры мира неоглобальности.

В обеих моделях неизбежна значительная роль инструментов идеологической консолидации соответствующих систем [Nye 2018]. Причем система неомодерна на начальном этапе своего становления может потребовать более жесткого социально-идеологического структурирования по сравнению с постпостмодерном, что обуславливается необходимостью отделения от деградирующего в рамках идеологии «сверх-либерализма» постиндустриального постмодерна, который также может на определенное время быть пространственно локализован (Европа, Атлантическое побережье США) и продолжать пытаться играть роль «ядра» системы. Таким образом, вопрос о доминировании двух моделей развития в конечном счете упирается в вопрос о конкуренции различных типов экономики неоглобальности, как минимум на переходный период, и о формах этой конкуренции.

Поступила в редакцию / Received: 27.03.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 14.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Беспалая О.П. После постмодерна: альтермодерн, трансмодерн, постпостмодерн // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 20–22.
- Давыдов Д. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021.
- Евстафьев Д.Г. Новый мировой порядок: потребность в «чистом листе» и геоэкономические реалии сегодняшнего дня // Международная жизнь. 2022. № 4. С. 38–49.
- Евстафьев Д.Г. Шагнуть за порог глобального мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 8–21.
- Ергин Д. Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / пер. с англ. М.: Интеллектуальная литература, 2021.
- Крестев И, Холмс С. Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Паблишер, 2020.
- Прощай COVID / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
- Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009.
- Bourriaud, N. Altermodern. Tate Triennial 2009. London: Tate Publishing, 2009.
- Drucker P.P. The Future of Industrial Man. Piscataway: Transaction Publishers, Rutgers The State University, 2009.
- Dussel E. World System and “Trans”Modernity // Nepantla. Views from South. 2002. No 3.2. P 221–244.

- Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. NY: Routledge 2003. 1
- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Polity and Stanford University Press. 1999.
- Hoberek A. Introduction: After Postmodernism // *Twentieth Century Literature*. 2007. № 53. P. 233–247.
- Jameson F. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1989.
- Kowalik G. Post-Postmodernism, the “Affective Turn”, and Inauthenticity // *Humanities*. 2023. Vol. 12. Iss.1. P. 7. <https://www.mdpi.com/2076-0787/12/1/7>
- Kumar K. *From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Theories of the Contemporary World*. 2nd edition. Wiley-Blackwell, 2004.
- McLuhan M., Powers B. *The Global Village: Transformations in World Life and Media in the 21st Century*. Oxford University Press, 1992.
- Nealon J.T. Preface: Why Post-postmodernism? // *Post-Postmodernism, or, the Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism*. Redwood City: Stanford University Press, 2012.
- Nye J.S.Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // *Foreign Affairs*. 2018. January, 24. Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>. (accessed: 15.03.2023).
- Schmidt E. Innovation Power. Why Technology Will Define the Future of Geopolitics // *Foreign Affairs*. 2023. March-April. Published on February 28, 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/eric-schmidt-innovation-power-technology-geopolitics>. (accessed: 10.03.2023).
- Weigner P. *Modernity as Experience and Interpretation. A new Sociology of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2008.
- Wilterdink N. The sociogenesis of postmodernism // *European Journal of Sociology = Archives Européennes De Sociologie*. 2002. Vol. 43, no. 2. P. 190–216.

References

- Bespalaya, O.P. (2014). After postmodern: Altermodern, transmodern, postpostmodern. *Humanitarian, socio-economic, and social sciences*, (3), 20–22. (In Russian).
- Bourriaud, N. (2009). *Altermodern. Tate Triennial 2009*. London: Tate Publishing.
- Davydov, D. (2021). *Postcapitalism and the birth of personalities*. Moscow: RIPOI classic. (In Russian).
- Drucker, P.P. (2009). *The future of industrial man*. Piscataway: Transaction Publishers, Rutgers The State University.
- Dussel, E. (2002). World system and “trans”modernity. *Nepantla. Views from South*, (3.2.), 221–244.
- Evstafiev, D.G. (2022). New world order: the need for a “blank slate” and the geo-economic realities of today. *The International Affairs*. (4), 38–49. (In Russian).
- Evstafiev, D.G. (2023). Step beyond the threshold of the global world. *Russia in Global Affairs*, 21(2), 8–21. (In Russian).
- Giddens, A. (2003). *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. NY: Routledge.
- Gaaze, K., Danilov, V., Dudenkova, I., Kralachkin, D., & Safronov, P. (Eds.). (2020). *Goodbye COVID*. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute. (In Russian).
- Held, D., McGrew, A., Goldblatt, D., & Perraton, J. (1999). *Global transformations: Politics, economics and culture*. Polity and Stanford University Press.
- Hoberek, A. (2007). Introduction: After postmodernism. *Twentieth Century Literature*, 53, 233–247.

- Jameson, F. (1989). *Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism*. Durham: Duke University Press.
- Kowalik, G. (2023). Post-Postmodernism, the “Affective Turn”, and Inauthenticity. *Humanities*, 12(1), 7. <https://doi.org/10.3390/h12010007>
- Krastev, I., & Holmes, S. (2020). *The Light That Failed: Why the West Is Losing the Fight for Democracy*. M.: Alpina Publisher. (In Russian).
- Kumar K. (2004). *From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world*, 2nd Edition. Wiley-Blackwell.
- McLuhan, M., & Powers, B. (1992). *The global village: Transformations in world life and media in the 21st Century*. Oxford University Press.
- Nealon, J.T. (2012). Preface: Why post-postmodernism? *Post-Postmodernism, or, the cultural logic of just-in-time capitalism*. Redwood City: Stanford University Press.
- Nye, J.S. (2018). How Sharp Power threatens Soft Power. The right and wrong ways to respond to authoritarian influence. *Foreign Affairs*. January 24. Retrieved March 15, 2023, from <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>.
- Schmidt, E. (2023). Innovation Power. Why technology will define the future of geopolitics. *Foreign Affairs*. March-April. Retrieved February 28, 2023, from <https://www.foreignaffairs.com/united-states/eric-schmidt-innovation-power-technology-geopolitics>.
- Turner, F.J. (2009). *The frontier in American history*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Weigner, P. (2008). *Modernity as experience and interpretation. A new sociology of modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Wilterdink, N. (2002). The sociogenesis of postmodernism. *European Journal of Sociology / Archives Européennes De Sociologie*, 43.2, 190–216.
- Yergin, D. (2021). *The new map: Energy, climate, and the clash of nations*. Moscow: Intellectual literature. (In Russian).

Сведения об авторах:

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — кандидат политических наук, профессор Института медиа Факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; профессор кафедры теории права и государства, Российский университет дружбы народов (e-mail: devstafiev@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6276-0342)

Цыганова Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент Школы коммуникаций факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: ltsyganova@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-2769-843X)

About the authors:

Dmitry G. Evstafiev — PhD in Political Sciences, Professor of the Institute of Media, Faculty of Creative Industries, HSE University; Professor of the Department of Theory of Law and State, RUDN University (e-mail: devstafiev@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6276-0342)

Lubov A. Tsyganova — PhD in History, Associate Professor of the School Communications of the Faculty of Creative Industries, HSE University (e-mail: ltsyganova@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-2769-843X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-308-318

EDN: VYONIK

Научная статья / Research article

Политическая теология контингентности: читая материалистов с Карлом Шмиттом

С.А. Ребров

*Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ naruto639@mail.ru

Аннотация. Политическая теология является одной из самых проблемных областей современной политической теории. Столкновение позиций между сторонниками отдельных интерпретаций данной дисциплины, с одной стороны, является серьезной проблемой, однако в этом же смысле отсутствие жестких определений открывает возможность для самых необычных форм взаимодействия политики и религии, даже в том случае, когда религия выступает исключительно как аналогия какой-либо другой мировоззренческой позиции. В своем исследовании автор опирается на сравнительно-исторический анализ различных определений политической теологии; для общей характеристики возможного соединения принципов политической теологии и материализма используется метод философской деконструкции. В исследовании применен сравнительно-исторический анализ различных определений политической теологии; для общей характеристики возможного соединения принципов политической теологии и материализма используется метод философской деконструкции. Рассматриваются возможности концептуального соединения принципов политической теологии с материалистической философией, основание которых в обоих случаях становится понятие исключительного случая, которое на мировоззренческом уровне способно приобретать характеристика Бога как политического учредителя и законодателя.

Ключевые слова: материализм, религия, исключительный случай, Альтюссер

Для цитирования: Ребров С.А. Политическая теология контингентности: читая материалистов с Карлом Шмиттом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 308–318. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-308-318>

© Ребров С.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Political Theology of Contingency: Reading Materialists with Carl Schmitt

Sergey A. Rebrov

*Sociological Institute — a Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation,*

✉ naruto639@mail.ru

Abstract. Political theology is one of the most problematic spheres in modern political theory. The clash of positions between supporters of individual interpretations of this discipline, on the one hand, is a serious problem, however, in this sense, the absence of strict definitions opens an opportunity for the most unusual forms of interaction between politics and religion. Even in the case when religion acts exclusively as an analogy of any other worldview position. The study relies on a comparative historical analysis of various definitions of political theology; the method of philosophical deconstruction is used for a general description of the possible combination of the principles of political theology and materialism. This research considers the possibilities of a conceptual combination of the principles of political theology and materialistic philosophy, the foundations of which in both cases are the concept of the specific angle, which at the worldview level can acquire a characteristic of God as a political founder.

Keywords: materialism, religion, specific angle, Althusser

For citation: Rebrov, S.A. (2023). Political theology of contingency: Reading materialists with Carl Schmitt. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 308–318. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-308-318>

Введение

До сих пор среди всех существующих видов политического знания политическая теология остается одним из наиболее проблемных и неопределенных направлений. Помимо крайне размытых временных рамок ее возникновения в настоящее время не существует какого-либо консенсуса в области даже самых базовых определений политической теологии и ее принадлежности к той или иной области знания, что фактически не позволяет сформулировать какого-либо универсального объяснения ее целей и задач. Является ли политическая теология, в первую очередь, формой политического знания, основанной на божественном откровении, как писал Лео Штраус? Учитывая, что с его точки зрения любой вид философского знания не нуждается в практике божественного откровения, открывающегося вследствие обращения мыслителя к сверхъестественным силам, политическая теология, в рамках его определения, оказывается противоположностью политической философии как поиска истины об общественном благе [см.: Штраус 2000: 11]. Вместе с тем нельзя не заметить, что штраусианская линия интерпретации политической теологии, при всех ее особенностях, сопровождается довольно поверхностным видением задач данной

дисциплины как сугубо ангажированной формы религиозной идеологии, основанной исключительно на авторитете Откровения.

Аналогичных воззрений на содержание данной области знания в общей сложности придерживается также и современный немецкий исследователь Хайнрих Майер, с точки зрения которого внутри самой политической теологии не существует нейтральных позиций как таковых [Майер 2012: 55]¹. Несмотря на то, что данная позиция, безусловно, имеет право на существование, ее наиболее существенным недостатком становится исследовательская бесперспективность дальнейшего развития политической теологии как абсолютно ангажированной формы религиозной идеологии. Однако при более вдумчивом прочтении одноименной работы Карла Шмитта (главным образом, ее третьей главы) можно обратить внимание на то, что сам немецкий юрист определял политическую теологию в совершенно ином ключе. Смысловое ядро политической теологии, согласно Шмитту, составляет социология юридических понятий, основанная на методе системной и структурной аналогии между понятиями учения о государстве и непосредственно теологическими понятиями (см.: [Шмитт 2016: 34–35])².

Цель и методы

В связи с отсутствием универсальных трактовок к определению предмета политической теологии ставится цель максимально конкретизировать методы данной дисциплины и ответить на главный вопрос о возможности соединения ее принципов с исходно нерелигиозными учениями, использующими конкретные теологические понятия исключительно в качестве аналогии.

Для достижения цели проводится сравнительно-исторический анализ различных определений политической теологии; для общей характеристики возможного соединения принципов политической теологии и материализма используется метод философской деконструкции, который в полной мере был описан еще французским философом Ж. Деррида [Деррида 2000].

¹ Показательно, что даже сам диалог между Шмиттом и Штраусом, касающийся содержания знаменитой работы Шмитта «Понятие политического», Майер интерпретирует не столько в контексте столкновения двух мировоззренческих позиций, сколько в качестве соприкосновения двух различных типов политического знания: политической философии и непосредственно политической теологии [Майер 2012: 64].

² Привсем этом, как указывает российский исследователь творчества Шмитта В.Е. Кондуров, сам немецкий теоретик указывал, что непосредственно социологический аспект политической теологии, основанный на методе системной и структурной аналогии, не предполагает того факта, что ключевые теологические понятия напрямую переходят в область политики и права [Кондуров 2019: 57–58]. С точки зрения Шмитта, смысл аналогии заключается в том, что в сфере того же государственного права существует системная структура, аналогичная содержанию понятийной структуры христианской теологии. Таким образом, политическая теология в этом смысле не является ни формой политизации теологических понятий, ни формой теологизации политики, что в обоих случаях сделало бы аналогию невозможной.

Вопрос о религиозном содержании

В случае дальнейшего развития определения Шмитта политическая теология может рассматриваться в качестве относительно автономной области знания, занимающей промежуточное положение между политической мыслью, теологией и юриспруденцией как методологией системной и структурной аналогии между теологическими и государственно-правовыми системами понятий. Таким образом, политическая теология становится некоторым связующим звеном между рядом схожих дисциплин, вступающих в контакт друг с другом посредством реализации нескольких теоретико-методологических задач, таких как критика конкретных политических институтов посредством теологических аргументов, обоснование той или иной формы политической власти, используя аргументы в сторону божественного откровения, или же создание определенной эпистемологической практики познания структурного подобия понятийных систем, образующих связь между политикой и религией.

Помимо непосредственно самого определения, одной из наиболее существенных трудностей использования концепта политической теологии остается вопрос о ее мировоззренческих связях с христианской религией, которая, согласно концептуальному основанию абсолютного большинства направлений политической теологии, и послужила фундаментом для современных государственно-правовых систем понятий. То есть, исходя из данной проблемы, многие исследователи уже в середине XX в. задавались вопросом о том, возможна ли условно нехристианская версия политической теологии. Как и в отношении определения, в данном вопросе также до сих пор отсутствует какой-либо устоявшийся консенсус, однако сам факт того, что в настоящее время многие известные исследователи и теоретики пишут о политической теологии ислама, иудаизма и даже древнеязыческих религий, позволяет отдельным специалистам занять вполне конкретную позицию, согласно которой область политической теологии отнюдь не ограничивается исключительно христианством (см.: [Ассман 2022: 64–65]).

Попытки материалистической интерпретации политической теологии

Более сложным вопросом с этой точки зрения становится возможность соединения принципов политической теологии с изначально нерелигиозными формами мировоззрения, которые, однако, используют теологические понятия в качестве оснований для собственной политико-философской рефлексии. Особым образом данный принцип касается ряда современных материалистических онтологий, теоретики которых далеко не всегда занимают принципиальную атеистическую позицию в контексте полного отказа от использования религиозной терминологии. Так, среди ряда подобных течений особым образом выделяется направление материалистической теологии, развиваемое Славоем Жижекком в контексте радикального переосмысления принципов христианской религии в области собственного проекта нового диалектического материализма,

соединенного с психоанализом Жака Лакана. Согласно Жижеку, в самом христианстве изначально содержится глубоко атеистическая идея, связанная с образом распятия Христа, осознавшего в тот момент всю ограниченность собственного могущества [Жижек 2008: 65]. То есть в этот самый момент, следуя Жижеку, Бог начинает сомневаться в самом себе (в своем могуществе), что позволяет в практическом смысле разорвать оковы символического порядка, что также имеет сугубо политический смысл [Жижек 2003: 127–128]. Вместе с тем нельзя не согласиться с тем фактом, что подобный вариант соединения материализма и политической теологии создает сугубо атеистическую идейно-теоретическую конструкцию, внутри которой даже сам условный образ Бога как творца существующей политической реальности полностью отбрасывается, что фактически делает ненужной какую-либо связь с религиозным дискурсом, который при этом еще и полностью ограничивается исключительно христианством.

В противоположность материалистической теологии Жижека остальные направления современного материализма, которые в отличие от предшествующей традиции марксистского диалектического материализма также не основываются на идее единой материи как первопричине существующей действительности, имеют в своем основании более благоприятные основания для возможностей материалистической интерпретации политической теологии. Тем не менее, конечно, нельзя не подчеркнуть, что в данном случае речь не идет о каком-либо возвращении к использованию религиозной метафизики. Как справедливо указывает российский исследователь А.С. Ветушинский, современное третье поколение материалистов (согласно его собственной классификации) не только отрицают божественную природу происхождения мироздания, но, более того, считают необходимым отказ от универсального объяснительного принципа вообще (будь то Бог, экономика или даже сама материя, как это было в случае с диалектическими материалистами) [Ветушинский 2018: 42]. Исходя из данной концептуальной установки, на первый взгляд, трудно себе вообразить более несовместимую непосредственно с политической теологией мировоззренческую форму, однако здесь, в свою очередь, осуществляется возвращение к знаменитой кантовской проблеме «вещи в себе» (нем. *Ding an sich*), которая в этом смысле и становится возможным связующим звеном современного материализма и политической теологии. Как известно, сам И. Кант рассматривал «вещь в себе» в качестве недоступного для человеческого разума объекта познания, способного лишь намекать на свое присутствие в окружающей действительности [Кант 1999: 90]. Интерпретируя данную мысль в плоскости материалистической онтологии, французский мыслитель Жорж Батай предложил аналогию между вещью в себе и базовым понятием собственного материализма, основанного на принципе ускользающего понятия, способного лишь намекать на собственное присутствие, избегая точного описания посредством конкретизации (сам мыслитель предлагал в качестве такого понятия «бессознательное» Фрейда). Согласно Батаю, именно данный принцип является подлинной характеристикой любой версии подлинного материализма, который, в отличие от классических версий просвещенческого материализма, не предполагает практики использования

универсальных описательных принципов, пришедших на замену трансцендентному Богу (будь то абсолютный дух, или же сама материя)³. В этом случае, используя аргумент Батая, можно предположить, что в данном отношении не столь важно, какое именно философское понятие теоретически может быть использовано в качестве своеобразного аналога кантовской «вещи в себе», которая, со всеми оговорками, может интерпретироваться в теологическом ключе как некоторая божественная сущность, недоступная для полноценного познания. В отличие от весьма традиционного для более ранних версий философского материализма воинствующего атеизма подобное понимание божественного откровения как постоянных намеков на собственное присутствие в совокупности с невозможностью детального описания сущности самого божества создает более благоприятные основания для материалистской интерпретации политической теологии в сравнении с идеями Славоя Жижека. Ключевым дискуссионным элементом в данном контексте, однако, становится вопрос о том, какое именно понятие должно выступать в качестве наиболее приемлемой версии соединения характеристик ускользающего от точных моделей описания объекта (в кантовском смысле) и непосредственно возможного проявления деятельности некой божественной сущности в окружающей политической действительности. В этой связи одним из наиболее подходящих для реализации данной задачи направлений современного материализма является случайный материализм французского философа Луи Альтюссера, базовым понятием которого выступают «непредвиденные обстоятельства».

Бог как исключительный случай (на примере концепции Альтюссера)

Рассматривая альтюссеровскую версию материализма, можно заметить, что непосредственная роль случайности как самой возможности радикального изменения любой описываемой ситуации рассматривается Альтюссером отнюдь не в качестве универсального принципа, одинакового для любых случаев, но в плане необходимости непредвиденных обстоятельств, исход вмешательства которых никогда не может быть точно предсказан [Althusser 2006: 175]. То есть, несмотря на всю очевидность присутствия случайности и непредвиденных обстоятельств в общественной жизни, данные понятия, тем не менее, не могут быть полноценно конкретизированы, так как в этом случае будет утрачена их исходная характеристика (непредвиденность). В отношении политической теории сам Альтюссер рассматривал данный принцип, ориентируясь на фигуру нового государя Никколо Макиавелли, способного к объединению Италии, которое пусть и является желаемым, но совсем не является необходимым. Более того, отсутствие какого-либо заранее разработанного плана действий со стороны конкретных политических сил в данном случае становится не только наиболее

³ Батай Ж. Базовый материализм и гностицизм. URL: <https://spacemorgue.com/base-materialism/> (дата обращения: 13.02. 2023).

макиавеллистским ответом на вызовы собственной политической конъюнктуры, но и наиболее материалистической версией анализа политической обстановки [Althusser 2006: 172]. Посредством переноса данного мировоззренческого принципа в область политической теологии как формы политического знания можно сказать, что Бог, рассматривающийся в качестве определенного выражения случайности, способной к внезапному вмешательству в объективную реальность, становится тем самым носителем суверенной власти, учреждающим существующие правила и законы⁴.

То обстоятельство, что высшая инстанция политического суверенитета, способного к радикальным политическим изменениям, в этом случае не имеет какого-либо устоявшегося статуса, лишь подчеркивает материалистичность подобного прочтения принципов политической теологии. При этом важной особенностью подобного союза является возможность концептуальной работы с другими современными мировыми религиями, в число которых входит далеко не только христианство. Особым образом, речь в данном случае может идти о политической теологии ислама, о которой в последние годы пишут многие специалисты (см.: [Campanini 2021: 39–40]). Учитывая то обстоятельство, что в исламе не только сам Бог, но и его пророки не имеют какого-либо единого воплощения (согласно исламским религиозным принципам любые изображения Аллаха и пророка Мухаммеда строго запрещены) подобный тип религиозного дискурса теоретически может стать весьма благоприятной почвой для материалистической версии политической теологии, несмотря на всю символическую невозможность соединения принципов веры в Единого Бога и материалистического отказа от любых универсальных объяснительных принципов. Достигается возможность подобной интерпретации именно по причине точки рассмотрения какой-либо конкретной формы божественного вмешательства не как необходимого, но лишь как возможного, которое при этом не может иметь какого-либо единого воплощения со строго предсказуемыми последствиями.

Таким образом, сама характеристика той сущности, которая теоретически может осуществить вмешательство в актуальный политический процесс, не имеет принципиального значения для самой теоретической формы (будь это непредвиденные обстоятельства или же всемогущий Бог). С этой точки зрения, наиболее важной составляющей материалистической версии политической теологии становится то, что существующие формы земной политической власти, которые также являются в том числе воплощением воли конкретного божества, не только не являются необходимыми, но и чисто теоретически могут быть пересмотрены самым радикальным образом посредством внезапного вмешательства носителя высшей суверенной власти, который может как оказаться лишь орудием третьей силы (исключительного случая), так и действовать, исходя

⁴ В рамках современной политической теории понятие «учредительной власти» как высшей инстанции, способной к созданию радикально нового начала в области государства и права в свое время было наиболее подробно исследовано итальянским политическим теоретиком Антонио Негри с акцентом на религиозном происхождении данного понятия (см.: [Negri 1999]).

из своей собственной воли, пытаясь подстроиться под окружающую действительность, также подчиняющуюся логике абстрактного божества (в нашем случае — непредвиденным обстоятельствам). Вспоминая «Государя» Макиавелли, можно сказать, что непосредственно новый государь, не имеющий какой-либо единой формы, должен балансировать на стыке соединения собственной доблести (virtue) и воли удачи (fortune), которая, как отмечает Альтюссер, также рассматривалась Макиавелли по аналогии с божеством, воплощающим в себе логику непредвиденных обстоятельств, действия которого невозможно с точностью предсказать [Althusser 1999: 35].

Возвращаясь непосредственно к юридической стороне политической теологии, следует напомнить, что тот же Карл Шмитт склонялся именно к ее интерпретации как социологии юридических понятий, основанной на методе системной и структурной аналогии между учением о государстве и непосредственно теологическими понятиями, которые особым образом позволяют проследить политические истоки конкретной системы правоотношений. То есть в отличие от многочисленных концепций естественного права шмиттеанский децизионизм на уровне базовых посылок исходил из принципа верховенства политического решения по отношению к сущности того или иного закона, который вне зависимости от его содержания выступает следствием политического решения. Более того, одним из наиболее важных аргументов со стороны Шмитта в сторону своей позиции является обоснование ключевой роли случая как возможности исключения из правил в контексте учреждения существующих систем государства и права [Шмитт 2016: 17]. Фактически в данном вопросе исключительный случай не только оказывается более важным, чем непосредственно нормальное состояние, но и, более того, он выступает той силой, которая создает это самое нормальное состояние, которое, также повинаясь воли исключительного случая, может быть максимально перестроено. Таким образом, несмотря на то, что сам Шмитт не использовал в данном ключе структурную аналогию между Богом и исключительным случаем, его внимание к непредвиденному акту учреждения новой системы правоотношений, который с его точки зрения оказывался более важным по содержанию, чем непосредственно сама установленная норма, фактически изначально содержало в себе благоприятные основания для иных возможных интерпретаций его собственного понимания назначения политической теологии как дисциплины.

При всем этом важно подчеркнуть, что возможность использования структурной аналогии между Богом и непредвиденными обстоятельствами как определенной совокупностью исключительных случаев, каждый из которых также тесно переплетен с самыми различными сферами общественной реальности, отнюдь не ограничивается областью политической теологии. В этом отношении альтюссеровская концепция сверхдетерминации, базирующаяся на принципе отсутствия первопричины в качестве исходного источника того или иного события фактически означает возможность внезапного вмешательства любой из существующих детерминант в объективный процесс развертывания самой ситуации [Альтюссер 2006: 145]. То есть характеристиками

исключительного случая в этом смысле теоретически может обладать любой элемент механизма политической совокупности («конъюнктуры» в терминологии Альтюссера) в зависимости от самой ситуации, что, однако, не означает факта равнозначности всех сфер общественной жизни. Согласно Альтюссеру, на определенных исторических периодах существуют условно наиболее предрасположенные к возможности захвата контроля над остальными областями общественной жизни детерминанты, которые при этом далеко не всегда оказываются решающими. В сравнении данной концепции с рядом позиций политической теологии Шмитта можно сказать, что исключительный случай рассматривается обоими теоретиками в качестве структурированной системы возможностей политизации изначально нейтральных областей, способных совершить скачок к итоговому развитию объективной политической вражды с той особенностью, что сама политизация не имеет какой-либо жесткой привязки к конкретной области социальной реальности. Таким образом, непредвиденные обстоятельства как фактор возможной политизации становятся возможным основанием материалистической версии политической теологии, объединяющей как децизионистскую традицию понимания роли политического решения, так и специфическую версию современного материализма, основывающуюся на контингентности.

Выводы

В отношении перспектив дальнейшего развития материалистической интерпретации политической теологии следует подчеркнуть, что на контрасте со многими другими направлениями нового материализма, представители которых зачастую с безразличием относятся к области политической теории, непосредственно альтюссерианское определение материализма оказывается наиболее благоприятным для возможностей его гибридизации с базовыми положениями политической теологии как области знания. Посредством метода структурной аналогии между Богом и совокупностью непредвиденных обстоятельств подобное соединение оказывается в наиболее выгодном положении в сравнении с той же атеистической теологией Жижека, внутри которой сами теологические понятия оказываются лишь красивой картинкой для привлечения внимания. Ко всему прочему, более совершенные версии политической теологии (не связанные напрямую с материализмом) в этом смысле также обязаны использовать более концептуально проработанные системы теологических понятий, использующие разнообразные виды религиозных символов, к которым в том числе относятся исключительные случаи, под определенным углом действительно приобретающие характеристики божественных сущностей.

Поступила в редакцию / Received: 10.01.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 20.01.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Альтюссер Л. За Маркса. М.: Практис, 2006.
- Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем. СПб.: Владимир Даль, 2022.
- Ветушинский А.С. Во имя материи: Критические и метафизические исследования. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
- Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2000.
- Жижек С. К материалистической теологии // Логос. 2008. № 4 (67). С. 55–66.
- Жижек С. Хрупкий абсолюте, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Художественный журнал, 2003.
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999.
- Кондуров В.Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 3. С. 49–78.
- Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Издательская группа «Скимень», 2012.
- Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
- Штраус Л. Введение в политическую философию. М.: Логос, Практис, 2000.
- Althusser L. *Machiavelli and Us*. London. New York: Verso, 1999.
- Althusser L. *Philosophy of the Encounter. Later Writings, 1978–87*. London; New York: Verso, 2006.
- Campanini M. *Political Theology of Violence: Religion and Revolution in a Few Contemporary Islamic Thinkers* // *Islamic Political Theology* / ed. by M. Campanini, M.D. Donato. Lanham; Boulder: Lexington Books, 2021. P. 39–51.
- Negri A. *Insurgencies: Constituent Power and the Modern State*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

References

- Althusser, L. (1999). *Machiavelli and Us*. London; New York: Verso.
- Althusser, L. (2005). *For Marx*. Moscow: Praxis Publ. (In Russian).
- Althusser, L. (2006). *Philosophy of the Encounter. Later Writings, 1978–87*. London; New York: Verso.
- Assmann, J. (2022). *Political Theology between Egypt and Israel*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian).
- Campanini, M. (2021). *Political Theology of Violence: Religion and Revolution in a Few Contemporary Islamic Thinkers*. In M. Campanini, M.D. Donato (Eds.), *Islamic Political Theology* (pp. 39–51). Lanham; Boulder: Lexington Books.
- Derrida, J. (2000). *Of Grammatology*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian).
- Kant, I. (1999). *Critique of Pure Reason*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Kondurov, V.E. (2019). Carl Schmitt's Political Theology: Discourse and Methodological Approach. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 14(3), 49–78. (In Russian).
- Meier, H. (2006). *Carl Schmitt and Leo Strauss: The Hidden Dialogue*. Chicago: University of Chicago Press.
- Negri, A. (1999). *Insurgencies: Constituent Power and the Modern State*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Schmitt, C. (2016). *The Concept of the Political*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).
- Strauss, L. (2000). *An Introduction to Political Philosophy*. Moscow: Praxis Publ; Logos. (In Russian).
- Vetushinsky, A.S. (2018). *In the name of matter: Critical and metaphysical studies*. Perm: Gile Press. (In Russian).

Žižek, S. (2008). Towards a Materialist Theology. *Logos*, 4(67), 55–66. (In Russian).

Žižek, S. (2003). *The Fragile Absolute: Or, Why is the Christian Legacy Worth Fighting For?* Moscow: Art Magazine. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ребров Сергей Александрович — младший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург (e-mail: naruto639@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2993-5945)

About the author:

Sergey A. Rebrov — Research Fellow, Sociological Institute — Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation (e-mail: naruto639@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2993-5945)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-319-329

EDN: ZCYKIU

Научная статья / Research article

Новые дилеммы теории «справедливой войны»

Е.П. Шанченко

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Сеченовский Университет, Москва, Российская Федерация*

✉ shanchenkoep@gmail.com

Аннотация. Обращаясь к классическим постулатам теории справедливой войны, автор рассматривает также ее современные прочтения. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что некоторые политологи модернизировали эту теорию. Так, вследствие появления новых акторов на международной арене, в теории справедливой войны появился неклассический вариант, позволяющий включать негосударственных акторов в сферу анализа (что привело к отмене отдельных принципов теории: принципа легитимности власти, принципа крайнего средства, а также к возможности имплементации превентивных действий), а также возникли принципы *jus post bellum*. Интересно, что, с точки зрения отдельных исследователей, вопрос теории справедливой войны неразрывно связан с вопросом глобального лидерства США. В ходе истории изменились участники и мотивы ведения войн, изменяются и критерии их «справедливости» (например, теория пунитивной войны). Детально анализируя постулаты теории «справедливой войны», автор обращается к историческим событиям: «арабской весне», противостоянию США и СССР, современным информационным войнам. Автор приходит к выводу, что использование теории «справедливой войны» для анализа событий современности остается по-прежнему актуальным, однако требует внесения новых постулатов в нормативы теории, в частности дополнения принципов *jus ad bellum* и *jus post bellum*.

Ключевые слова: справедливость, ООН, *jus ad bellum*, *jus in bello*, *jus post bellum*, мировые операции

© Шанченко Е.П., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шанченко Е.П. Новые дилеммы теории «справедливой войны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 319–329. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-319-329>

New dilemmas of the «just war» theory

Ekaterina P. Shanchenko

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation,*

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation,

Sechenov University, Moscow, Russian Federation,

✉ shanchenkoep@gmail.com

Abstract. Referring to the classical tenets of the “just war” theory, the author also analyses its modern versions. While the research the author arrives at the conclusion that some political scientists have modernized the theory of “a just war” according to the modern times. For instance, due to the existence of new actors on the international arena, there were created a new version, which allows to include non-state actors for the analysis (which consequently led to abolition of such principles as legitimacy of authorities, “last resort” criteria and also led to the implementation of the preventive actions) as well as the principles just post bellum. It is interesting to note that some political scientists associate the theory of “a just war” with the issue of global leadership of the USA. Throughout the history the participants and the aims of the wars have undergone serious changes, so that nowadays they do not sound “just” (for example, theory of punitive war). Analyzing in detail the postulates of the theory of “just war”, the author turns to historical events — the “Arab Spring”, the confrontation between the USA and the USSR, modern information wars. The author arrives at the conclusion that the use of the theory of “just war” for the analysis of modern events remains relevant, however, requires the introduction of new postulates in the norms of the theory, in particular, the addition of the principles of jus ad bellum and jus post bellum.

Keywords: justice, the United Nations, jus ad bellum, jus in bello, jus post bellum, peacemaking operations

For citation: Shanchenko, E.P. (2023). New dilemmas of the «just war» theory. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 319–329. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-319-329>

Введение

Феномен войны испокон веков интересовал общество с разных точек зрения — политики, религии, законотворчества, военной сферы, философии. Осмысление сущности войны, стадий развития конфликтов, а также пути их преодоления являются необходимыми факторами развития государства, мирового сообщества и человечества в целом.

Современная ситуация ознаменована не только распространением конфликтов в многочисленные регионы, изменением условий их протекания (изменился

круг участников, появились кибервойны, гибридные войны, гроху войны), но и, возможно, возвращением концепта «справедливой войны» в поле актуального дискурса. Для более детального анализа данного явления остановимся на основных положениях теории более подробно. В процессе исследования автор обращается к работам зарубежных исследователей Майкла Уолцера [2019, Walzer 1977], Н. Фоушина [2016], М. Калдор [Kaldor 1999], Дж. Макмаана [2019], а также российских политологов (Б.Н. Кашникова [2019, 2020], А.Д. Куманькова [2019], И.Н. Сидоренко [2020] и др.).

Теория справедливой войны: основные постулаты

Нормативная теория справедливой войны основывается на двух классических принципах, принципах вступления в войну (*jus ad bellum*) и ведения боевых действий (*jus in bello*).

Принципы вступления в войну представлены правом начать военные действия, имея обоснованный мотив (принципом правого дела), принципом крайнего средства (т.е. исчерпание всех попыток мирного урегулирования до начала военных действий), исключительным правом легитимной власти начать военные действия (принципом легитимной власти), принципом добрых намерений, принципом соразмерности потерь целям военных действий (принципом соразмерности), а также наличием объективных шансов на успех в случае вступления в войну (принципом вероятности успеха).

К принципам *jus in bello* (процесса ведения военных действий) относятся обеспечение безопасности для мирных граждан (нонкомбатанты не должны становиться объектом военных действий) и соразмерность между стратегическими и тактическими преимуществами. В связи с изменением баланса сил на международной арене, а также трансформацией концепта войны важно проследить, изменилось ли отношение к соблюдению традиционных постулатов справедливой войны на международной арене.

Мотивы современных войн

Конфликты современности отличаются наличием негосударственных акторов на мировой арене, а также мотивами субъектов, затеявших войну. Данные обстоятельства также влияют на восприятие справедливости начатой войны¹.

¹ Учитывая, что в современных конфликтах могут стираться различия между комбатантами и нонкомбатантами (включая мирное население, прибегающее к использованию вооруженной силы для превентивной защиты), отдельные исследователи (например, Дж. Макмаан) высказывают предположения о невозможности применения классического понимания теории «справедливой войны» для анализа и оценки современных войн. См.: McMahan J. Rethinking the “Just War”, Part 1 // New York Times. Opinionator. 2012, November 11. URL: <https://archive.nytimes.com/opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/11/rethinking-the-just-war-part-1/> (дата обращения: 29.04.2023).

Так, по мнению российского исследователя А.Д. Куманькова, в современном мире воскрешается не столько теория справедливой войны, сколько представления о пунитивной войне, войне-наказании, направленной против несправедливости государственных режимов, нарушающих права своих граждан и угрожающих миру и стабильности на международной арене [Куманьков 2019: 99]. Инициаторами данных конфликтов (гуманитарных интервенций, операций по установлению мира) пока выступают только государства.

Другой взгляд на мотивы современных «справедливых войн» открывают для нас работы профессора Б.Н. Кашникова.

В статье «Глобальный суверенитет и моральная деградация войны» Б.Н. Кашников пишет о глобальном лидерстве США как ведущей державы на международной арене, в фарватере которой и действуют остальные государства [Кашников 2020: 17]. Именно вследствие трансформации США, ставшего не только «национальным государством», но также «супердержавой» и «глобальной сетевой империей» [Кашников 2020: 17], изменились и мотивы участия супердержавы в войне: в борьбе за глобальное лидерство любое государство, имеющее противоположный взгляд, отличающуюся картину мира, другой политический режим изначально рассматривается не просто как оппонент, но как противник и цель для борьбы. В намерении США распространить на другие государства свой политический курс и свою идеологию, а также включить ряд государств в орбиту своего влияния и заключено возрождение теории справедливой войны.

Расширяя концепт, предложенный Б.Н. Кашниковым, с оппонентов США до оппонентов западному миру (государств с другим строем и укладом жизни, также отличающихся культурными ценностями), можно увидеть, что данная позиция может отражать реальность сегодняшнего дня, в частности использование американским политическим истеблишментом концепции «смены режимов». Данная концепция, используемая Соединенными Штатами в отношении недемократических режимов, представляющих угрозу не только США, но и всему мировому сообществу, допускает принятие «превентивных действий», способных разрушить намерения противника².

Интересно отметить, что аналогом концепции «смены режимов» США первоначально являлись поправки Т. Рузвельта к доктрине Монро, предусматривавшие вторжение США на территорию любого государства в случае «нецивилизованного поведения» или «хронических нарушений» [Сидоров, Фрадкова 2023: 18]: «Хронические нарушения или неспособность, которые влекут за собой общее ослабление правил цивилизационного общества, могут,

² Ряд исследователей относит политическое оформление концепции «смены режимов» к созданию Стратегии национальной безопасности 2002 г. См.: *The National Security Strategy of the United States of America* (2002). URL: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2002/> (accessed: 29.04.2023). Тем не менее данная концепция была использована еще в 1998 г., в заявлении Конгресса США по поддержке усилий по отстранению Саддама Хусейна от власти в Ираке. См.: *The Iraq Liberation Act of 1998* // H.R. 4655. October 31, 1998. URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/4655> (accessed: 29.04.2023).

в конце концов, потребовать интервенции цивилизованной нации» [Сидоров, Фрадкова 2023: 19–20].

Обратим внимание, что к доктрине «смены режимов» можно отнести и «цветные революции», используемые если смена режима выглядит нецелесообразной или невозможной. Зарождение подобных концепций, как пишут российские исследователи А. Сидоров и В. Фрадкова, связано с убежденностью «в особой цивилизаторской миссии Америки» [Сидоров, Фрадкова 2023: 20], а также черно-белым восприятием мира со стороны ее политическоего истеблишмента.

Jus in bello современных войн

Обращаясь к современным прочтениям теории справедливой войны, следует подробнее остановиться на правилах ведения современных конфликтов.

На сегодняшний день вследствие масштабного развития военного бизнеса³, появления частных военных компаний, поводами для справедливых войн современности выступают поверхностные мотивы, а военные действия ведутся не доблестными героями, а при участии наемников, имеющих внушительное финансовое обеспечение.

Также следует обратить внимание и на новые концепты, например возникновение «цветных революций», которые за счет ряда особенностей также можно отнести к разновидностям современных войн. Связанные с доктриной «смены режимов» «цветные революции», как правило, приводят к вооруженным столкновениям на территории государств, прямому столкновению между оппонировающими сторонами, многочисленным жертвам, возможному свержению правящего режима, крушению государственного строя, приходу новой правящей верхушки, а также возможному началу гражданской войны. Информационная война, которая может предшествовать или сопровождать проведение «цветных революций», имеет новые черты, не описанные в нормативной теории «справедливой войны», — манипулирование местным населением, которое в конечном счете может выступать не как жертва военных действий, но как одна из сторон — участников конфликта.

В этой связи примечательно обратиться к событиям «арабской весны». Наиболее яркими особенностями данных событий являлись влияние социальных сетей в процессе аккумуляции общества и организации митингов, быстро меняющиеся требования оппозиции, иллюзорные представления и ожидания у протестующих, «фиктивность происходящего» [Демидов 2023: 50–51]

³ Так, по данным СИПРИ 2021 г., мировые военные расходы в 2020 г. оцениваются приблизительно в 1981 млрд долл. США, что на 2,6 % выше, чем в 2019 г., и на 9,3 % выше, чем в 2011 г. Данные затраты являются наиболее внушительными с момента финансового и экономического кризиса 2009 г. См.: SIPRI Yearbook 2021. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 2021. 752 p. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2021> (accessed: 29.04.2023).

(отвлечение общественного внимания от значимых вопросов). Информационная война, связанная не только с распространением пропаганды, но и фейковой информации, учитывая ее масштабы в современном дискурсе, должна быть также включена в анализ справедливости современных войн.

Немаловажным вопросом также является вопрос завершения войны. И здесь можно привести в пример две точки зрения.

Так, М. Уолцер («Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха)») поднимает актуальный вопрос о завершении конфликта, в частности об ответственности, которую должна нести страна-победитель в конфликте по восстановлению прежнего нарушенного уклада в разрушенном государстве-оппоненте [Уолцер 2019]. Военные действия, будь это вооруженная борьба или гуманитарная интервенция, не могут просто так закончиться: международное сообщество несет ответственность за разрушение уклада жизни мирных граждан. Ученый обращается к необходимости наличия международного органа, который мог бы контролировать действия государств после завершения военных действий⁴.

Учитывая события последних десятилетий, Организация Объединенных Наций, целью которой долгое время служили стабильность и безопасность на международной арене, а также суверенитет государств, могла дискредитировать себя как эффективный орган на международной арене в глазах ряда акторов на мировой арене. В связи с этим в последние годы все чаще высказываются предложения о необходимости реформирования организации.

Тем не менее вопрос о постконфликтном восстановлении, как и вопрос об ответственности за причиненный ущерб, нельзя оставить без внимания. Неурегулированность данного вопроса снимает ответственность с приверженцев таких радикальных подходов в МО, как гуманитарная интервенция, военная операция.

Данная позиция представляется особенно актуальной на фоне недавно завершенной операции НАТО в Афганистане.

Как замечает А.Р. Амини в статье «Причины провала миссии США + НАТО в Афганистане и прогноз ситуации в стране при „новом режиме“, военная кампания США в Афганистане является самой длительной операцией Америки в регионе (2001–2021 гг.) [Амини 2021]. Основанием для ввода войск первоначально послужили события 11 сентября 2001 г., однако в ходе военной операции на базе Афганистана США стремились создать государство с «сильным центральным правительством» и «цивилизовать» [Амини 2021: 101] население Афганистана. В результате проведенной и внезапно завершившейся военной операции государство оказалось втянуто в гражданскую войну,

⁴ Данная мысль перекликается с точкой зрения Дж. Макмаана, также поддерживающего идею создания международных институтов, способных контролировать и оценивать международные конфликты с точки зрения морали и справедливости. См.: McMahan J. Rethinking the “Just War”, Part 2 // *New York Times. Opinionator*. 2012, November 12. URL: <https://archive.nytimes.com/opinionator.blogs.nytimes.com/2012/11/12/rethinking-the-just-war-part-2/> (accessed: 29.04.2023).

закончившуюся приходом талибов к власти и усугублением положения местного населения, включая женщин.

Как можно заметить, со стороны мирового сообщества не прозвучало осуждений, действия США были оправданы.

Другую, прямо противоположную точку зрения можно увидеть в работе И.Н. Сидоренко «Феномен „справедливой войны“ и ее трансформация в современном мире». По наблюдениям исследователя, «криминализация врага» [Сидоренко 2020: 119] привела к отсутствию необходимости завершения военных действий, восприятию справедливости войны с точки зрения сильнейшей стороны и тотального характера войны. Иными словами, война становится бесконечной и своей целью имеет лишь ее продолжение.

Подобное описание, на наш взгляд, применимо именно к информационной войне, в результате которой стороны могут активно пропагандировать свой уклад жизни и свое мировоззрение, а также демонизировать оппонентов. Данные обстоятельства были также характерны и для советского периода. Достаточно вспомнить американскую пропаганду второй половины 1940-х гг., в рамках которой «позитивный медийный» [Сидоров, Фрадкова 2023: 25] образ Сталина быстро трансформировался в «образ тирана, мечтающего о мировом господстве» [Сидоров, Фрадкова 2023: 25], или трансляции радиокompаний BBC, «Голос Америки», «Голос Израиля», «Немецкая волна».

Jus post bellum современных войн

В политологическом дискурсе также активно обсуждаются принципы *jus post bellum*, связанные с решением ключевых вопросов любого конфликта: вопросом окончания военных действий (данный вопрос пересекается с вопросами *jus in bello* и *jus ad bellum* и связан с основаниями для начала военных действий), вопросом ответственности за ведение военных действий, а также пропорциональности наказания политического руководства и военных в соответствии с принимаемыми решениями и вопросом обеспечения мира и безопасности в будущем (что, как правило, выполняется за счет проведения миротворческих миссий в постконфликтных регионах). Также обсуждаются вопросы пропорциональности (требования по отношению к проигравшей стороне должны соответствовать мере причиненного ущерба), восстановления прав суверенитета и территориальной целостности проигравшей стороны, вопрос компенсации, вопрос политической реконструкции и восстановления проигравшей стороны-агрессора.

Здесь следует привести в пример опыт Ирака. Несмотря на отсутствие демократического режима в стране, до военной операции США 2003 г. государство обладало собственным политическим строем с авторитарной системой правления (с элементами культа личности С. Хусейна), который долгое время поддерживал стабильность внутри государства и удерживал различные политические группировки, кланы и религиозные объединения от гражданской войны.

Созданная при поддержке США конфедерация с множеством парламентских фракций и политических партий не смогла удержать стабильность, что впоследствии привело к образованию Исламского государства⁵.

Таким образом, несмотря на возможность проведения демократических выборов, наличие представителей органов власти, в результате допущенных ошибок, связанных с незнанием особенностей уклада и жизни, иракское общество оказалось расколото и дезинтегрировано.

Подобные обстоятельства ставят вопрос о легитимности реформирования постконфликтного общества, а также вопрос справедливости по отношению к ряду правителей. Отметим, что после событий «арабской весны», спустя пару лет, вопрос о легитимности казни правителей Ирака и Ливии звучал неоднократно.

«Справедливая война» как политический лозунг

Несмотря на существенное отклонение политики отдельных государств от нормативов теории справедливой войны, следует отметить, что отдельные элементы часто используются в политическом дискурсе современности.

Так, возвращаясь к принципу правого дела, а также к вопросу обеспечения безопасности гражданского населения, можно увидеть, как отдельные государства расширили данный принцип до одобрения военных действий со стороны населения. Об этом, в частности, пишет и М. Уолцер в статье «Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха)» [Уолцер 2019].

Именно в положительном восприятии войны среди населения государства, осуществляющего военные действия и государства, на территории которого они проходят, М. Уолцер видит успех и признание войны в качестве справедливой со стороны мирного населения.

Стоит признаться, что заигрывание с населением ради политической поддержки было и останется актуальным для любого государства.

Так, идея справедливой войны была популярна во время прихода к власти большевиков и впоследствии снова была озвучена во время Второй мировой войны.

Ленинская теория войны, которую подробно освещают К.Д. Бугров и А.В. Логинов («Назад к субъекту: теория справедливой войны в современной политической мысли»), определяла уровень справедливости за счет оценки статуса участников военных действий [Бугров, Логинов 2020]. Основываясь на методе диалектического материализма К. Маркса, сторонники данной теории, независимо от целей и причин, определяли участие «империалистической державы» [Бугров, Логинов 2020: 123] в любом конфликте как несправедливое.

⁵ Организация «Исламское государство» признано террористическим в РФ.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют для нас, возможно, не сколько развитие самой теории справедливой войны, сколько возможность использования концепта «справедливой войны» для проведения грамотной пропаганды среди населения, а впоследствии и возможности отстоять собственную легитимность на международной арене.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что на фоне волатильности международной обстановки, связанной с повышением конфликтности между державами, обращение к концепту «справедливой войны» кажется особенно актуальным. Теория продолжает играть немаловажную роль при оценке исторических событий и событий современности.

Особого внимания заслуживает анализ использования концепта «справедливой войны» в качестве политического лозунга, в рамках которого справедливость военных действий может быть оценена исходя из одобрения населения, зависящего в том числе от грамотной пропаганды, а также противостояния с государством — политическим оппонентом, жизненный уклад которого может восприниматься как угрожающий мировому сообществу в целом. Важно подчеркнуть, что на сегодняшний день, такие новые веяния, как информационная война, доктрина «смены режимов», «цветные революции» не вписаны в понимание «справедливой войны», что дает основание для их многочисленных интерпретаций, учитывая разное понимание справедливости у различных акторов.

Немаловажным вопросом, требующим детального рассмотрения, являются принципы *jus post bellum*, а также их использование в политическом дискурсе при анализе военных конфликтов современности (включая вопрос восстановления государств после агрессии, ответственность сторон по постконфликтному урегулированию и т.д.).

За рамками обсуждения также пока остается и вопрос легитимности смены политических режимов, а также ответственность политических лидеров после смены режима, что можно увидеть в рамках событий «арабской весны», иллюстрирующих, что политическая ответственность сторон может быть пересмотрена спустя некоторое время.

На сегодняшний день мировая повестка связана с многочисленными конфликтами в различных регионах, что может способствовать актуальности концепта «справедливой войны» при анализе современных конфликтов, а также его обогащению новыми постулатами.

Поступила в редакцию / Received: 25.10.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 07.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Амини А.Р. Причины провала миссии США + НАТО в Афганистане и прогноз ситуации в стране при «новом режиме» // *PolitBook*. 2021. № 3. С. 99–10.
- Бугров К.Д., Логинов А.В. Назад к субъекту: теории справедливой войны в современной политической мысли // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 114–129. <http://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.09>
- Демидов К.Б. Арабский Восток: конец неолитерализма. Что дальше? // Информационно-аналитический журнал ИНИОН РАН Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика. 2023. № 1. С. 38–62.
- Кашиников Б.Н. Глобальный суверенитет и моральная деградация войны // *Вопросы философии*. 2020. № 2. С. 14–25.
- Кашиников Б.Н. Теория справедливой войны: критика основных начал // *Этическая мысль*. Т. 19. № 2. 2019. С. 152–167.
- Куманьков А.Д. Философия войны: краткий очерк истории // *Логос*. 2019. Т. 29, № 3. С. 99–116.
- Макмаан Дж. Переосмысляя «справедливую войну» // *Логос*. 2019. Т. 29, № 3. С. 139–156.
- Сидоренко И.Н. Феномен «справедливой войны» и ее трансформация в современном мире // *Труды БГТУ. Серия 6. История, философия*. 2020. № 1. С. 116–120.
- Сидоров А.Ю., Фрадкова В.И. Доктрина «смена режимов» в американской внешнеполитической традиции и идеологии // *Обозреватель — Observer*. 2023. № 1. С. 17–29.
- Уолцер М. Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха) // *Логос*. 2019. № 3. С. 117–138.
- Фоушин Н. Две теории справедливой войны // *Этическая мысль*. 2016. Т. 16, № 2. С. 169–186 <http://doi.org/0.21146/2074-4870-2016-16-2-169-186>
- Kaldor M. *New and old wars: organized violence in a global era*. Stanford University Press, 1999.
- MacMahan J. *The Ethics of Killing in War* // *Philosophia*. 2006. № 34 (1). P. 23–41. <http://doi.org/10.1007/s11406-006-9007-y>
- Walzer M. *Just and unjust wars. A moral argument with historical illustrations*. New York, 1977. 404 p.

References

- Amini, A.R. (2021). The reasons for the failure of the US + NATO mission in Afghanistan and the forecast of the situation in the country under the “new regime”. *PolitBook*, (3), 99–109 (In Russian) <http://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.09>
- Bugrov, K.D., & Loginov, A.V. (2020). Back to the subject: Theories of just war in contemporary political thought. *Polis. Political Studies*, (5), 114–129. (In Russian)
- Demidov, K.B. (2023). The Arab East: The end of neoliberalism. What’s next? *Information and analytical journal of INION RAS Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 9. Oriental studies and African studies*, (1), 38–62. (In Russian)
- Fotion, N. (2016). Two theories of a just war. *Ethical Thought*, 16(2), 169–186.
- Kaldor, M. (1999). *New and old wars: Organized violence in a global era*. Stanford, California: Stanford University Press, 1999.
- Kashnikov, B.N. (2019). The theory of a just war: A critique of the basic principles. *Ethical Thought*, 19(2), 152–167. (In Russian)
- Kashnikov, B.N. (2020). Global sovereignty and moral degradation of war. *Voprosy Filosofii*, (2), 14–25. (In Russian)
- Kumankov, A. (2019). Philosophy of war. A brief history. *Logos*, 29(3), 99–116. (In Russian)
- MacMahan, J. (2006). The ethics of killing in war. *Philosophia*, 34(1), 23–41. <http://doi.org/10.1007/s11406-006-9007-y>

- McMahan, J. (2019). Rethinking “a Just War”. *Logos*, 29(3), 139–156. (In Russian)
- Sidorenko, I.N. (2020). The phenomenon of “just war” and its transformation in the modern world. *Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy*, (1), 116–120. (In Russian)
- Sidorov, A.Yu., & Fradkova, V.I. (2023). The doctrine of “regime change” in the American foreign policy tradition and ideology. *Obozrevatel — Observer*, (1), 17–29. (In Russian)
- Walzer, M. (1977). *Just and unjust wars. A moral argument with historical illustrations*. New York, 1977.
- Walzer, M. (2019). The triumph of the theory of just war (and the danger of success). *Logos*, 3, 117–138. (In Russian)

Сведения об авторе:

Шанченко Екатерина Павловна — младший научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности Института международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; старший преподаватель, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Сеченовский Университет; соискатель, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: katushanch@mail.ru) (ORCID: 0009-0004-1522-3589)

About the author:

Ekaterina P. Shanchenko — Junior researcher, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO); senior lecturer Institute of Linguistics and international communications, Sechenov University; PhD applicant, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) Russian Academy of Science (e-mail: katushanch@mail.ru) (ORCID: 0009-0004-1522-3589)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-330-347

EDN: YCVBHC

Научная статья / Research article

«Закон политики — создавая новое, следует опираться на достигнутое, не ломать старого»: к 100-летию А.М. Ковалева

В.И. Коваленко , В.А. Соболев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация*

 kovalenko1946@list.ru

Аннотация. Анализируется вклад в науку и образование А.М. Ковалева, стоявшего у истоков политологии с момента ее институционализации в России. Определяются контуры общей политико-философской концепции общественного развития, реконструируются его оригинальные подходы к трактовке категорий «власть» и «политика», законов политики и политической деятельности, ряда основных концептов политической науки. Выделяется роль А.М. Ковалева в обосновании значения политологии, ее структуры и места в системе социально-гуманитарных наук. Отмечается его настойчивое стремление утвердить основания политики со способом производства общественной жизни и тем самым полнее выделить мировоззренческие и методологические аспекты политологического знания, связать философию и теорию политической науки с многообразием ее инструментальных измерений. Раскрывается трактовка А.М. Ковалевым проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности общественных и индивидуальных потребностей и интересов в общественной жизни, закономерного и стихийного в политическом процессе, значения нравственного начала в политике. Ставится вопрос о разработке им проблемы соотношения природного и социального, диалектики цивилизационного и формационного в общественном развитии, о соотношении инноваций и традиций в политической жизни, о научной ответственности ученого-политолога. Особое внимание уделяется качествам А.М. Ковалева как организатора науки, педагога и наставника, воспитавшего многие десятки и даже сотни политологов, уверенно занявших свое место в становлении и развитии политической науки в стране. Подчеркивается, что научные заслуги А.М. Ковалева неотделимы от его высоконравственной гражданской позиции, ответственности за судьбы Родины.

© Коваленко В.И., Соболев В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: политическая наука в СССР, история политической науки России, власть, законы политической деятельности

Для цитирования: Коваленко В.И., Соболев В.А. «Закон политики — создавая новое, следует опираться на достигнутое, не ломать старого»: к 100-летию А.М. Ковалева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 330–347. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-330-347>

“The Law of the Politics — When Creating Something New, One Should Rely on What Has Been Achieved, Not Diminish the Old”: for the 100th Anniversary of A.M. Kovalev

Valery I. Kovalenko , Vladimir A. Sobolev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,

 kovalenko1946@list.ru

Abstract. The study analyzes the contribution of Alexander Kovalev to science and education, who stood at the origins of political science since its institutionalization in Russia. The contours of his general political and philosophical concept of social development are determined, original approaches to the interpretation of the categories “power” and “politics”, the laws of politics and political activity, and a number of basic concepts of political science are reconstructed. The role of A. Kovalev in substantiating the importance of political science, its structure and its place in the system of social and humanitarian sciences is highlighted. His persistent desire to establish the foundations of politics with the way of production of public life is noted and thereby more fully highlight the ideological and methodological aspects of political science knowledge, to link the philosophy and theory of political science with the variety of its instrumental dimensions. A. Kovalev’s interpretation of the problem of interrelation and interdependence of system-wide and individual needs and interests in public life, natural and spontaneous in the political process, the importance of the moral principle in politics is revealed. The question is raised about his development of the problem of the correlation of natural and social, the dialectics of civilizational and formational in social development, the correlation of innovations and traditions in political life, the scientific responsibility of a political scientist. Particular attention is paid to the qualities of A. Kovalev as an organizer of science, teacher and mentor, who educated many dozens and even hundreds of political scientists who confidently took their place in the formation and development of political science in the country. It is emphasized that the scientific merits of A. Kovalev are inseparable from his highly moral civil position, responsibility for the fate of the Motherland.

Keywords: political science in the USSR, history of political science in Russia, power, laws political activity

For citation: Kovalenko, V.I., & Sobolev, V.A. (2023). “The law of the politics — when creating something new, one should rely on what has been achieved, not diminish the old”: For the 100th anniversary of A.M. Kovalev. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 330–347. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-330-347>

Введение

В России 2023 г. объявлен «Годом педагога и наставника»¹. Особое значение данное событие имеет для университетов, где чувство единения учителей и учеников всегда выступало принципом их жизнедеятельности. Тем более особое значение это имеет для российской политологии, которая с момента своей институционализации в стране насчитывает немногим более тридцати лет — периода для нее непростого, несущего на себе печать как сложных и во многом драматических процессов, характерных для всего общества, так и тех проблем, которые определялись в ее утверждении как самостоятельного научного направления². Неценима в этой связи роль тех ученых, которые первыми опробовали пути развития политической науки и политологического образования в стране, закладывали подходы к определению оснований и принципов политологического знания. В их ряду одно из ведущих мест по праву принадлежит *Александру Митрофановичу Ковалеву (1923–2010)*³.

¹ Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника» // Официальный интернет-портал правовой информации. 27.06.2022. № 401. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (дата обращения: 24.10.2022).

² Подробнее о становлении политической науки в СССР см.: [Баталов 2005: 34–47; Буренко 2019: 164–179; Воробьев 2004: 169–178; Галкин 2010: 257–269; Гуторов 2015: 9–29; Ильин 2001: 5–21; Ирхин 2011: 94–102; Капто 2018: 67–77; Коваленко 2009: 4–9; Пивоваров 2001: 49–53; Пляйс 2005: 9–32; Сморгун 2015: 125–137; Соболев 2019; Соболев 2022; Соболев, Ширинянец 2016: 25–42; Шутов, Соболев 2020: 28–38; Brown 1974; Brown 1984: 317–344; Brown 1986: 443–481; Hill 1980; Malcolm 1984; Skilling 1963: 519–529; Theen 1971: 684–703].

³ В биографии А.М. Ковалева отразилось все то непростое, что задавалось политическим пространством и временем жизни его поколения. Юноша из белорусской глубинки, страстно желающий учиться, поступает в МИФЛИ. С началом Великой Отечественной войны добровольцем уходит на фронт и с боями проходит путь от Сталинграда до Вены. После победы возвращается в МГУ имени М.В. Ломоносова и более 60 лет жизни отдает служению университету. А.М. Ковалев настойчиво проводил мысль о том, что в понимании общественного процесса пора переходить от арифметики к алгебре исследования. И это свое стремление он воплотил в разработке концепта «способ производства общественной жизни». Рассмотрение способа производства общественной жизни как своеобразного единства способа производства собственной жизни (производства человека, способа производства материальных благ, производства вещей и социальных условий), а также природной среды, в которой функционирует общество, влекло за собой массу принципиальных научных выводов. Одним из первых А.М. Ковалев обосновал идею о плодотворности позиции единства цивилизационного и формационного подходов к анализу общественной жизни. В качестве основы и мерила социального бытия он определил не какие-либо безличные факторы, но человека, укрепив тем самым ту гуманистическую составляющую, которая всегда была стержнем отечественной интеллектуальной мысли. Талант А.М. Ковалева в полной мере раскрылся вместе с конституированием в стране политической науки. Отдав почти 30 лет жизни работе на отделении политологии философского факультета, он с энтузиазмом воспринял известие о создании в Московском университете самостоятельного факультета политологии. И как первый председатель Профессорского собрания факультета успел много сделать для его становления и развития. Подробнее о жизни и творчестве А.М. Ковалева см.: [Коваленко 2013: 522–528; Козиков, Кудряшова, Шутов 2013: 7–14; Памяти... 2010: 106–107; Соболев 2020: 136–141; Соболев, Филимонов 2022: 161–168].

Основные вопросы политической науки

Одной из центральных задач политологии как утверждающегося научного направления была разработка проблемы соотношения политической науки и ее объекта — политики и власти⁴. Для А.М. Ковалева политология в широком смысле — наука о «закономерностях функционирования и развития политической сферы общества, его политической жизни. Подобно тому, как экономическая теория изучает экономическую сферу общественной жизни, а социология — социальную, так и политология представляет собой науку о политической сфере жизни общества» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 235]⁵.

Политическая жизнь, отмечал А.М. Ковалев, включает в себя «объективные и субъективные процессы, закономерные и случайные явления» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 235]. Объект политической науки — «политическая сфера общественной жизни в качестве целого и ее законы; непредсказуемые и случайные явления, происходящие в рамках этой сферы; и сфера сознательного воздействия на политические процессы, происходящие в обществе» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 236].

На самых первых этапах становления политологического знания в стране чрезвычайно острым выступал вопрос о самоопределении политологии, ее месте в системе обществоведческих наук. А.М. Ковалев решительно настаивал на ее самостоятельной роли и значении, резко критикуя, в частности, распространенную тогда позицию, согласно которой политологию считали частью социологии: «Если рассматривать социологию не в широком смысле как науку об обществе, а в узком смысле как науку о социальных структурах, их связях и взаимоотношениях в обществе, то политология выступает столь же самостоятельной и равноправной наукой, как и социология» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 236].

Как философа по образованию и по духу А.М. Ковалева в большой степени интересовал вопрос о соотношении философии и политики. Он усматривал как сходство, так и различия между ними. Их единство, писал А.М. Ковалев, заключается в том, что и философия, и политика отражают одну и ту же реальность, что «общие законы мироздания, выступающие объектом изучения философии, действуют, хотя и в специфической форме, и в сфере политики. Именно эти законы выступают объектом изучения философии политики, они влияют и на политические решения, пронизывают политику и политические действия. Политика должна исходить из общих законов и не противоречить им» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 265]. Вместе с тем, по А.М. Ковалеву,

⁴ Интенсивная и плодотворная дискуссия по этому вопросу продолжается и поныне: [Алексеева 2005: 144–170; Бойцова 2018: 55–62; Галкин 2013: 6–22; Глебова 2009: 23–43; Гуроров 2016: 4–28; Ильин, Коваль 1991: 103–115; Пляйс 2001: 47–57; Соловьев 1997: 57–70; Соловьев 1998: 21–39; Соловьев 2020: 138–147; Царегородцев, Ширинянц 2018: 64–78; Шабров 2016: 51–61].

⁵ Цитируя книгу «Собственность. Власть. Политика», опубликованную совместно с А.А. Ахвледиани, авторы настоящей статьи ссылаются только на те ее разделы, которые написаны лично А.М. Ковалевым.

существенные различия между философией и политикой заключаются в том, что, «если философия занимается общими законами и тенденциями развития мироздания, то объектами политики выступают конкретные процессы и явления. При этом имеет место обратное влияние, поскольку политика имеет по отношению к философии относительную самостоятельность. В силу этого нередко возникает ситуация, когда политика подчиняет себе философию, науку в целом» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 265].

Для А.М. Ковалева как ученого, как человека, по жизни испытавшего пресс идеологических структур, этот вопрос был принципиальным. В отличие от политики, писал он, наука изучает «закономерности развития природы, общества и человеческого мышления. В то же время, поскольку всякая закономерность реализуется через случайность и непредсказуемость, то одной науки оказывается недостаточно, нужна и политика как своеобразное средство реализации объективной закономерности» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 264]. Коль скоро, однако, в основе развития лежат «закономерные связи и отношения, то не наука должна находиться на службе у политики, а, наоборот, политика должна руководствоваться данными науки и исходить из них. В то же время и знание одних научных истин без политики недостаточно для определения конкретной линии поведения ни индивида, ни социальной группы, ни общества в целом. Иными словами, политика должна быть научной, так как без этого она не добьется успеха, а научные истины в свою очередь должны дополняться политическими реалиями и действиями» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 264].

О задачах собственно политической науки А.М. Ковалев высказывался вполне предметно. Он, прежде всего, настаивал на ее комплексном характере⁶. Политическая наука, считал он, должна включать в себя «общую политологию, которая изучает общие закономерности функционирования политической сферы и жизни общества на всех этапах его развития, и ряд конкретных наук, отражающих многообразные реалии политического бытия» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 236].

Политологию, по мысли А.М. Ковалева, в качестве системы наук можно разделить на следующие сферы: «а) историю политологии (история науки); б) собственно политологию (науку о предмете, законах, категориях и методологии); в) прикладные и отраслевые политологии; и все эти части объединены единством политической жизни общества» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 236].

⁶ А.М. Ковалев всегда отстаивал необходимость комплексного, объемного анализа социальных процессов. Работая еще в рамках традиционной парадигмы, он стал организатором и активным участником любопытной для того времени дискуссии о предмете научного коммунизма. Если оппоненты его точке зрения (Ц.А. Степанян и др.) полагали, что таким предметом выступают исключительно социально-политические отношения, то А.М. Ковалев, подчеркивая значимость политического управления, настаивал на необходимости исследования социума в его целостных измерениях, с учетом всех основных сфер общественной жизни. Подробнее о современных теоретических дискуссиях о коммунизме в России см., например: [Гуторов, Ширинянц 2021: 525–544].

А.М. Ковалев в этой связи вполне определенно поставил вопрос о неизбежном появлении в рамках политической науки новых направлений, которые, как он считал, со временем должны получать все большую свою относительную самостоятельность. Фактически тем самым он одним из первых задал тональность продолжающейся до наших дней дискуссии о природе и границах «мира политического» и связанного с ним вопроса об уточнении предметного поля политологии. И направления последующей трансформации этого поля, пусть в вероятностных очертаниях, были определены им достаточно четко. Так, если для первой половины 1990-х гг. было характерно преимущественное внимание научного сообщества к разработке проблем собственно политической сферы (парламентаризм, партийно-политическая система, вопросы федеративного строительства и т.п.), то в наши дни исследователи, не снижая интереса к изучению всех этих вопросов, все более предметно начинают выписывать сюжеты, связанные с определением роли и значения политических решений и действий в обосновании и осуществлении финансовой политики, энергетической политики, демографии, инноваций, экологии, миграционных процессов и др. А это, безусловно, заметно усиливает значение политологического инструментария в анализе многослойных проблем взаимосвязанного социума. И такое понимание задач политической науки во многом восходит к идеям А.М. Ковалева.

Представляются интересными в этой связи рассуждения А.М. Ковалева о природе и соотношении власти и политики. Отмечая, что в политологии проблемы политики и политических структур, управления исследуются с точки зрения определяющей роли социальных условий на жизнь общества, А.М. Ковалев настаивал, что существуют и более фундаментальные естественно-исторические причины наличия в обществе политики и политических структур, управления в целом. Общество выступает, «с одной стороны, как некая единая органическая и социальная целостность, а с другой — состоит из относительно самостоятельных отраслей, сфер, индивидов, этносов и т.д.» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 238]. Оно тем самым представляет собой «необычайно гибкую, подвижную и динамичную систему. При этом в отличие от животных отношения между индивидами здесь строятся не столько на закрепленных инстинктах, сколько на сознательности и относительной свободе воли» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 238]. Человек, будучи частью социального целого, наделен «некоторыми общими коренными потенциями к функционированию и развитию в рамках своей целостности. Эти потенции носят общий характер. В результате этого он в своем конкретном поведении может поступать более свободно, действовать как в соответствии с интересами своей общности, так и вопреки ей. Именно поэтому в обществе в качестве своеобразной компенсации этой свободы и независимости человеческих индивидов создаются атрибуты власти, аппарат государственного управления, возникает политика. Одним словом, власть, государственное управление выступают своеобразной компенсацией особенностей человеческой

природы, ее запрограммированности на общие принципы и свободу воли» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 238].

Основные ориентиры человека — «потребность самосохранения, воспроизводство своей жизни, потребность к труду, мышление, потребность в общении и т.д. — находятся в сфере его подсознания. Именно подсознание ориентирует человека на различные виды деятельности, которые ему присущи в соответствии с особенностями его природы. Однако конкретные виды и проявления своей деятельности человек осуществляет сознательно, относительно свободно, соотносясь с обстановкой» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 239]. При этом необходимо выделить важное и неважное, отделить «существенное от несущественного, определить степень опасности, возможность и степень риска и т.д. Поскольку все это не дается непосредственно подсознанием, то для компенсации человеку нужны структуры, такие как власть и политика, в качестве своеобразного свода правил поведения» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 240].

А.М. Ковалев считает, что наличие и необходимость власти в обществе связаны с существованием разных социальных типов личности. А это, в свою очередь, ведет к «разнообразию мнений и точек зрения по актуальным вопросам развития общества, их столкновению, что усиливает необходимость в особых структурах — в виде власти, единой идеологии, управления и т.д. Органы власти в обществе представляют собой более высокую форму доминирования целого над своими частями, обеспечения гармоничного равновесия системы в сравнении с тем, что присуще природному миру в целом. В обществе, — по мнению А.М. Ковалева, — наличие таких механизмов приобретает особую значимость» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 240].

Общество требует гармоничного равновесия всех своих частей и элементов. В то же время А.М. Ковалев считает, что «их относительная самостоятельность и активность приводят к периодическому нарушению такого равновесия и соответствия» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 241]. Именно в качестве механизма поддержания и обеспечения целостности в обществе и возникают «власть, обязанности, юридические и моральные нормы и т.д. Институт власти как раз и призван ограничить меру или границу допустимой в данных условиях свободы индивидов во имя сохранения единства целого и вместе с тем обеспечить необходимую свободу выбора человеческой личности, так как ущемление такой свободы рано или поздно приведет и к ущемлению интересов целого» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 241].

Любое общество, по А.М. Ковалеву, нуждается во власти. Так как оно находится в данных конкретных условиях, то наряду со «всеобщими законами и принципами возникают специфические законы, нормы морали и особенно права, порожденные данными социальными условиями и общественным строем» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 241]. При отсутствии определенных социально-экономических предпосылок, продолжает А.М. Ковалев, «вряд ли было бы возможно появление в обществе государственной власти, политики и т.д. Но если бы индивиды не обладали относительной самостоятельностью

по отношению к своему социальному целому, а уподоблялись бы муравьям, которыми управляют инстинкты, вряд ли потребовалось бы в таком случае и государство, и власть, и политика, и управление» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 242]. Поэтому А.М. Ковалев делает вывод, что, «с одной стороны, власть — это средство и способ проявления и действия в рамках общества закона динамического равновесия, а с другой — обеспечение преимущественного функционирования и развития его наиболее важных и жизнеспособных элементов» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 242]. В соответствии с этим «лишь та власть может быть законной и той власти подчиняются добровольно, которая действительно реализует интересы данной общности и составляющих ее индивидов. Этому и призваны в конечном счете служить правовое государство и демократия» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 243].

Власть, подчеркивает А.М. Ковалев, не только есть продукт взаимоотношения индивидов, но и общества как «определенной целостности и свободы индивидов. При этом борьба — результат не просто беспорядочности отношений и извращенности индивидов, но и средство поддержания и обеспечения в обществе динамического равновесия, перераспределения материальных ресурсов из одних сфер в другие, обеспечения закона преимущественного развития» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 243]. «Правовые нормы в конечном счете и заключают в себе те границы, в пределах которых человек может проявить свои естественные качества и удовлетворить потребности» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 244].

А.М. Ковалев делает предположение, что «как социальные процессы на определенном этапе извращают естественные, так и право извращает и подчиняет себе моральные нормы и принципы» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 244]. И далее он выдвигает гипотезу, что только при создании «адекватности социальных условий естественным побуждениям человеческой личности (при наличии избытка) человек сможет поступать не в зависимости от того, что диктуют ему социальные условия, а в соответствии со своими естественными качествами. Иными словами, тогда человек сможет руководствоваться не столько внешними рамками, сколько своими внутренними побуждениями. Лишь тогда, когда человек будет ограничен своими внутренними качествами, правовое регулирование сделается излишним и отомрет либо принципиальным образом изменит свой характер. Однако следует иметь в виду, что при всех условиях останутся определенные моральные нормы, ибо жить в обществе и быть свободным от него невозможно» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 244–245].

В итоге А.М. Ковалев приходит к выводу, что «если в области производственной деятельности недостаток инстинктивных естественных инструментов у человека компенсируется искусственными орудиями труда, если недостаток его естественных наступательных и оборонительных механизмов компенсируется искусственным вооружением, то недостаток естественных инстинктивных механизмов между целым и частью, а равно между самими человеческими индивидами, общественными сферами и т.д. компенсируется властью и управлением» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 245].

Власть и управление в обществе, по мысли А.М. Ковалева, призваны:

- «обеспечить внутреннее единство системы как определенной целостности, а также гармоничное равновесие между ее частями;
- создать условия для обеспечения функционирования всех частей социального целого в соответствии с законом всеобщей реализации;
- поддерживать приоритет целого над своими частями и элементами;
- обеспечить преимущественное развитие тех частей и элементов социального целого, которые имеют более важное значение, а также создавать внешние условия, наиболее адекватные требованиям данной общественной системы.

Одним словом, управление призвано обеспечить эффективное действие закона гармонического функционирования и развития всего общества как целостной системы в данных условиях» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 246], тогда как политика направлена на решение следующих задач:

- «обеспечение целостности системы и динамического баланса между соревнованием и сотрудничеством ее элементов;
- обеспечение приоритета целого над своими частями и вместе с тем представление им относительной самостоятельности и активности в рамках целостности;
- обеспечение закона преимущественного развития для всего наиболее важного, жизнеспособного и перспективного для жизни общества, данной социальной группы или индивида» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 246].

С помощью власти и управления в обществе обеспечивается «либо централизация в развитии всей системы, либо ее демократизация на основе представления широкой свободы человеческим индивидам» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 247]. Демократия, по мнению А.М. Ковалева, неразрывно связана с «расширением равенства и рамок свободы выбора человеческой личности. Такая свобода может находить свое выражение как в сфере политической жизни, так и в других сферах человеческой деятельности и соответственно сферах общества. В самом деле, задается он вопросом, разве переход от неэквивалентного к эквивалентному обмену и товарному производству не означает расширение рамок свободы выбора человеческой личности в сфере экономической жизни, а тем самым и определенный шаг в сторону равенства и экономической демократии?» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 247]. А.М. Ковалев таким образом ставит вопрос, исключительно важный для политической науки и широко дискутируемый в рамках существующих мировоззренческих парадигм относительно природы демократии: сугубо ли это политический феномен или демократия может и должна иметь и другие свои измерения — экономические, социальные и т.д. И он решительно отстаивает последнюю точку зрения, что, по мнению авторов, для России с ее экзистенциальными установками на чаяния «социальной правды» звучит сегодня исключительно злободневно.

А.М. Ковалев отмечает, что естественной предпосылкой демократии выступает «адекватность социальных условий потребностям человеческого существования и возможность для свободного проявления действия закона

преимущественного развития. Общество, однако, функционирует и развивается в определенной социальной и природной среде. В условиях, когда социальные предпосылки находятся в резком несоответствии с потребностями человеческого потенциала, оно стремится компенсировать это несоответствие и обеспечить свое динамическое равновесие со средой посредством развития одних сфер за счет ограничения других. В таких условиях закон преимущественного развития приобретает извращенный характер и начинает действовать путем ущемления других частей социального организма» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 247].

В качестве примеров таких ущемлений А.М. Ковалев приводит следующие аргументы: «В политической сфере это находит свое проявление в усилении централизованной власти, обожествлении тех или иных политических деятелей, резком сужении права выбора для громадного большинства населения и даже его своеобразного бегства от свободы. В области экономики это проявляется в доминировании распределения собственности и материальных ресурсов сверху и господстве незначительного меньшинства за счет угнетения громадного большинства. В этот период доминирует неэквивалентный обмен и царит резкое экономическое неравенство. В области естественных отношений вопиющее социальное неравенство вело к подавлению свободы проявления человеческих чувств у людей, что особенно ярко проявилось в нарушении чувства привязанности и любви при вступлении в брак» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 248].

А.М. Ковалев и подчеркивает поэтому, что только при наличии «адекватности социальных условий природе человека, потребностям человеческого существования закон преимущественного развития перестает проявляться в извращенных формах. В результате этого общий интерес перестает прокладывать себе дорогу за счет интересов индивидов. У человека возрастает чувство собственного достоинства, усиливается тяга к равенству и социальной свободе» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 248].

Только в условиях равенства и свободы выбора вместо «неэквивалентного обмена возможно утвердить эквивалентный и обеспечить таким образом дальнейшее расширение рамок свободы человеческой личности в сфере экономической жизни. Равенство и свобода выбора выступают необходимой предпосылкой и для утверждения политической свободы и демократии в обществе, а также для решения ряда социальных проблем — равенства полов, раскрепощения женщины и т.д. А это в свою очередь, — по мнению А.М. Ковалева, — будет сопровождаться ослаблением власти и властных структур в обществе и расширением управленческой сферы» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 249].

Завершая свои аналогии и рассуждения, А.М. Ковалев приходит к выводу: «Поскольку в мире и обществе имеют место как необходимые, так и случайные, как закономерные, так и стихийные, как общие, так и конкретные, как предсказуемые, так и непредсказуемые явления и процессы, то возникает необходимость познания и исследования не только закономерности, но и случайности и, следовательно, не только науки об общих тенденциях общественного

развития, но и науки о конкретном, неповторимом и случайном в этом развитии. Иными словами, необходимы знание, учет и умение ориентироваться не только в закономерных предсказуемых, но и в стихийных непредсказуемых явлениях и процессах как в мире в целом, так и в конкретных условиях. Последним и занимается политология и ее сердцевина — политика» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 249–250].

Политология и ее законы

Отмечая всю значимость для политологии общих ее аспектов, связанных с мировоззренческими измерениями, и инструментальных ее возможностей, А.М. Ковалев вместе с тем неоднократно выражал опасения увлечением многих исследователей лишь миром политических технологий. В последние годы своей жизни он активно занимался разработкой наиболее общих законов мироздания. Пиетет к фундаментальным основаниям научного знания вообще был его отличительной чертой. Конечно, он был увлекающимся человеком, что-то преувеличивал, неизменно выказывая, к примеру, весьма настороженное отношение к институту лоббизма и утверждению этой темы в политической науке. Со своей теоретической и нравственной точки зрения Александр Митрофанович никак не мог воспринять, в частности, и концепт политического маркетинга. Рассматривая политику как исключительно ответственное дело, он «морщился», когда речь заходила о применении теории игр к политическому анализу. Как последовательного демократа не только по убеждениям, но и по стилю руководства его приводила в недоумение увлеченность многих политологов проблематикой политической элиты. Можно говорить, конечно, что оптимального соотношения между теоретическими и прикладными возможностями науки А.М. Ковалев не определил, но он завещал другое: убежденность в великом предназначении науки, веру в преобразующую силу научного знания.

Свою интеллектуальную мощь А.М. Ковалев направил на то, что являлось его научной стихией, — на выявление в политической науке закономерностей и законов. Без закономерностей, справедливо писал он, не может быть состоятельным научное знание, ибо наука как таковая имманентно предполагает «определенные устойчивые истины, которые отражают либо закономерности, лежащие в основе мироздания в целом, либо в той или иной его области» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 266]. Законы политики и политической деятельности, подчеркивал А.М. Ковалев, «связаны с действиями и выступают результатом взаимодействия трех различных сфер общественной жизни: человека, его природных и социальных условий» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 266].

По мнению А.М. Ковалева, суть *основного закона политики* — «обеспечение оптимального функционирования и развития общества, социальной группы, индивида в условиях случайности и непредсказуемости путем сознательного воздействия на объективные процессы» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 267].

Целью политики выступает «обеспечение оптимального динамического равновесия как внутри данной страны, так и на международной арене в заданных

условиях. При этом чем сильнее нарушено динамическое равновесие, тем активнее должна проводиться политическая деятельность в целях ее устранения. В соответствии с этим одним из важных критериев правильности политики и политической линии выступает степень обеспечения динамического равновесия между всеми сферами общественной жизни во имя оптимального развития ее человеческого потенциала» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 267].

Возможности такого развития А.М. Ковалев не мыслил вне нравственных составляющих политической деятельности. Он был убежденным противником разведения политики и морали. Его рассуждения неизменно и всегда фокусировались на принципе социальной справедливости, и далеко не случайно, что одну из самых последних своих работ он так и озаглавил — «Социально-справедливое общество — утопия или возможность» [Ковалев 2005].

Другой закон политики и политической деятельности состоит в том, что существует, как писал А.М. Ковалев, «необходимость знания не только цели, но и средства ее достижения, а также мобилизации сил для ее выполнения. В связи с этим важнейшим законом выступает знание и учет всей совокупности объективных и субъективных процессов общественного развития, а также их использование в практической деятельности. Лишь таким образом можно не ошибиться в политике, которая в этом смысле выступает как достижение возможного в данных условиях» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 267].

Исторический опыт, по мысли А.М. Ковалева, свидетельствует о том, что «успех в осуществлении политики достигается лишь там и тогда, где и когда политика соответствует объективным историческим тенденциям общественного развития. И, напротив, политики терпят поражение, если их деятельность противоречит развитию объективных процессов» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 267]. Следует учитывать при этом, добавлял он, что общественная жизнь характеризуется «различными уровнями, с присущими им тенденциями. На уровне природно-демографических основ действуют одни тенденции, на уровне социальных условий — другие, нередко противоположные первым. Лишь учет тех и других в их совокупности и единстве, — по А.М. Ковалеву, — может служить условием успеха в политике и политической деятельности» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 268]. *Важнейшим законом политики* А.М. Ковалев считал поэтому сознательное воздействие человека, класса, общества в целом на объективные процессы путем их умелого использования и применения. Политика — «стратегия поведения определенных социальных субъектов. Она сводится к обеспечению максимальных результатов при минимальных затратах. Это означает, что политика должна обеспечить экономию собственных сил и вместе с тем поиск в окружающих условиях дополнительных средств и резервов для обеспечения успеха и достижения цели» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 268]. А.М. Ковалев добавлял при этом, что залог успеха здесь — обеспечение надежных союзников и разобщение противодействующих сил как одно из основных условий достижения цели. Можно оценить эту мысль в сегодняшней ситуации борьбы России с ее глобальным противником.

Еще один из законов политики и политической деятельности, писал А.М. Ковалев, заключается в том, что, создавая новое, следует опираться на достигнутое, не ломать старого до создания нового. Предметно и четко он обосновывал эту мысль в характеристике содержания и негативных последствий тех реформ, которые проводились в нашей стране в 1990-е гг. И эта его позиция последовательно утверждалась им в период, когда осуществляемые реформы выступали стержнем официальной правительственной политики и еще не были общей темой последующих ее оценок. Применительно к России А.М. Ковалев тем самым фактически выступал с позиций отстаивания значимости отечественной политической традиции, единства ее исторического развития, всех его этапов. Нормы закона «не навреди», настаивал он, должны действовать и в политике — «не навреди тому социальному целому, к которому принадлежит данный субъект. В случае нарушения каких-либо принципов функционирования социального целого такое нарушение может быть, — по А.М. Ковалеву, — оправдано лишь в той мере, в какой оно диктуется необходимостью, причем достигнутый результат должен превышать потери, с которыми были сопряжены те или иные политические действия» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 269]. Другими словами (и это тоже включалось им в законы политики), в практическом действии важен не только учет текущей ситуации, но и предвидение возможных последствий, исходя при этом не из тех или иных отдельных сторон или факторов, но учитывая весь процесс в целом, всю его глубину и многообразие.

Из этого А.М. Ковалев выводит закон единства цели и средств ее достижения. При этом, подчеркивает он, «чем труднее и менее предсказуемы условия функционирования и развития того или иного социального субъекта, тем энергичнее и эффективнее должна осуществляться сама политическая деятельность» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 269–270]. Общие основания политической жизни, по его глубокому убеждению, неизменно и всегда должны быть связаны с сильной государственной политикой, с тем, что многими в политологическом сообществе связывается с понятием онтологии политической воли.

И, быть может, самое главное в размышлениях А.М. Ковалева о законах политики и политических действий это его формулировка — «Смотреть вперед, а не назад». «Если политика верна, если избрано правильное направление, то следует, — настаивал он, — идти до конца, несмотря на временные трудности и препятствия» [Ахвледиани, Ковалев 1996: 269]. А.М. Ковалеву была близка мысль Иммануила Канта, которая в несколько перефразированном виде может звучать так: политика в любом случае останется госпожой, политология — ее служанкой. Но эту роль она может выполнять двояко. Она может нести шлейф платья за своей госпожой, но может и идти впереди с факелом, освещая ей дорогу.

В этом смысловом предназначении А.М. Ковалев и определял главную задачу отечественной политической науки — дать осмысление непростых политических реалий современного мира, выработать надежные рекомендации в утверждении состоятельности такого мощного исторического проекта, каким является творимый нами проект «Россия».

Заключение

Политологическое сообщество страны и политическая наука в России прошли период своего становления и достигли состояния своего устойчивого развития. В этом — огромная заслуга тех ученых, которые стояли у истоков политологии и которые щедро делились своими знаниями с молодыми исследователями, нацеливая их на творческий подход к изучению сложных процессов современного мира, побуждая их к научному поиску и новым открытиям. И изучение их научного наследия сегодня имеет непреходящее значение.

Идейно-теоретическое наследие профессора Александра Митрофановича Ковалева, его совесть ученого, ответственная гражданская позиция и дают нам те основания развития научного знания, которые не могут не задавать новых импульсов политической национально ориентированной науке, рождать плеяду новых поколений исследователей, проникнутых духом научного творчества и высокой ответственности перед страной и народом.

Поступила в редакцию / Received: 20.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 19.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Алексеева Т.А.* Познание и сущность политического // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2005. № 1 (36). С. 144–170. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2005-36-1-144-170>
- Ахведиани А.А., Ковалев А.М.* Собственность. Власть. Политика. М.: Издательство Московского университета, 1996. 280 с.
- Баталов Э.Я.* Восхождение к политической науке // *Общественные науки и современность.* 2005. № 3. С. 34–47.
- Бойцова О.Ю.* «Власть» как концепт: фиксация смыслов в языке и их интерпретация в современной политической философии // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия.* 2018. № 1. С. 55–62.
- Буренко В.И.* О началах и истоках современной российской политологии (30 лет российской политической науке) // *PolitBook.* 2019. № 3. С. 164–179.
- Воробьев Д.М.* Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // *Полис. Политические исследования.* 2004. № 4. С. 169–178. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.14>
- Галкин А.А.* Власть и политический капитал (размышления на досуге) // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2013. № 4 (71). С. 6–22. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2013-71-4-6-22>
- Галкин А.А.* У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз.* 2010. № 3–4 (58–59). С. 257–269. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-257-269>
- Глебова И.И.* Сакрализация верховной власти в России как культурно-исторический феномен // *Россия и современный мир.* 2009. № 4 (65). С. 23–43.
- Гуторов В.А.* О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2016. Т. 12. № 1. С. 4–28.

- Гуторов В.А. Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 9–29. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.01.02>
- Гуторов В.А., Шириняц А.А. Интерпретации коммунизма и посткоммунистических трансформаций в России: современные теоретические дискуссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 525–544. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-525-544>
- Ильин М.В. Отечественная политология: осмысление традиции // Политическая наука. 2001. № 1. С. 5–21.
- Ильин М.В., Коваль Б.И. Что есть политика и что — наука о политике (опыт нетрадиционного обзора) // Полис. Политические исследования. 1991. № 4. С. 103–115.
- Ирхин Ю.В. Российская политология: этапы генезиса и особенности институционализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1 (18). С. 94–102.
- Капто А.С. К вопросу об институализации политической науки // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 67–77.
- Ковалев А.М. Социально-справедливое общество — утопия или возможность. М.: Современные тетради, 2005. 698 с.
- Коваленко В.И. Памяти учителя // Ковалев А.М. Избранное. Воспоминания об А.М. Ковалеве. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 522–528.
- Коваленко В.И. Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 1. С. 4–9.
- Козиков И.А., Кудряшова М.С., Шутов А.Ю. Ученый, учитель, гражданин // Ковалев А.М. Избранное. Воспоминания об А.М. Ковалеве. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 7–14.
- Памяти Александра Митрофановича Ковалева // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 6. С. 106–107.
- Пивоваров Ю.С. Политическая наука в системе информации // Политическая наука. 2001. № 1. С. 49–53.
- Пляйс Я.А. О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 1. С. 9–32.
- Пляйс Я.А. Политическая власть как основной предмет политологии транзитного общества // Вестник Финансовой академии. 2001. № 3 (19). С. 47–57.
- Сморгунов Л.В. Региональные политологические сообщества в советское время // Политическая наука. 2015. № 3. С. 125–137.
- Соболев В.А. Значение идейно-теоретического наследия А.М. Ковалева для становления политологии в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 136–141.
- Соболев В.А. История политической науки в России. М.: Издательство Московского университета, 2022. 200 с.
- Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий (1927–2014): Жизнь и труды. Становление политической науки в СССР. М.: Издательство Московского университета, 2019. 224 с.
- Соболев В.А., Филимонов К.Г. Советская политологическая традиция в университетах: о политике и политической науке в работах А.М. Ковалева // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 161–168. <https://doi.org/10.17223/15617793/474/18>
- Соболев В.А., Шириняц А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42.
- Соловьев А.И. Власть в политическом измерении // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1997. № 6. С. 57–70.

- Соловьев А.И. Власть и политика. Полемиические заметки по поводу проклятых вопросов политической теории // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 135–147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.10>
- Соловьев А.И. Политическая власть в обозрении российских ученых // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1998. № 4. С. 21–39.
- Царегородцев С.С., Шириняну А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. № 1. С. 64–78.
- Шабров О.Ф. Понятие политического: возможна ли политическая наука? // Власть. 2016. Т. 24. № 9. С. 51–61.
- Шутов А.Ю., Соболев В.А. Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 28–38. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63584>
- Brown A.H. Political Science in the Soviet Union: A new Stage of Development? // Soviet Studies. 1984. Vol. 36, no. 3. P. 317–344. <https://doi.org/10.1080/09668138408411537>
- Brown A.H. Political Science in the USSR // International Political Science Review. 1986. Vol. 7, no. 4. P. 443–481. <https://doi.org/10.1177/019251218600700408>
- Brown A.H. Soviet Politics and Political Science. London: Macmillan, 1974. 128 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-01567-2>
- Hill R.J. Soviet Politics, Political Science and Reform. New-York: M.E. Sharpe, 1980. 221 p. <https://doi.org/10.1177/000271628145300138>
- Malcolm N. Soviet Political Scientists & American Politics. New-York: St. Martin's Press, 1984. 225 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-17434-8>
- Skilling G. In Search of Political Science in the USSR // The Canadian Journal of Economics and Political Science. 1963. Vol. 29, no. 4. P. 519–529. <https://doi.org/10.2307/139341>
- Then R.H.W. Political Science in the USSR: “To Be, or not to Be” Some Reflections on the Implications of a recent Soviet Critique of American Political Science // World Politics. 1971. Vol. 23, no. 4. P. 684–703. <https://doi.org/10.2307/2009856>

References

- Alekseeva, T.A. (2005). Perception and essence of the political. *Politeia — The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, (1), 144–170. (In Russian). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2005-36-1-144-170>
- Ahvediani, A.A., & Kovalev, A.M. (1996). *Property, power, politics*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
- Batalov, E.Ya. (2005). The ascent to political science. *Social sciences and contemporary world*, (3), 34–47. (In Russian).
- Boitsova, O.Yu. (2018). The power as a concept: fixing the meanings in the language and their interpretation in modern political philosophy. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, (1), 55–62. (In Russian).
- Brown, A.H. (1984). Political science in the Soviet Union: a new stage of development? *Soviet Studies*, 36(3), 317–344. <https://doi.org/10.1080/09668138408411537>
- Brown, A.H. (1986). Political science in the USSR. *International Political Science Review*, 7(4), 443–481. <https://doi.org/10.1177/019251218600700408>
- Brown, A.H. (1974). *Soviet politics and political science*. London: Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-01567-2>
- Burenko, V.I. (2019). About the beginning and origins of modern Russian political science (30 years of Russian political science). *PolitBook*, (3), 164–179. (In Russian).

- Galkin, A.A. (2010). At outset of political science resurrection in Russia (1960–1985). Personal considerations. *Politeia — The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, (3–4), 257–269. (In Russian). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-257-269>
- Galkin, A.A. (2013). Power and political capital considerations at leisure. *Politeia — The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, (4), 6–22. (In Russian). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2013-71-4-6-22>
- Glebova, I.I. (2009). Sacralization of supreme authority in Russia as a cultural and historical phenomenon. *Russia and the contemporary world*, (4), 23–43. (In Russian).
- Gutorov, V.A. (2016). On some aspects of the formation of political philosophic discourse in modern Russia. *POLITEX: Political Expertise*, 12(1), 4–28. (In Russian).
- Gutorov, V.A. (2015). Politics and education: historical tradition and modern transformations. *Polis. Political Studies*, (1), 9–29. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.01.02>
- Gutorov, V.A., & Shirinyants, A.A. (2021). Interpretation of communism and post-communist transformations in Russia: modern theoretical discussions. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 525–544. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-525-544>
- Hill, R.J. (1980). *Soviet politics, political science and reform*. New-York: M.E. Sharpe. <https://doi.org/10.1177/000271628145300138>
- Ilyin, M.V. (2001). Russian political science: understanding of tradition. *Political Science*, (1), 5–21. (In Russian).
- Ilyin, M.V., & Koval, B.I. (1991). What is politics and what is the science of politics (the experience of an unconventional review). *Polis. Political Studies*, (4), 103–115. (In Russian).
- In memory of Alexander Kovalev. (2010). *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*, (6), 106–107. (In Russian).
- Irhin, Yu.V. (2011). Russian political science: stages of genesis and features of institutionalization. *Central Russian Journal of Social Sciences*, (1), 94–102. (In Russian).
- Kapto, A.S. (2018). On the question of institutionalizing political science. *Social and humanitarian knowledge*, (2), 67–77. (In Russian).
- Kovalenko, V.I. (2013). In memory of the teacher. In A.M. Kovalev, *Selected works. Memories of A.M. Kovalev* (pp. 522–528). Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
- Kovalenko, V.I. (2009). Political science and political science education in Russia and in MSU. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*, (1), 4–9. (In Russian).
- Kovalev, A.M. (2005). *Socially just society — utopia or possibility*. Moscow: Contemporary notebooks. (In Russian).
- Kozikov, I.A., & Kudryashova, M.S., & Shutov, A.Yu. (2013). Scientist, teacher, citizen. In A.M. Kovalev, *Selected works. Memories of A.M. Kovalev* (pp. 7–14). Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
- Malcolm, N. (1984). *Soviet political scientists & American, politics*. New-York: St. Martin's Press. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-17434-8>
- Pivovarov, Yu.S. (2001). Political science in the information system. *Political Science*, (1), 49–53. (In Russian).
- Plyais, Ya.A. (2005). About genesis, subject and contemporary situation in Russian political science. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*, (1), 9–32. (In Russian).
- Plyais, Ya.A. (2001). Political power as the main subject of political science in the transitional society. *Bulletin of the Financial Academy*, (3), 47–57. (In Russian).
- Shabrov, O.F. (2016). The concept of political: is political science possible? *The Authority*, 24(9), 51–61. (In Russian).
- Shutov, A.Yu. & Sobolev, V.A. (2020). Formation of political science in the USSR: To the 30th anniversary of official recognition. *Dialogue with Time*, (71), 28–38. (In Russian). <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63584>

- Skilling, G. (1963). In search of political science in the USSR. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*, 29(4), 519–529. <https://doi.org/10.2307/139341>
- Smorgunov, L.V. (2015). Regional political science communities in the Soviet era. *Political Science*, (3), 125–137. (In Russian).
- Sobolev, V.A. (2019). *F.M. Burlatsky (1927–2014). Life and works. The formation of political science in the USSR*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
- Sobolev, V.A. (2022). *History of political science in Russian*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
- Sobolev, V.A. (2020). Significance of the ideological and theoretical heritage of A.M. Kovalev for the formation of political science in Russia. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2(63), 136–141. (In Russian).
- Sobolev, V.A., & Filimonov, K.G. (2022). The Soviet political science tradition in universities: politics and political science in the works of A.M. Kovalev. *Tomsk State University Journal*, (474), 161–168. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/474/18>
- Sobolev, V.A., & Shirinyants, A.A. (2016). F.M. Burlatsky and formation of political science in the USSR. *Political Science*, Special issue, 25–42. (In Russian).
- Soloviev, A.I. (1998). Political power in the review of Russian scientists. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*, (4), 21–39. (In Russian).
- Soloviev, A.I. (2020). Power and politics. Polemic notes about “damned questions” of political science. *Polis. Political Studies*, (6), 135–147. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.10>
- Soloviev, A.I. (1997). Power in the political dimension. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science*, (6), 57–70. (In Russian).
- Theen, R.H.W. (1971). Political science in the USSR: “To be, or not to be” Some reflections on the implications of a recent Soviet critique of American political science. *World Politics*, 23(4), 684–703. <https://doi.org/10.2307/2009856>
- Tsaregorodtsev, S.S., & Shirinyants, A.A. (2018). In search of meaning: ideas as a factor of policy. *Bulletin of Russian nation*, (1), 64–78. (In Russian).
- Vorobyev, D.M. (2004). Political science in the USSR: formation and development of a scientific community. *Polis. Political Studies*, (4), 169–178. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.14>

Сведения об авторах:

Коваленко Валерий Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: kovalenko1946@list.ru) (ORCID: 0000-0002-4430-0377)

Соболев Владимир Андреевич — кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: sobolev@polit.msu.ru) (ORCID: 0000-0001-7013-8070)

About the authors:

Valery I. Kovalenko — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kovalenko1946@list.ru) (ORCID: 0000-0002-4430-0377)

Vladimir A. Sobolev — Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sobolev@polit.msu.ru) (ORCID: 0000-0001-7013-8070)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ И СТРАТЕГИИ

POLITICAL PHENOMENA AND STRATEGIES

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-348-367
EDN: YYYTLQ

Научная статья / Research article

«Свой среди чужих»: GR-менеджмент как политическое управление в арсенале «неполитических» агентов

А.А. Дегтярёв

*Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва, Российская Федерация*

✉ andrew.a.degtyarev@gmail.com

Аннотация. Рассматриваемая тема до сих пор находится в орбите отечественной дискуссии политологов и специалистов по Government Relations (GR). И среди них пока нет согласия относительно предметного поля изучаемой дисциплины. Мнения расходятся, относя GR к прикладной политологии, социологии коммуникаций или же к корпоративному менеджменту. В исследовании дан анализ проблем определения предмета GR-менеджмента как прикладной политологической дисциплины, а также ее категориального аппарата. Особенность GR как вида политического менеджмента состоит в том, что блок целеполагания деятельности GR-менеджеров и корпоративных лоббистов находится во «внутренней» и «неполитической» среде (экономической, социальной и др.), которая может быть связана с поддержанием конкурентоспособности фирмы и получением ею экономической прибыли. А вот средства достижения данных целей расположены уже во внешней социально-политической среде, в которой формируется поле для политического поведения заинтересованных акторов. И здесь мы сталкиваемся с феноменом инверсии представляемых в публичной политике партикулярных интересов, когда для их продвижения необходимо конвертировать цели экономической стратегии в адекватные частные вопросы при построении общей государственной повестки и в конкретные задачи стратегии и тактики уже отдельной GR-кампании.

© Дегтярёв А.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: GR-менеджмент, внешняя политическая среда, внутренняя экономическая среда, инверсия сред, политический менеджмент, корпоративное управление

Для цитирования: Дегтярёв А.А. «Свой среди чужих»: GR-менеджмент как политическое управление в арсенале «неполитических» агентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 348–367. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-348-367>

Благодарности: Статья подготовлена в рамках грантового конкурса на лучшие научные проекты фундаментальных исследований в сфере общественно-политических наук РФФИ и ЭИСИ (21-011-31289) по теме «Комплексный механизм участия организаций крупного бизнеса в динамике политико-управленческих процессов современной России (анализ осуществления влияния на отраслевую государственную политику)».

“At home among strangers”: GR-management as political governance in the arsenal of “non-political” agents

Andrey A. Degtyarev

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russian Federation,

✉ andrew.a.degtyarev@gmail.com

Abstract. The topic under consideration is still in the orbit of the domestic discussion of political scientists and specialists in Government Relations (GR). And there is no agreement among them yet regarding the subject field of the discipline being studied. Opinions differ, referring GR to applied political science, sociology of communications, or corporate management. This article analyzes the problems of defining the subject of GR-management as an applied political science discipline, as well as its categorical apparatus. The peculiarity of GR as a type of political management is that the goal-setting unit of the activities of GR managers and corporate lobbyists is located in an “internal” and “non-political” environment (economic, social, etc.), which may be associated with maintaining the competitiveness of the firm and obtaining economic profit by it. But the means to achieve these goals are already located in the “external” socio-political environment, in which the field of political behavior of interested actors is formed. And here we are faced with the phenomenon of “inversion” of the particular interests represented in public policy, when in order to promote them it is necessary to convert the goals of the economic strategy into adequate private issues when building a common public agenda, and into specific tasks of the strategy and tactics of an already special GR campaign.

Keywords: GR-management, external political environment, internal economic environment, environmental inversion, political management, corporate management

For citation: Degtyarev, A.A. (2023). “At home among strangers”: GR-management as political governance in the arsenal of “non-political” agents. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 348–367. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-348-367>

Acknowledgements: The reported study was carried out within the grant competition for the best fundamental scientific projects in socio-human disciplines area at RFFI-EISI (21-011-31289) “Complex mechanism of big business organizations participation in the policy process dynamics of the contemporary Russia (analysis of its policy area influence)”.

Введение

В современной России набирают все большие обороты процессы практического использования технологий GR-менеджмента, как и вторичные процессы изучения природы и структуры этих же феноменов. За последние два десятилетия в нашей стране написано уже довольно много отдельных материалов и серьезных публикаций по данной тематике, возникли специальные программы магистерской подготовки и даже проекты профессионального стандарта GR-специалистов (подготовленные для Минтруда РФ). И вот на этой, достаточно новой, почве встает теперь ряд вопросов уже методологического характера, связанных с междисциплинарным и межсекторальным характером данного вида социальной активности негосударственных акторов.

Во-первых, у ряда политологов, в отличие от вполне и давно ими признанного феномена лоббизма, возникают сомнения (не всегда, правда, обоснованные) в аутентичности политологического статуса субдисциплины *Government Relations (GR)*, которая развивается за рубежом уже более полувека, что почти вдвое дольше срока ее же стремительного развертывания в нашей стране. И не всегда понятным остается взаимоотношение политической науки с GR-менеджментом, который опирается и на другие фундаментальные знания (будучи при этом прикладной дисциплиной, о чем уже ранее приходилось писать [Дегтярёв 1998: 20–22]), когда практикующие в ней специалисты черпают вдохновение в таких смежных дисциплинах, как экономическая и социологическая науки и т.д. И, во-вторых, пока что выглядит непоясненным вопрос об особенностях GR как разновидности политического менеджмента, негосударственные агенты которого по своей основной деятельности имеют вроде бы «неполитический» статус (бизнес-корпорации и деловые ассоциации, НКО и профсоюзы), но при этом занимаются все же реальной политической работой, оказывая зримое влияние на лиц, принимающих решения (ЛПР). Именно эти вопросы и послужили известным мотивом для дальнейшей постановки задач при анализе предлагаемого сюжета. И поэтому целью данной работы является комплексное изучение предметного поля GR-менеджмента, определение ряда его категорий, а также выяснение функциональных взаимоотношений между основной и неосновной сферами и средами активности участвующих в этой работе акторов, корпоративных специалистов и лоббистов-консультантов.

«Цели спрятаны внутри, а средства выведены наружу»: основные и неосновные функции в управлении

Прежде всего, здесь следует прояснить самый первый вопрос о характере аутентичности (или степени политологичности) предметно-объектного поля GR-менеджмента и о его связи с политической сферой жизнедеятельности общества, а также со смежными его сферами и изучающими их фундаментальными науками. И тут мы сталкиваемся с известным дуализмом статусов и амбивалентностью ролей участников процессов лоббирования как субъектов и объектов политического менеджмента и прикладной политологии. Дело в том,

что, к примеру, крупная корпорация как особая группа давления выступает одновременно и как социально-политический, и как экономический институт [Перегудов 2006: 25]. Другими словами, для адекватного понимания природы групп давления следует смелее вводить в научный оборот рассмотрение их амбивалентного и флуктуирующего местоположения в контекстах взаимодействия политической, социальной и экономической «сфер-сред», функциональной взаимосвязи «основных-неосновных» видов деятельности, и вытекающих из этого взаимоотношения изменения их «статусов-ролей».

Общеизвестно, что группы интересов и давления политологи обычно включают в состав политической системы общества, где, например, Г. Алмондом и И. Пауэллом [Comparative... 2010] этим групповым объединениям вменяется специальная функция артикуляции частных интересов. Но, в отличие от политических партий и движений, назвать их специализированными «политическими машинами», борющимися за власть, будет все-таки явным преувеличением. И в этом плане партийный и электоральный менеджмент, как управление процессами массовой мобилизации и борьбы за формирование органов государственной власти (ОГВ), будет существенно отличаться от другой разновидности политического управления — GR-менеджмента, ставящего уже иную функциональную задачу — оказания лишь влияния на работу уже прежде сформированных ОГВ для обеспечения участия профессиональных лоббистов в процессах принятия решений, и в итоге, как это ни парадоксально, для осуществления исходных и базовых «неполитических» задач (экономических, социальных и пр.), но при этом выполняемых именно политическими средствами. Но различие состоит тут в том, что целевой блок в управлении партийной и электоральной борьбой определяется на основе внутренних принципов и правил политической динамики, а вовсе не вытекает прямо из особенностей ее экономической среды, хотя и связан с ней. А у корпоративных лоббистов это выглядит совсем иначе, и, образно говоря, — правая и основная нога находится в экономике, а вот левая — в политике. К примеру, не так давно это отличие весьма наглядно проявилось при принятии и осуществлении федерального решения об обязательной маркировке продуктов питания, что тут же вызвало сильную ответную лоббистскую реакцию ряда бизнес-организаций, производящих молочные продукты, которые в итоге организовали в отраслевой «внешней» среде активную политическую кампанию по смягчению данного регуляторного решения.

И здесь стоит немного остановиться на существенных отличиях некоторых разновидностей политического менеджмента, а именно политического менеджмента государственных и негосударственных (коммерческих и некоммерческих) организаций. Для начала следует функционально отграничить здесь «менеджмент властвования» как управление политическими процессами «сверху», со стороны госорганов (исполнительных, законодательных, и др.), от «менеджмента влияния», со стороны негосударственных организаций «снизу» (НКО и социальных движений, корпораций и ассоциаций бизнеса, и т.д.). И хотя многие формы и методы управленческого воздействия здесь явно пересекаются (медиа-релинз, и др.), диапазон и номенклатура их арсеналов все же существенно

отличаются, поскольку в системе государственного управления применяются методы административного контроля и легитимного принуждения.

В свою очередь, государственное управление включает в себя два базовых вида социально-политической активности государственной организации — с одной стороны, и государственное администрирование общественными процессами (экономическими и социальными в том числе), что составляет основную функцию государственной организации, и с другой — государственную политику и политическое руководство людьми как самими управленцами (бюрократией), так затем ими же руководимыми гражданами [Купряшин, Соловьев 2013: 171–174]. Политические руководители (федерального и регионального уровня) принимают ключевые политические решения, стараясь держаться в рамках определенных ими же стратегических целей государственной политики. Но тут следует отметить, что управлять целостными отраслевыми процессами приходится все же через системно-организованное руководство или организационное поведение людей. Сам же термин «политическое руководство» ранее активно использовался как синоним партийного руководства (КПСС) и вошел в отечественный оборот еще в советский период, то есть гораздо раньше, чем то самое (и ныне у нас широко распространенное) понятие политического менеджмента, обозначая высший уровень функций политического управления (в советское время закрепленных за ЦК КПСС и его Политбюро, а сейчас — за Администрацией Президента и Советом Безопасности). К примеру, эта категория включает в себя персонально-групповое позиционирование, перегруппировку и маневрирование в рамках кадровой политики и политико-бюрократических ротаций и назначений на высшие административные должности в стране.

А вот собственно технократическое и гражданское государственное администрирование большинством общественных (экономическими, социальными, культурными и др.) процессами закрепляется обычно за российским Правительством и его министерствами и ведомствами. И поэтому если целью правительственной деятельности в организационно-административной (и условно, «неполитической») логике является обеспечение и воспроизводство комплекса общественных благ для граждан, то задачей высшего политического блока (но уже в его собственной логике) видится там удержание государственной власти, руководство людьми и назначение управленческих кадров, также политический контроль над базовыми центрами принятия государственных решений. И тут происходит некая «инверсия сфер-сред» госуправления — ведь чтобы успешно принять бюджетное решение и в итоге распределить финансовые ресурсы уже затем во всей социально-экономической сфере развития всего общества, в рамках определенных политическими руководителями целей и приоритетов бюджетной политики, им необходимо контролировать как персонал финансовых ведомств, так и само парламентское большинство. Но для осуществления данной отраслевой логики и экономической задачи государственные руководители должны тогда использовать целый арсенал не только административных и финансовых инструментов, но уже самих политических средств (торг и блокирование, маневрирование и манипулирование и пр.), в результате

которого формируется «коалиция поддержки» данного бюджетного решения, преодолевающая сопротивление оппозиции.

Таким образом, в рамках логики деятельности по государственному регулированию *экономической среды* вначале здесь ставятся стратегические задачи (например, отраслевые нацпроекты), а уже потом выбирается набор инструментов для их оптимального достижения — от финансовых до административных, включая и политические, которые требуют их соответствующей конвертации поставленных задач для *политической среды*. Поэтому первый блок понятий связан с предметной и *целеполагающей деятельностью* («S-O» как субъект-объектная активность), где государственные органы выступают как обобщенный субъект управления общественными процессами, а вот второй — раскрывается уже как *целедостижительное поведение*, когда происходит мобилизация граждан государственными руководителями и бюрократами, а также их взаимное позиционное маневрирование и согласование интересов («S-S» как субъект-субъектная активность). Например, итоговое распределение бюджетных ресурсов относится к первому варианту, тогда как политический торг и согласование позиций профильных чиновников, депутатов в парламенте и корпоративных лоббистов по поводу принятия проекта бюджета можно отнести ко второму случаю [Lerbinger 2006]. Другими словами, чтобы регулировать социальные процессы и распределять общественные ресурсы, нужно руководить участвующими в этом людьми, контролировать ключевых стейкхолдеров, маневрировать тактическими средствами борьбы. И тогда первый «властный» менеджмент (государственное администрирование) отражает в основном аспекты государственно-управленческой деятельности по регулированию целостных общественных процессов, установлению и использованию правил игры, распределению общественных благ, а второй — описывает политическое руководство и контроль над поведением базовых акторов, опирающийся на «жесткие» и «мягкие» технологии их мобилизации и блокировки.

В том же плане (это приходилось отмечать уже ранее) можно заметить, что и всякая негосударственная политическая активность также органично распадается на два базовых ее вида, где первый обозначается как *«политическая деятельность»*, которая связана с воздействием агента-субъекта (бюрократов, депутатов, лоббистов, и др.) на объект управления (публичную проблему как неудовлетворительное состояние отдельного социального процесса) для получения ожидаемого политико-управленческого результата [Дегтярёв 1998: 96–98]. Например, это происходит тогда, когда корпоративные лоббисты борются за свои конкурентные преимущества для приобретения ренты и прибыли через принятие дистрибутивных решений ОГВ при распределении госзакупок или целевых бюджетных ассигнований.

Ко второму же виду активности можно отнести *«политическое поведение»*, которое характеризуется доминированием анализа уже иного измерения — позиционного воздействия политического субъекта на диспозиции всех других субъектов-стейкхолдеров (например, провластных политических партий на их коллег-оппозиционеров или лоббистов-конкурентов), которое включает

в себя формирование коалиций и союзов, соглашений и компромиссов, маневрирование формами и методами борьбы. Таким образом, в механизме лоббирования обязательно учитывать эти оба взаимосвязанных аспекта — целеполагающее лоббирование для преодоления интересующих публичных проблем (например, избыточное налоговое давление) и обеспечивающее его адекватными способами — целедостижительное лоббирование динамики позиций (выгодное продвижение или блокирование) ключевых стейкхолдеров. Таким образом, конкретные лоббистские воздействия и GR-кампании проходят уже в соответствии с законами и правилами политической динамики.

Однако самый важный и парадоксальный методологический момент, на который здесь следует обратить наше внимание, это то, что бизнес становится «своим среди чужих», неплохо играя на чужом поле в профессиональную политику вместе с депутатами и чиновниками. И связан он с тем, что *сами миссии и цели основной деятельности негосударственных агентов расположены как бы «вне» собственно специфического поля политической сферы жизнедеятельности*, в смежных сферах экономической, социальной и др. жизни общества, тогда как средства их достижения практически полностью зависят от степени адекватности и грамотности политического поведения, находящегося в пространстве их уже *неосновной деятельности*. И вот как это выглядит.

Например, для бизнес-организаций, где базовой задачей работы строительной корпорации выступает вовсе не как какой-либо захват и удержание государственной власти, предполагающий установление полного контроля над профильным министерством (хотя и такое в жизни может случиться), а только поддержание конкурентоспособности данной фирмы на отраслевом рынке, обусловленной показателями оборота и выручки, дохода и прибыли, и пр. Но поскольку часть доходов фирмы связана с получением текущих госзаказов, как это происходило с группой ПИК в программе московской реновации, или же зависит от изменения регуляторной базы, в свою очередь вызывающей повышение налоговой нагрузки на строительные фирмы. И возникает феномен так называемой «сферной инверсии», когда вдруг выясняется, что для успешной реализации основной экономической деятельности данной компании приходится всю заниматься деятельностью неосновной и политической, где указанная ранее «инверсия» представляет собою учет (инкорпорирование) индивидуального и группового интересов экономических агентов (по производству и максимизации экономической прибыли), в процессе «межсферного» поддержания адекватного им характера «внешней» политической среды, для обеспечения релевантной степени конкурентоспособности их основной экономической деятельности [Дегтярёв 2021: 152].

Что изучается в предметных рамках GR-менеджмента?

На фоне ныне привычных категорий лоббирования (микропроцессы) и лоббизма (макропроцессы), обычно понимаемых большинством политологов как «искони политологическая» проблематика и разновидность политического

поведения и элемент политической системы, отечественным специалистам по GR-менеджмент приходится пока все еще доказывать свою политологическую идентичность и цеховую аутентичность, поскольку немало тех же авторов до сих пор считают GR необходимым компонентом прежде всего корпоративного управления, которое по своей природе имеет доминирующий экономический (а не политический) характер. Хотя уже в самом начале 2000-х гг. в свет вышла известная работа С.П. Перегудова, в которой им убедительно обосновывается особая и дуалистическая феноменология крупной корпорации как особой лоббистской группы давления, экономического и социально-политического института, что может вполне стать затем важным аргументом в пользу того, что и корпоративный менеджмент также может быть параллельно связан как с экономическим, так и политическим управлением [Перегудов 2000: 102–104].

В специальной литературе идут довольно оживленные дискуссии о комплексной природе и предметном поле GR как многомерного, мультидисциплинарного и межсекторального объекта социального исследования и предмета управленческого анализа. На сегодняшний день, в рамках данного обсуждения, сложилось три доминирующих подхода, которые органично связаны с тремя его различными дисциплинарными интерпретациями, когда в рамках политологии изучается лоббирование негосударственных организаций, тогда как сквозь призму социологии на первый план выходит социально-коммуникативное взаимодействие, а в экономике и также в корпоративном управлении выделяется оперативный уровень стратегического менеджмента негосударственного влияния фирмы во «внешней» политической среде.

Во-первых, в указанной литературе заметное место имеют интерпретации GR с позиций академической политологии как лоббистского процесса влияния и давления негосударственных акторов на работу центров принятия государственных решений. В данных трактовках авторы рассматривают GR и лоббирование практически как синонимы [Автономов 2004], но с той лишь разницей, что если в довоенный период к лоббистским группировкам относили лишь такие аутсорсинговые формы организации, как деловые ассоциации (Американская медицинская ассоциация) и юридические консалтинговые фирмы, то начиная с 1960–1970-х гг., в эпоху расцвета международных корпораций, началось использование таких гораздо более благозвучных понятий, как GR и Public Affairs (PA).

Поэтому остановимся здесь на определении GR-активности в качестве синонимичного инварианта характеристики процесса лоббирования, то есть политической деятельности и поведения по оказанию влияния (давления) негосударственных акторов (организаций и групп) на ход государственного управления и результаты работы публичных центров принятия решений (ЦПР), в том числе это касается осуществления влияния отдельной частной корпорации на публичные действия органа государственной власти. На подобных методологических и дисциплинарных позициях рассмотрения проблематики GR как «Мира влияния» (или лоббистского давления) обычно основывают свои исследовательские разработки многие специалисты в классических [Coen, Grant, Wilson 2010]. и прикладных [Craig 2009] областях политической науки.

Во-вторых, далее идут трактовки с позиций «Мира коммуникаций», то есть социологической теории коммуникаций (базу которой создала концепция коммуникативного действия Ю. Хабермаса), где сфера GR интерпретируется как специфический вид социально-политических коммуникаций и тип коммуникативного воздействия, наряду с соседними сферами связей с общественностью (Public Relations / PR) и публичной активности (Public Affairs / PA), и иногда даже как их специфический подвид (кстати, для PA менеджмента, занятого управлением всей неэкономической средой фирмы, это выглядит вполне оправданным). Интересно, что подобную трактовку дает и Чарльз Мак, автор первого в мире учебного пособия по данной проблематике, отмечая, что GR «есть приложение индивидами или институтами коммуникативной техники для воздействия на принятие государственных решений» [Мак 1997: 4]. Есть даже достаточно радикальные версии, где GR просто называют разновидностью политического PR. Так, авторами довольно известного учебника утверждается, что GR — это прежде всего коммуникативная деятельность, и другими словами, это «вид PR-деятельности социального субъекта, направленный на регуляцию отношений с органами власти» [GR и лоббизм... 2021: 23].

В-третьих, с микроэкономической и менеджериальной точки зрения, данный феномен определяется как одна из разновидностей управления в смежных зонах функционирования негосударственных его секторов (бизнес-организаций и общественных объединений), или как просто особый тип политического менеджмента [Зиновьев, Морозов, Морозова 2003: 179]. Целый ряд исследователей считают, что все же главная среда обитания GR находится в «Мире управления», и трактуют эту бурно развивающуюся область как новое и специфическое направление менеджмента фирм и прочих негосударственных организаций или же как межсекторную и пограничную зону осуществления и пересечения публично-государственного и частно-корпоративного типов управления, некоммерческого и социального менеджмента [Lerbinger 2006]. И уже в другом учебнике «GR: взаимодействие бизнеса и органов власти» GR рассматривается лишь как управленческая подсистема государственно-частного партнерства (ГЧП) и социального партнерства (СП) бизнеса [GR: взаимодействие... 2017: 115–117], в качестве вида управления экономическими процессами на микроуровне (блок корпоративного менеджмента) или даже на макроуровне (система ГЧП). Таким образом, в результате получается, что GR — это особый тип межсекторального управления (менеджмент «внешней» среды) бизнес-корпорации или же другого вида менеджмента негосударственной организации (НГО) [Молчанова 2016].

Кроме коммуникативного подхода довольно распространенными являются смежные определения GR как некоего социально-политического взаимодействия, с использованием техники маркетинга и коммуникаций [De Fouloy 2011: 135–136]. И в этом плане в отечественной литературе появился даже некий концепт «мостостроительства», авторы которого разделяют и соотносят понятие «лоббирование» как средство достижения целей с понятием GR как отражением стратегического уровня исходного целеполагания. Например,

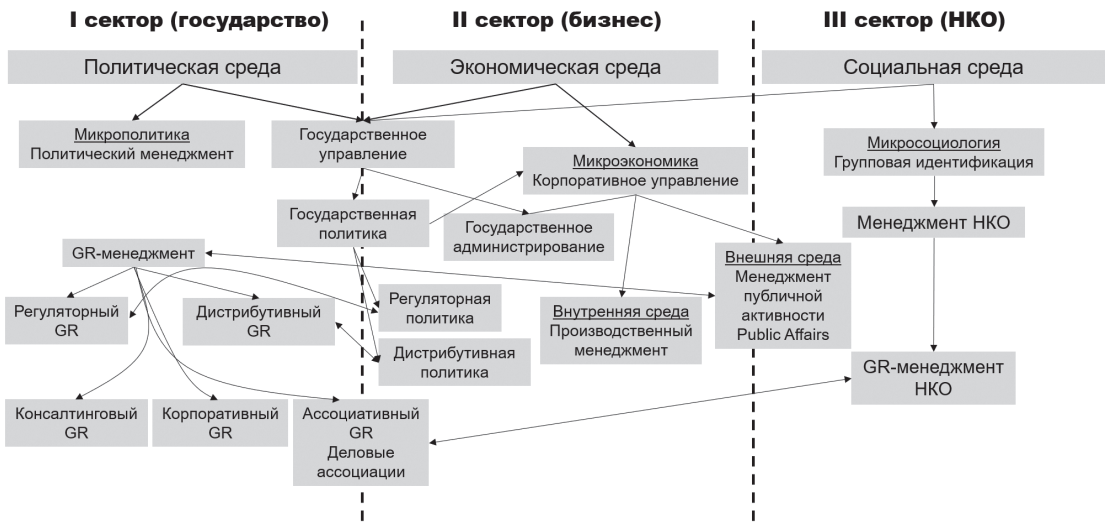
авторы уже указанного учебника по GR отмечают, что «специалисты в области GR — люди, которые строят мост между властью и бизнесом (или иными общественными организациями), для того чтобы по этому мосту могли пройти лоббисты для решения своих вопросов с властью» [Ачкасова, Минтусов, Филатова 2021: 39].

Итак, здесь можно подвести промежуточный итог, и предложить наше рабочее определение GR как наиболее общей здесь категории. *GR-менеджмент — это специфический вид политического управления процессом осуществления негосударственного влияния, который содержит стратегию и тактику социально-политической активности негосударственных агентов для представления и продвижения их интересов в рамках целостной и объективированной системы представительства интересов.* И это прикладная социальная наука, изучающая (на мультидисциплинарной базе) общие принципы, формы и методы межсекторального, межорганизационного и межгруппового управления процессом осуществления влияния (давления и участия) негосударственных агентов (формальных организаций и неформальных стейкхолдеров) на активность государственных агентов, центров публичной политики и принятия решений, при представлении и продвижении интересов, для создания адекватной «внешней» политико-государственной среды ведения ими базовой социальной и экономической деятельности.

Другими словами, если попробовать кратко синтезировать указанные выше подходы, то получается, что GR — это коммуникативный менеджмент осуществления влияния негосударственных агентов на принятие публично-государственных решений для инкорпорирования партикулярных (в основном «неполитических») вопросов в публично-государственную повестку и их последующего разрешения. Но подобная интерпретация требует привлечения и более частных понятий этого сложного категориального блока.

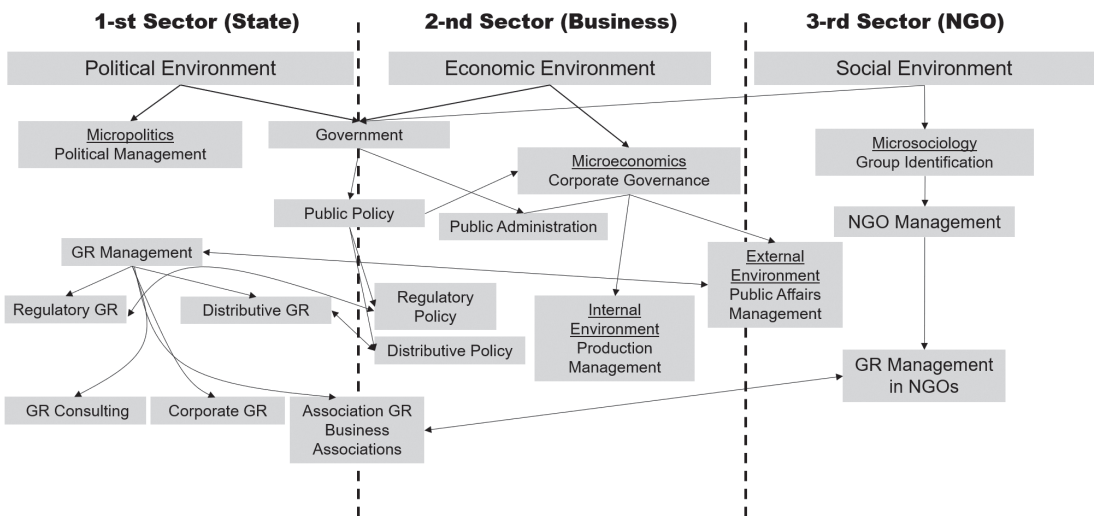
Попробуем разобраться теперь и в общей логике формирования самой предметной и понятийной области GR-менеджмента.

Во-первых, GR-менеджмент в известной мере отражает общую логику межсекторального взаимодействия (рис.), то есть взаимодействия между участниками трех макросекторов и базовых видов общественного управления — государственного, коммерческого (корпоративного) и некоммерческого, которые соответственно связаны также с тремя основными сферами общественной жизнедеятельности — политической, экономической и социальной [Дегтярёв 2018: 173–175]. Кроме того, к основным дисциплинам, в рамках которых специально и предметно изучаются данные сферы, можно в первую очередь отнести политическую, экономическую и социологическую науку, причем в основном в их специфической субдисциплинарной зоне — микрополитики, микроэкономики и микросоциологии, в отличие от дисциплинарных особенностей изучения лоббизма как макросистемы функционального представительства социальных интересов и субинститута политической системы, которые обычно закрепляются за объектами именно политологии.

Логика формирования предметного поля современного GR-менеджмента

Источник: составлено автором.

The Logic of GR-management subject-matter field formation

Source: compiled by the author.

Во-вторых, примерно таким же «триадичным» образом выстраиваются категориальные ряды для соотнесения основных аспектов функционирования GR-менеджмента сквозь призму политической, экономической и социологической науки, то есть «цепочки» экономической, политической и социальной сред развития данного вида политического менеджмента.

Начнем свой путь с рассмотрения первой по счету «неполитической» среды, а именно с экономической сферы, расположенной по центру предложенной на рис. схемы. И первый «экономический» категориальный ряд (см. по вертикали) начинается именно с механизмов функционирования «внутренней» экономической сферы, связанных с рыночными правилами конкуренции и обеспечения

конкурентоспособности организаций бизнеса, базовым критерием результативности которых выступает позитивная динамика получения политической ренты и экономической прибыли. Итак, логическое движение бизнеса в публичную политику начинается здесь так: микроэкономика и корпоративное управление — государственное управление и его регуляторная и дистрибутивная политика (учет воздействия «внешней» политико-государственной среды) — публичная активность (public affairs как менеджмент всей «внешней» общественной среды) — корпоративный GR-менеджмент (как менеджмент лишь «внутри» политической среды). Таким образом, логика разворачивания данного вида управления корпоративным лоббированием стартует с анализа внешнего воздействия на основной производственный менеджмент, то есть влияния уже «внешних» общественно-политических факторов на «внутреннюю» среду бизнеса, а потом там осуществляется и поиск реагирования бизнеса на эти внешние вызовы, в виде собственно политической стратегии и тактики бизнес-организаций.

И в предлагаемой в данной схеме модели во втором, уже «политическом», категориальном ряду продолжается разворачивание той же логики анализа, хотя старт тут идет уже от базового фундамента GR и политического менеджмента — проблематики политической науки. Она вполне органично связана с изучением механизмов государственной власти, где политическая динамика и публичная политика — это уже основной субстрат и внутренняя среда (хотя по своей природе она и внешняя, и изначально чужеродная для исходных задач работы рыночного бизнеса). И эта вторая «цепочка» выглядит так: микрополитика — государственное управление, политика и администрирование («внешняя» политико-государственная среда) — регуляторная и дистрибутивная госполитика (стратегические цели управленческой деятельности по поводу регулирующих и распределяющих процессов) — политический менеджмент (как тактически обеспечивающее его средствами акторное воздействие) — регуляторный и дистрибутивный GR-менеджмент (как лоббистское реагирование на базовые виды госполитики). И в завершении следует также выделить и такие базовые организационно-институциональные формы ведения GR-работы, включающие корпоративные (крупные компании), ассоциативные (деловые ассоциации) и консалтинговые организации, в свою очередь обладающие особенностями политического участия

И наконец, третий ряд представленных в схеме категорий тянется от микросоциальных разделов социологической науки, которые связаны с социальной стратификацией и групповой идентификацией, образуя социальную среду работы некоммерческих организаций (НКО), которые также (не будучи специализированными политическими агентами) занимаются общественно-политической работой. И тут все начинается с фундаментальных механизмов микросоциологии, затем переходит в социальный менеджмент НКО, в качестве отдельного блока которого (так же как и в случае с бизнесом) проявляется менеджмент «внешней» (общественно-политической) среды организации, где наряду с инструментами PR используются также и технологии GR-менеджмента организаций третьего сектора [Молчанова 2016: 21–26].

Кроме того, на последующих этажах категориальной системы GR-менеджмента расположены понятия политической стратегии и тактики влияния негосударственных агентов. Остановимся поэтому здесь на особенностях формирования функций и уровней политической стратегии и тактики подобного «неполитического» (по своей исходной природе) агента, которая тесно сопряжена с базовой целью его экономической стратегии.

Политический менеджмент как способ осуществления экономических задач: от стратегии кОмпании к стратегии GR-кАмпании

И здесь перед нами возникает очередной и весьма существенный вопрос. Какую же все-таки общую роль играет политический GR-менеджмент в экономическом и политическом управлении? Американский политолог Уильям Оберман в своей статье «Лоббируя ресурсы и продвигая стратегии» отмечает, что *стратегический подход* к современному корпоративному управлению включает в себя «зонтичное целеполагание», то есть корпоративную рыночную стратегию, для реализации которой в своих базовых целях используется уже оперативный (operational) уровень политического и нерыночного (non-market) управления в качестве эффективного инструментария для целедостижения [Oberman 2017: 483–484]. В этом проявляется известный дуализм ролевых функций в корпорации, порождающий и двойные статусы, и дуальные роли негосударственных (и непартийных) политических менеджеров [Дегтярёв, Бондарев, Тетерюк 2018]. Ведь в том же цехе корпоративного топ-менеджмента (СЕО) считается обычно, что первый заместитель первого руководителя компании во «внутренней» производственно-экономической среде, то есть вице-президент по производственной деятельности (у которого насчитывается подчиненный ему персонал порой в десятки тысяч работников), может быть даже почти что «последним» в неосновной и «внешней» социально-политической среде своей фирмы. И так же, наоборот, вице-президент по публичной политике, или GR (у которого в департаменте может быть полтора-два десятка человек), находясь в числе последних из заместителей в отношении производственного блока, выступает зато как первый-второй (после президента фирмы), обладая делегированными ему полномочиями представлять ту же компанию во внешнем общественно-политическом контуре.

О подобных различиях между основными целями «деятельности» и адекватными средствами «поведения» указывает также известный специалист в данной области Николас Дахан, вместе с двумя другими его коллегами. Ими вначале разводится (а затем и связывается) базовая GR-стратегия рыночно-экономической деятельности кОмпании с тактикой ее же политического поведения, что приводит тем самым к определению отдельной политической GR-кАмпании, в основном как своего рода «организационно-имплементационной» стратегии и тактики политического поведения фирмы, в отношении других ее участников-стейкхолдеров политического поля как нерыночной среды [Salorio, Boddewin, Dahan 2006: 30]. Кроме того, американский специалист Джон Мэхон отмечает по этому поводу, что

GR-менеджер, представляя свой частный экономический вопрос в публично-государственной повестке внешней среды, занимается целевой *политической деятельностью*, приносящей в итоге рента и прибыль (issues management), но вот для ее успешного продвижения необходимы уже тактические средства *политического поведения*, связанные с маневрированием ключевых социально-политических стейкхолдеров, с которыми нужно выстраивать коалиции и заключать компромиссы (stakeholders management) [Mahon 2017: 535–537].

В ходе предпринятого анализа необходимо также ответить на вопрос о роли таких понятий, как «внутренняя» и «внешняя» среда бизнеса, что важно для понимания общего функционала деятельности корпорации и процесса стратегического управления фирмой. В литературе по стратегическому управлению компаниями, как правило, используется так называемая «экологическая модель» структурной организации бизнеса, распадающаяся на две «среды» — «внутреннюю» и «внешнюю», каждая из которых подразделяется на «субсреды» работы бизнеса [Baron 2003: 1–23.]. Выглядит такая структурная модель ведения бизнеса в общих чертах следующим образом: «внутренняя» среда (производственные подразделения (предприятия), органы управления, включающие подразделения внешних коммуникаций, в том числе GR-департаменты или GR-отделы; экономическая (непосредственная) среда работы бизнеса (конкуренты, покупатели, поставщики) и, наконец, «внешняя» (социально-экономическая и политико-правовая) среда работы бизнеса. Поэтому несколько парадоксально то, что само GR-подразделение находится вроде бы во внутренней среде предприятия, а вся его основная работа проходит во внешнем окружении. Профессор О.С. Виханский описывает «внешнюю» среду современного бизнеса как сферу, из которой организация получает ресурсы, необходимые для поддержания ее внутреннего потенциала на должном уровне. Внешняя среда изучается для того, чтобы выявить угрозы и возможности, которые компания должна учитывать при определении и реализации своих целей. Задача стратегического менеджмента заключается в обеспечении такого взаимодействия организации со средой, которое позволяло бы ей выживать на рынке в долгосрочной перспективе [Виханский 1998: 20].

Для GR-специалистов в данном контексте важным является выделение трех базовых компонентов в структуре «внешней» (неэкономической) макросреды бизнеса. Во-первых, это относительно «статичная» государственно-правовая среда (система «государственных продуктов», правовых актов, устанавливающая регуляторные нормы, что дает организации возможность определить правовые ограничения во взаимоотношениях с другими субъектами права). Во-вторых, это уже «динамическая» государственно-политическая среда, включающая деятельность государственных акторов на федеральном и локально-региональном уровнях, воздействующих на работу фирмы посредством подготовки и принятия правовых актов, как регуляторных, так и дистрибутивных). И, в-третьих, общественно-политическая и сетевая среда, которая состоит из негосударственных акторов, влияющих «снизу» на государственные органы, к которым можно отнести политические партии, общественные объединения и ассоциации, НКО, СМИ, и др. [Тетерюк 2017].

И здесь сразу же перед исследователями, в рамках заданной темы, возникает целый набор актуальных теоретических и практических проблем. Если собственно GR-работа находится во «внешней среде», на пересечении зон управления организаций государственного и негосударственного секторов, в частности процессов функционирования различных ОГВ и отдельных бизнес-организаций, то каким же образом внутренний процесс стратегического управления корпорации зависит от внешней динамики воспроизводства и изменения ее политико-государственной среды, к примеру от регуляторной политики государственных органов, парламента и правительства. И здесь появляются вполне практические проблемы «конгруэнтности» (сопряженности и взаимосоответствия) и вытекающие из них парадоксы «асинхронизации» (расхождения и рассогласования) различных типов жизненных циклов (life cycles) функционирования и развития секторальных организаций, бизнес-циклов и циклов корпоративных решений в отношениях с циклами работы и жизнедеятельности ОГВ (например, при принятии запретительных решений правительством и парламентом), которые нередко ведут к росту издержек и снижению доходов вследствие догоняющего регулирования спланированной производственной деятельности бизнес-структур. Это могут быть различные виды циклических процессов работы отдельных ОГВ и принятия ими публичных решений (в рамках принятой специалистами типологии государственной политики): регуляторный (принятие и применение регулирующих норм законодательного акта, ограничивающего выпуск вида продукции), дистрибутивный (принятие трехлетнего регионального бюджета, реализация проекта госзакупок) или же конституентный (установленный электоральный цикл, поэтапный процесс кадровой ротации или омоложения состава госаппарата).

И это вполне прагматические вопросы, поскольку от них зависит вся система проектирования и планирования работы бизнеса — от разработки общекорпоративной политики и «GR-стратегии компании» до подготовки тактического плана, по общему и соотносительному, с указанными верхними уровнями управления (хотя он и называется обычно «стратегией GR-компании»), той или иной конкретной фирмы. Чтобы адекватно сформулировать задачу для дальнейшего прояснения указанной проблемы, следует поставить вопрос о месте стратегии и тактики GR-менеджмента в общей системе корпоративного управления.

В итоге, в ходе комплексного анализа GR-стратегирования можно построить, образно говоря, некую модель «матрешки стратегий», встроенных друг в друга, которая будет включать в себя в себя три основных стратегических уровня — общекорпоративный (стратегия-1), функциональный (стратегия-2), и, наконец, 3) организационный (стратегия-3), в международной литературе часто называемый «кампаниевый» (campaign-making).

При этом базовые экономические цели корпоративной стратегии первого уровня (увеличение доходов и сокращение издержек, рост прибыли) постепенно преобразуются в политико-стратегические цели второго уровня, то есть уровня GR-стратегии компании (и к этому «секторально-функциональному» уровню работы фирмы обычно относят работу ее GR-подразделений). И наконец, третий уровень стратегирования связан с проектированием и планированием

политической стратегии и тактики уже отдельной GR-кампании (таблица). Таким образом, первый стратегический уровень в постановке верхушки древа целей компании расположен в собственно экономической среде фирмы (долгосрочный характер), тогда как второй (среднесрочный — носит инверсивно-транзитный характер, транслируя экономические цели в политические задачи, например, переводя экономическую цель снижения издержек в политическую задачу — регуляторной борьбы за постепенное снижение ставки отраслевого налога или отмены сбора. Последний блок связан с организацией уже собственно отдельных политических GR-кампаний в краткосрочной перспективе при решении еще более частных вопросов.

Иерархия стратегических и тактических уровней процесса GR-управления корпорации

Функция управления (цели-средства)	Древо целей (целеполагание) в процессе корпоративного управления при переходе от «внутренней» среды	Древо средств (целестремление) в процессе корпоративного управления при переходе к «внешней» среде
Уровни корпоративного управления		
Общекорпоративная стратегия-1 деятельности кОмпании	Цели долгосрочной бизнес-стратегии-1 по росту сегмента контролируемого фирмой отраслевого рынка	Средства увеличения объема продаж и выручки, уровня доходов и нормы прибыли
Оперативно-тактический уровень деятельности кОмпании (тактика-1)	Блок оперативно-тактических бизнес-задач по увеличению объема производства вида товаров и услуг	Средства повышения производительности труда работников и эффективности управления фирмой
Функциональная GR-стратегия-2 кОмпании	Цели среднесрочной политической стратегии-2 фирмы по преодолению последствий санкций (проактивная стратегия по созданию нормативных условий для ведения параллельного импорта)	Общий «депозитарий» возможных и допустимых тактических технологий, типовых форм и методов лоббирования
Функциональная GR-тактика кОмпании (тактика-2)	Функциональный комплекс конвертированных тактических задач лоббирования	Определение адекватной «комбинаторики» технологий лоббирования для достижения политико-стратегических целей
Стратегия-3 GR-кампании	Цели краткосрочной стратегии-3 политической кАмпании фирмы (наступательная стратегия для отдельного проекта по ведению лоббистской кАмпании)	Построение системы планов в виде «динамические алгоритмов» в конкретном пространственно-временном континууме
Тактика GR-кампании (тактика-3)	Блок тактических задач лоббирования в рамках стратегического плана ведения отдельной лоббистской кАмпании	Конкретный выбор и использование ограниченной совокупности тактических форм и методов осуществления лоббистской деятельности в отдельных GR-кампаниях

Источник: составлено автором.

Hierarchy of strategic and tactical levels of the corporate GR-management

Management function (goals-means)	The tree of goals (goal setting) in the process of corporate governance during the transition from the "internal" environment	The tree of means (goal attainment) in the process of corporate governance during the transition to the "external" environment
Levels of corporate governance		
Corporate strategy-1 of the company's activities	Objectives of the long-term business strategy-1 for the growth of the segment of the industry market controlled by the firm	Means of increasing sales and revenue, income levels and profit margins
Operational and tactical level of the company's activity (tactics-1)	A block of operational and tactical business tasks to increase the volume of production of a type of goods and services	Means of increasing the productivity of employees and the efficiency of company management
Functional GR strategy-2 of the company	The objectives of the medium-term political strategy are 2 firms to overcome the consequences of sanctions (a proactive strategy to create regulatory conditions for parallel imports)	A common "depository" of possible and acceptable tactical technologies, standard forms and methods of lobbying
Functional GR tactics of the company (tactics-2)	Functional complex of converted tactical lobbying tasks	Determination of adequate "combinatorics" of lobbying technologies to achieve political and strategic goals
Strategy-3 of the GR campaign	Objectives of the short-term strategy-3 of the firm's political campaign (an offensive strategy for a separate lobbying campaign project)	Building a system of plans in the form of "dynamic algorithms" in a specific space-time continuum
Tactics of the GR campaign (tactics-3)	A block of tactical lobbying tasks within the framework of the strategic plan for conducting a separate lobbying campaign	Specific selection and use of a limited set of tactical forms and methods of lobbying activities in individual GR campaigns

Source: compiled by the author.

Таким образом, в завершающей части нашего рассуждения можно сделать некоторые итоговые выводы.

Во-первых, GR-менеджмент, как вид политического управления «неполитического» агента, связан с исходным блоком целеполагательной деятельности, который генерируется и исходно содержится в рамках смежных его общественных сред. При описанной корпоративной его версии это будет хозяйственно-экономическая среда (производство ренты и прибыли), тогда как блок целедостижительного поведения для осуществления поставленных ранее социально-экономических задач связан с политическими средствами их реализации, которые применяются в рамках собственно социально-политической среды уже по законам и правилам ее функционирования.

Во-вторых, GR-менеджмент — это вид управления процессом осуществления негосударственного влияния, который содержит стратегию и тактику управления активностью негосударственных агентов для представления

и продвижения их интересов в рамках целостной и объективированной системы представительства интересов. Кроме того, это прикладная социальная наука, изучающая (на мультидисциплинарной базе) общие принципы, формы и методы межсекторального, межорганизационного и межгруппового управления процессом осуществления влияния (давления и участия) негосударственных агентов (формальных организаций и неформальных стейкхолдеров) на активность государственных агентов, центров публичной политики и принятия решений, при представлении и продвижении интересов, для обеспечения адекватной «внешней» политико-государственной среды ведения ими базовой социальной и экономической деятельности.

И, наконец, в-третьих, феномен «инверсии» и конвертации некоторой части экономических целей компании во «внутренней» среде в политические задачи уже в среде «внешней» представляет собой учет и инкорпорирование партикулярного, индивидуального и группового интересов частных экономических агентов в процессе «межсферного» поддержания адекватного им характера «внешней» политической среды, для обеспечения релевантной степени конкурентоспособности в их основной деятельности, получения ренты и максимизации экономической прибыли.

Поступила в редакцию / Received: 16.03.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 29.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Автономов А.С. Азбука лоббирования. М.: Права человека, 2004.
- Виханский О.С. Стратегическое управление. М.: Гардарика, 1998.
- Дегтярёв А.А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998.
- Дегтярёв А.А. Современный GR-менеджмент как сфера межсекторального управления // Предметное поле экономической политологии: монография / под ред. Л.Е. Ильичёвой, В.С. Комаровского. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018. С. 170–180.
- Дегтярёв А.А., Бондарев М.Д., Тетерюк А.С. Учет взаимосвязи циклической динамики «внешней» и «внутренней» среды работы бизнес-организаций в современном GR-менеджменте // Вестник МГИМО Университета. 2018. Т. 63, № 1. С. 63–93. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-63-93>
- Дегтярёв А.А. Проблема комплексного моделирования трансформационных процессов «макро-микро конверсии» поведения социально-политических акторов и «сферной инверсии» деятельности политико-экономических организаций в современной GR-аналитике // Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2021. С. 152–153.
- Зиновьев А.Л., Морозов С.А., Морозова Е.В. Политический менеджмент. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2003.
- Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. Теория и механизмы государственного управления. М.: Изд-во МГУ, 2013.
- Молчанова О.П. Стратегический менеджмент некоммерческих организаций. М.: Изд-во Юрайт, 2016.

- Перегудов С.П. Крупная российская корпорация как социально-политический институт (опыт концептуально-прикладного исследования). М.: ИМЭМО РАН, 2000.
- Перегудов С.П. Корпорация как субъект публичной политики. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006.
- Тетерюк А.С. Опыт разработки модели структурирования внешней среды в процессе GR-менеджмента (на примере фармацевтической отрасли) // Социум и власть. 2017. № 1. С. 87–94.
- GR и лоббизм: теория и технологии / под ред. В.А. Ачкасовой, И.Е. Минтусова, О.Г. Филатовой. М.: Изд-во Юрайт, 2021. 438 с.
- GR: взаимодействие бизнеса и органов власти / под ред. Е.И. Марковской. М.: Изд-во Юрайт, 2017. С. 115–117.
- Baron D. *Business and its environment*. Boston: Pearson Education, 2013.
- Coen D., Grant W., Wilson G. Political science: perspectives on business and government // *The Oxford handbook of business and government* / ed. by D. Coen, W. Grant, G. Wilson. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 9–34.
- Comparative Politics today: A world view (9th ed.) / ed. by G. Almond & B. Powel. Longman, 2010.
- Craig S. Political science and political management // *Routledge Handbook of Political Management* / ed. by D. Johnson. New York: Routledge, 2009. P. 42–56.
- De Fouloy C. *Fouloy's Explanatory lobbying dictionary*. Vilnius: AALEP Publishig Division, 2011.
- Lerbinger O. *Corporate public affairs: Interacting with interest Groups, media and Government*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2006.
- Mack Ch. *Business, Politics and the practice of Government Relations*. Westport: Quorum Books, 1997.
- Mahon J. Corporate issues management // *The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs* / ed. by P. Harris & C. Fleisher. London: SAGE, 2017. P. 534–549.
- Oberman W. Lobbying resources and strategies // *The SAGE Handbook of International Corporate and Public Affairs* / ed. by P. Harris & C. Fleisher. London: SAGE, 2017. P. 483–497.
- Salorio E., Boddewin J., Dahan N. Integrating business political behavior with economic and organizational strategies // *International Studies of Management and Organization*. 2006. Vol. 35, no. 2. P. 28–35.

References

- Achkasova, V.A., Mintusov, I.E. & Filatova, O.G. (Eds.). (2021). *GR and lobbyism: Theories and Technologies*. Moscow: Urait Publishers. (In Russian).
- Almond, G. & Powel, B. (Eds.) (2010). *Comparative politics today: A world view* (9th ed.) Longman.
- Avnomov, A.S. (2004). *Azbuka of Lobbying*. Moscow: Prava Cheloveka. (In Russian).
- Baron, D. (2013). *Business and its environment*. Boston: Pearson Education.
- Coen, D., Grant, W. & Wilson, G. (2010). Political science: perspectives on business and government. In Coen D., Grant W. & G. Wilson (Eds.). *The Oxford handbook of business and government*. (pp. 9–34). Oxford: Oxford University Press.
- Craig, S. (2009). Political science and political management In D. Johnson. (Ed.). *Routledge Handbook of Political Management* (pp. 42–56). New York: Routledge.
- De Fouloy, C. (2011). *Fouloy's Explanatory lobbying dictionary*. Vilnius: AALEP Publishig Division.
- Degtyarev, A.A. (1998). *Foundations of Political Theory*. Moscow: Vyshaya Shkola. (In Russian).
- Degtyarev, A.A., Teteryuk, A.S. & Bondarev, M.D. (2018). Cyclical dynamics of the “external” and “internal” environments of business organizations in GR-management. *MGIMO Review of International Relations*, 58(1), 63–93. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-1-58-63-93>

- Degtyarev, A.A. (2018). Contemporary GR-management as intersectoral governance area. In Ilyichyova, L.E. & V.S. Komarovskiy (Eds.), *Subject-Matter Field of Economic Politology*. (pp. 170–180). Moscow: Publishing House “Aspect-Press” (In Russian).
- Degtyarev, A.A. (2021). Complex modeling problem of “macro-micro conversion” transformation processes in socio-political actor’s behavior and “sphere inversion” activity of political-economic organizations in contemporary GR-analytics. In L.V. Smorgunov (Ed.), *Russia and political order in the changing world: Values, institutions and perspectives* (pp. 21–23). Moscow: MGIMO (In Russian).
- Lerbinger, O. (2006). *Corporate public affairs: Interacting with interest groups, media and government*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates.
- Mack, C. (1997). *Business, Politics and the Practice of Government Relations*. Westport: Quorum Books.
- Mahon, J. (2017). Corporate issues management. In P. Harris & C. Fleisher (Eds.), *The SAGE Handbook of international corporate and public affairs* (pp. 534–549). London: SAGE.
- Markovskaya, E.I. (Ed.). (2017). *GR: Interaction of business and power institutions*. Moscow: Youright Publishers. (In Russian).
- Molchanova, O.P. (2016). *Strategic management of non-commercial organizations*. Moscow: Urait Publishers. (In Russian).
- Oberman, W. (2017). Lobbying resources and strategies. In P. Harris & C. Fleisher (Eds.), *The SAGE Handbook of international corporate and public affairs* (pp. 483–497). London: SAGE, 2017. London: SAGE.
- Peregudov, S.P. (2000). *Big Russian corporation as socio-political institute (conceptual and applied study experience)*. Moscow: IMEMO, 2000. (In Russian).
- Peregudov, S.P. (2006). *Russian corporation as public policy agent*. Moscow: GU VShA Publishing House. (In Russian).
- Salorio, E., Boddewin, J., & Dahan, N. (2006). Integrating business political behavior with economic and organizational strategies. *International Studies of Management and Organization*, 35(2), 28–35.
- Solovyov, A.I., & Kupryashin, G.L. (2012). *Public management: Theory and technologies*. Moscow: MSU. (In Russian).
- Teteryuk, A.S. (2017). Experience of development of the model of structuring environment in the process of GR-management (as exemplified by pharmaceutical branch). *Society and Power*, 63(1), 87–94. (In Russian).
- Vikhanskiy, O.S. (1998). *Strategic management*. Moscow: Gardariky. (In Russian).
- Zinovyev, A.L., Morozov, S.A. & Morozova, E.V. (2003). *Political management*. Krasnodar: Kuban State University (In Russian).

Сведения об авторе:

Дегтярёв Андрей Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России (e-mail: andrew.a.degtyarev@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8167-2092)

About the author:

Andrey A. Degtyarev — PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Political Theory, MGIMO University (e-mail: andrew.a.degtyarev@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8167-2092)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-368-376

EDN: XOQHES

Research article / Научная статья

Strategy as a Political Phenomenon and Concept

Vasily K. Belozеров

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

✉ vk_belozеров@mail.ru

Abstract. Modern science doesn't sufficiently disclose the essence and content of strategy (political strategy), even though the term and its derivatives actively circulate in theoretical and political discourse. This highlights the necessity to establish terminological clarity regarding the understanding of strategy. This article reveals the genesis of strategy as a practical management activity and as a science, as well as shows its connection with the military sphere. For a long time, the development of strategy as a science was closely connected to military affairs. The political component in strategy appeared in the 19th century, and has been gradually expanding. To separate political strategy from military and give it an independent scientific status, various authors have attempted to develop such concepts as higher strategy, grand strategy, and state strategy. Throughout time two approaches to understanding strategy emerged: the first focuses mainly on goal-setting, and the second — on coordinating goals with the ways and resources required to achieve them. According to the author, strategy in politics means a purposeful and long-term action program implemented to achieve a designed result. Military strategy acts not only as the highest level of military art, but also as an integral component of state strategy. At the turn of the 2010s attempts were made to conceptualize political strategy, but they did not find further development. The generation of a full-fledged concept of political strategy seems to be heuristic and promising in both theoretical and practical domains.

Keywords: political strategy, higher strategy, state strategy, conceptualization

For citation: Belozеров, V.K. (2023). Strategy as a political phenomenon and concept. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 368–376. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-368-376>

Acknowledgements: The study was carried out as part of the state task of the Moscow State Linguistic University (subject No. FSFU-2020-0020).

© Belozеров V.K., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Стратегия как политическое явление и понятие

В.К. Белозёров

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ vk_belozerov@mail.ru

Аннотация. В современной науке сущность и содержание понятия стратегии (политической стратегии) раскрыты недостаточно, при том что само понятие и производные от него активно циркулируют в теоретическом и политическом дискурсе. Наряду со стратегией широко используются и такие схожие по смыслу понятия, как концепция, доктрина, стратегия, основы государственной политики. Сложившаяся ситуация обуславливает необходимость установления терминологической ясности в отношении понимания стратегии. В исследовании раскрывается генезис стратегии как практической управленческой деятельности и как науки, показана ее связь с военной сферой социальной действительности. В течение длительного времени развитие стратегии как науки шло в связи с военным делом. Политический компонент в стратегии появился в XIX в., постепенно расширяясь. В интересах обособления политической стратегии от военной, придания ей самостоятельного научного статуса в разное время и разными авторами предпринимались попытки разработки концепций высшей стратегии, большой стратегии, государственной стратегии. В понимании стратегии сложилось два подхода. Сторонники первого сосредоточены преимущественно на целеполагании, второго — на согласовании целеполагания со способами и ресурсами достижения цели. По мнению автора, стратегия в политике означает целенаправленную и долгосрочную программу действий, реализуемую для достижения спроектированного результата. Военная стратегия выступает не только как высший уровень военного искусства, но и как неотъемлемый компонент государственной стратегии. На рубеже 2010-х гг. были предприняты попытки концептуализации политической стратегии, которые не получили дальнейшего развития. Выработка полноценной концепции политической стратегии представляется эвристичной и перспективной в теоретическом и прикладном плане.

Ключевые слова: политическая стратегия, высшая стратегия, государственная стратегия, концептуализация

Для цитирования: Белозёров В.К. Стратегия как политическое явление и понятие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 368–376. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-368-376>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FFSU-2020-0020).

Introduction

Words — even the finest — turn into litter, wearing threadbare with use and barter.
V.V. Mayakovsky

The concept of “strategy” has long been entrenched in scientific and political discourse. Derivatives of the word — such as “strategic management”, “strategic planning”, and “strategic culture” — are also commonly used and have de facto

acquired signs of conceptualization and institutionalization. Moreover, the concept of “strategy” by default is considered something self-evident, given a priori, obviously understandable and at the same time containing a higher sacred meaning.

At the same time, there is still no well-established point of view on what a “strategy” is. Scientific works, official documents issued by states and international organizations (not to mention works of other genres) containing the word “strategy” or its derivatives in their names appear regularly in Russia and abroad, however, they do not make the term clear and are even capable of disorienting. It is even sometimes difficult to distinguish the numerous Russian strategic planning documents issued at the federal, subject and municipal levels. It is also difficult to explain their different designations as concepts, doctrines, strategies, and foundations of state policy. As we know, “a theorist cannot do more than preserve concepts and call things by their proper names” [Schmitt 2007: 144]. To begin with, it makes sense to outline the concept of strategy.

The Emergence of Strategy

It is known that as a means of military administration, strategy has been defined since Antiquity (Greek: *stratos* — army, and *ago* — I lead). German military historian G. Delbrück (1848–1929) [Delbrück 1999] drew attention to the qualitative transition in military affairs from considerations of tactical nature to strategic thinking, which spread in the 5th century BC under Pericles, and the negative consequences of the loss of strategy for Athens.

To understand the role and functions of a strategist in the organization of social and political life, it is important to take into account the fact that under Athenian democracy, when the political structure of society reached a sufficiently high level of development, the position of supreme strategist — *strategos* — remained the only elected public position [Weber 1990: 667]. Moreover, the number of re-elections was not limited. A *strategos* in Athens combined the functions of an official and a military leader. Having freedom of action, he had to report to the people’s assembly about his actions. That is, in ancient Greece, strategy combined activities in both military and political spheres.

After more than two millennia, the concept of strategy was brought back to life thanks to the intellectual efforts of Prussian military theorist D.H. Bülow (1757–1807), who introduced the term in a revolutionary move. Russian military thinker A.A. Svechin considered Bülow a genius and put him “above many other classics” of strategy [Svechin 2003]. Several ideological achievements should be attributed to him, despite all their debatability and incompleteness.

1. Separation of strategy from tactics in the art of war, according to the criteria of time and space. Moreover, Bülow also introduced military operations, i.e. actually singled out all three levels of military art.

2. Substantiation of the possibility of defeating the enemy without a combat clash (according to Bülow, due to maneuvering and special deployment of troops).

3. The dual understanding of strategy: a) as a practical activity, b) as a science. Here we have to mention the ongoing misunderstanding and misconception when researchers of strategy are called strategists without any reservations.¹

4. The introduction of the political component into military science (the science of war). Bülow's following statement is characteristic: "The knowledge of war conditions the knowledge of politics..." [Bülow 1806: 5]. Defending his approach, he rhetorically asked: "Military science is strategy and tactics (but by no means the art of parades and drills), or the science of using the state's power to strengthen and protect the society, in the name of the public good and honor: how can it not include politics?" [Svechin 2003: 366].

5. The indication of the existence of a political strategy and the need to develop a special science about it. Bülow emphasized that "political strategy ... is still an unknown science; in order to initiate it, I will tell the world the principles of political strategy, and there will be no shortage of lamps that will try to illuminate them" [Svechin 2003: 366]. He put forward serious ideological claims: "... The first principle of science ... will be the following: "Political strategy is related to the military the same way as the latter is related to tactics, and political strategy is higher." As a military strategy regulates the operations of one campaign, at most one war, so a political strategy focuses on the prosperity and existence of the state for centuries and millennia" [Svechin 2003: 367]. Insisting on the novelty and originality of his approach, Bülow wrote that his contemporaries "have not yet known such a political-military view [coup d'oeuil]" [Bülow 1806: 160]. Although he didn't complete his plans on the theoretical explanation of political strategy.

6. The statement and the solution of the problem of identifying the connection, correlation and hierarchy of various levels of military administration, determining the dominant status of political strategy. That, in fact, proclaimed the primacy of politics over military considerations, which soon was completed by Clausewitz, who paradoxically developed as a political thinker in ideological confrontation with Bülow.

In defining the content of strategy as a practical activity, Athens of the times of Pericles and Bülow have something in common: its coverage of the civil and military spheres of social reality.

Military strategy emerged and began to establish itself as an independent science in Europe in the last quarter of the 18th century and started penetrating into Russia. The heroes of the novel "War and Peace", even before "the thunderstorm of the twelfth year", considered strategy as of great interest precisely as a recently emerging science.²

¹ See, for example: Austrian Defense Ministry strategist Reisner: Russia wins in Donbass through three tactics. Retrieved from <https://ria.ru/20220604/donbass-1793071871.html> (accessed: 26.03.2023).

² "Tell me how the Germans have taught you to fight Bonaparte by *this new science you call 'strategy'*." "Instead of an offensive, the plan of which, carefully prepared in accord with *the modern science of strategics*, had been handed to Kutúzov when he was in Vienna by the Austrian Hofkriegsrath, the sole and almost unattainable aim remaining for him was to effect a junction with the forces that were advancing from Russia, without losing his army as Mack had done at Ulm." (Tolstoy L. War and Peace. Retrieved from <https://www.gutenberg.org/files/2600/2600-h/2600-h.htm>). *Italics by me (Vasily K. Belozarov)*

The further development of strategy as a science followed the “military” path for a long time. Works containing “strategy” in their names were mostly dedicated to military strategy. Nevertheless, there was no clarity in the works of this period in determining the content of military strategy. European authors for a long time shied away from defining the content of strategy. A.A. Svechin explained it by the unquestioned authority of the author of the book “On War”, drawing attention to the fact that “... the very word “strategist”, which Clausewitz used to address persons who abused terminology, received in his mouth an offensive meaning close to charlatan. The next generations of writers after Clausewitz were afraid to even put the word “strategy” in the titles of their works” [Svechin 1935: 220].

Moving Towards a Higher Strategy

Pre-revolutionary Russia is an example of how a holistic understanding of military reality required political analysis, which was supposed to provide a high level of generalization. As early as in 1819, General I.G. Burtsov (1794–1829), stating the infantile state of military theory, noted that “all political sciences that affect the security of the people, as adjacent to the military, and, on the other hand, all moral sciences that set rules to control the human heart should be part of a general, extensive theory that governs the actions of true commanders” [Beskrovny 1960: 49].

The Russian followers of Clausewitz believed that the study of war was incomplete if it was emancipated from politics. Baron N.V. Medem (1798–1870) was the first professor of strategy at the military academy founded in 1832. When developing a course on strategy, he proceeded from the need to comprehend it precisely from the point of view of political considerations, reasonably believing that “war implies some kind of a political goal. The art of directing all military means in the most advantageous way to achieve this goal is the subject of *strategy*” [Beskrovny 1960: 86]. N.V. Medem considered it advisable and heuristic to oppose strategy as an art to strategy as a science. He very accurately described how strategy emerged as a system of scientific knowledge: “Strategy, in its essence, as an art, existed at all times whenever there was war. As a science, it appeared only when strategic considerations acquired significant importance in the actions of the war and became more complex and difficult” [Beskrovny 1960: 99].

Subsequently, the point of view dominating in Russia was that strategy represented a knowledge system which allowed to achieve the highest level of generalization of military reality. A well-known military theorist, General G.A. Leer (1829–1904) substantiated this status of strategy, since it “is the synthesis, the integration of the entire military art, its generalization, its philosophy” [Beskrovny 1960: 307]. Hence, he considered strategy “the science of all military sciences”, the philosophy of military affairs. However, if we proceed from the subtitle of Leer’s work “Strategy” (“Tactics of the Theatre of War”), we can conclude that his vision of strategy had a spatial limitation.

An example of the radicalization of Leer’s views is the position of N.A. Korf (1866–1924). He devoted his work, published in 1897, to substantiating Strategy (with

a capital letter) as a new science superior to all others, including philosophy and military policy [Korf 2012].

As a result, it was necessary to distinguish a special part of strategy. P.A. Yazykov (1800–1869) had already declared the existence of a “higher part of strategy”, which included not only the actions of the troops, but also the entire people [Beskrovny 1960: 152]. The introduction of the concept of “higher strategy” in Russia and its substantiation took place on the eve of the First World War. In fact, it referred to a purposeful and long-term political course focused on national interests. Military force was seen as a necessary, but not the only instrument of politics. Similarly, the most far-sighted representatives of the Russian officer corps, warning against entering into an unnecessary war and assessing the political course of the country, advocated the need to make it independent and purposeful and get rid of the influence of conditions, momentary considerations and external manipulations.

In 1913, V.Ya. Novitsky (1885 — after 1939) attempted to theoretically elaborate on the concept of higher strategy, which aims “to ensure the independent existence and further development of the state, in accordance with its political, economic, historical and cultural interests” [Novickij 1913: 1]. The interests of higher strategy, according to Novitsky, also required skillful handling of military power.

In the same year, A.E. Vandam (1867–1933) published “The Greatest of the Arts (Review of the Current International Situation in the Light of Higher Strategy)” [Vandam 2002]. According to Vandam, a country’s higher strategy had a geopolitical determination, it required a coalition of land powers (Russia, Germany and France) aimed against the “refined despotism” of the Anglo-Saxons.

The ideas of the higher strategy of Russia are also found in other thinkers of that time. Unfortunately, they were not accepted, calls to develop a long-term political course and follow it were ignored, and the Russian Empire eventually ceased to exist.

The Politicization of Strategy

The subsequent conceptualization of strategy went in the direction of filling it with political meanings.

Soon after the Civil War ended Russian thinkers came to the conclusion that limiting strategy to the framework of military struggle was wrong. A.E. Snesarev drew the attention of A.A. Svechin, the author of the book “Strategy” (published in 1926), stating that there was no lull in the confrontation of the parties in between military operations, since “strategy does not operate with a sword, but through other means, even if they are alien — agitation, crushing the enemy’s economy, overtaking in the reconstruction of one’s own forces, etc.” [Svechin 2003: 631].

Gradually, the understanding of strategy as a holistic and at the same time complex, multicomponent phenomenon took hold. After the Second World War, English researcher B. Liddel-Hart began to characterize state policy as a higher (grand) strategy that sets the direction for both the preparation and use of military force. He recognized the complexity of embracing and understanding grand strategy, since it is also related to the solution of issues of the post-war structure, and therefore

“unlike strategy, the essence of grand strategy is mostly terra incognita and needs further study and development” [Liddel-Hart 1999: 369].

The perception of strategy as a political phenomenon became widespread. In Russia, the relatively independent segment of state policy in the field of strategic planning has recently been formalized,³ and the theoretical and methodological foundations of this policy are being developed [Nazarov 2022]. Intellectual efforts are being made in the field of strategic planning for Russia’s foreign policy [Meshkov 2019].

The emerging synthesis of strategy and politics determines the clarification of their relationship. It seems that the use of the word “strategy” intends to respond to the developing domestic and international processes and reflects the demand of society, its elite and government leadership for a purposeful, long-term, sustainable, consistent and predictable political course.

The development and implementation of such a course requires following the project approach, which involves the construction of a remote future, and quite a substantive one at that. Hence, it can be argued that *strategy in politics means a purposeful and long-term program of actions implemented to achieve a projected result*. To confirm this position and the practical significance of having a detailed image of the future, which guides the detailed program of actions, let us cite A.A. Svechin, according to whom strategy is “the definition of the result to be achieved. ... If to administer means to foresee, then in strategy to administer means to foresee far ahead” [Svechin 2003: 19, 25]. Moreover, among the past and present theorists of strategy, there are supporters of a radical position, for which the goal (given result) plays an absolute, dominating role in relation to its achievement, up to ignoring the means and resources available. The Prussian philosopher of war should also be referred to such authors: “Creating means by which war is waged is not of interest to Clausewitz. Clausewitz regards domestic politics mainly as an inevitable overhead” [Svechin 1935: 258].

At present, a different, more balanced understanding of strategy is widespread, primarily in the West. According to English researcher L. Freedman, strategy is “the science of maintaining a balance between goals, methods and means; the science of setting goals, as well as the resources and methods for achieving them” [Freedman 2018: 9]. Other authors agree with him [Raschke, Tils 2013; Stupka 2008]. Assessing this approach allows to express doubt and raise the following question: how then does strategy differ, for example, from management and logistics, which also require coordination of efforts in time and space, correlation of goals and means?

Relatively recently, studies devoted to understanding state strategy began to appear [Kovač, Marček 2013]. In this case, Freedman’s constructive approach implies that within the framework of state strategy military force is naturally included among the consistent policy means and resources. With this

³ The Decree of the President of the Russian Federation dated November 8, 2021 No. 633 “On Approval of the Fundamentals of State Policy in the Sphere of Strategic Planning in the Russian Federation”. Retrieved March 26, from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244>

understanding, military strategy acts not only as the highest level of military art, but also as an integral component of state strategy. Moreover, as L. Freedman admits, “the concept of the strategy of ‘using all available means to achieve the goal’ arose relatively recently, but has already become widespread in military circles” [Freedman 2018: 681]. And you can find plenty of evidence for this. Meanwhile, the uncontrolled spread of this approach can, under certain conditions, lead to rejecting the primacy of politics over the military sphere and bring to the establishment of the ideology and practice of militarism, with all the ensuing consequences.

We are yet to see the conceptualization of actual political strategy in its expanded form. At the turn of the 2010s German political scientists made a serious bid for its formation [Raschke, Tils 2010; 2013]. Meanwhile in Russia, the problem of political strategy was only stated as a philosophical one [Shevchenko 2011]. No other attempts focusing on the theoretical understanding of political strategy and the development of its definition could be found.

Conclusion

In conclusion, it should be noted that the use of the word “strategy” in political and scientific discourse is intended to indicate a long-term and purposeful, organized activity. The development of a full-fledged and detailed concept of political strategy seems to be heuristic and promising in both theoretical and applied terms. The domestic scientific community has the potential to prove itself in this field.

Received / Поступила в редакцию: 20.02.2023

Revised / Доработана после рецензирования: 25.03.2023

Accepted / Принята к публикации: 15.04.2023

References

- Beskrovny, L.G. (Ed.) (1960). *Russian military-theoretical thought of the XIX and early XX centuries*. Moscow: Voenizdat. (In Russian).
- Bülow, A.H.D. (1806). *Der Feldzug von 1805 militärisch-politisch betrachtet, von dem Verfasser des Geistes des neuern Kriegssystems und des Feldzugs von 1800*. Erster Theil. (In German).
- Delbrück, H. (1999). *The history of military art within the framework of political history*. Saint Petersburg: Nauka; Yuventa (In Russian). [Delbrück, H. (1900). *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte*.]
- Freedman, L. (2018). *Strategy. War, revolution, business*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian). [Freedman, L. (2013). *Strategy. A history*. Oxford University Press.]
- Korf, N.A. (2012). *General introduction to the strategy. Studies on the philosophy of military sciences*. Second edition, reprint. Moscow: URSS. (In Russian).
- Kovač, M., & Marček, J. (2013). *Konzept und methodische Aspekte der Formulierung und Umsetzung der staatlichen Strategie*. Österreichische militärische Zeitschrift, 1, 34–47.
- Liddel-Hart, B. (1999). *The strategy of indirect approach*. Moscow: AST publishing house; Saint-Petersburg: Terra Fantastica. (In Russian).

- Meshkov, A.Yu. (2019). *Strategic planning of the foreign policy activity of the Russian Federation in integration processes*. Moscow: Prospect. (In Russian).
- Nazarov, V.P. (2022). *Development of theoretical and methodological foundations of strategic planning*. T.A. Alekseeva (Ed.). Moscow: Knorus. (In Russian).
- Novickij, V.Ya. (1913). *Higher Strategy*. Saint-Petersburg: Printing Office of the Maritime Ministry. (In Russian).
- Raschke, J., & Tils, R. (Hrsg.). (2010). *Strategie in der Politikwissenschaft. Konturen eines neuen Forschungsfelds*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. Springer Fachmedien.
- Raschke, J., & Tils, R. (2013). *Politische Strategie. Eine Grundlegung*. 2. Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. Springer Fachmedien.
- Schmitt, C. (2007). *Theory of the Partisan: an intermediate remark on the concept of political*. Moscow: Praxis. (In Russian).
- Shevchenko, V.N. (Ed.). (2011). *Political strategies of the Russian state as a philosophical problem: collective monograph*. Moscow: Institute of Philosophy of Russian Academy of Science. (In Russian).
- Stupka, A.W. (2008). *Strategie denken*. Wien: AV+Astoria Druckzentrum GmbH.
- Svechin, A.A. (1935). *Clausewitz*. Moscow: Magazine and newspaper association. (In Russian).
- Svechin, A.A. (2003). *Strategy*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).
- (2003). Moscow: “Financial control” Publishing house. (In Russian).
- Vandam (Edrikin), A.E. (2002). *Geopolitics and geostrategy*. Zhukovsky — Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).
- Weber, M. (1990). *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russian).

About the author:

Vasily K. Belozerov — Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Political Sciences, Moscow State Linguistic University; Leading Researcher, Research Laboratory of the Study of Global and Regional Socio-Political Processes, Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod (e-mail: vk_belozerov@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4875-5878)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396

EDN: XICTAA

Научная статья / Research article

Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности

Е.А. Варшавер

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация*

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*

✉ varshavere@gmail.com

Аннотация. Интеграция мигрантов переосмысливается через призму конструктивистских исследований этничности и, конкретнее, теоретического языка, разработанного автором и рядоположенного прочим современным конструктивистским языкам. Указывается, что этничность — это организация различий вокруг категорий, членство в которых преимущественно наследуется. Категории, согласно языку, организованы в форме категоризаций, классификаций и таксономий; категории связаны с атрибутами, к которым относятся стереотипы, индикаторы, нормы, характеристики связей с другими категориями, а также дискурсы. Вместе категории и атрибуты образуют конструкцию этничности, являющуюся типичным объектом анализа и описания в исследованиях этничности. Индивиды перманентно оценивают окружающие явления на предмет соответствия конструкции этничности и — в случае несоответствия — модифицируют свои представления, отчего конструкция этничности меняется. Интеграция мигрантов — это или изменение конструкции этничности, или ре-категоризация индивидов в пространстве дихотомии «мигрантский» — «местный» без изменения конструкции этничности. В ходе интеграции «мигрантские» категории могут быть ре-категоризированы как «местные»; «местные» категории могут изменить атрибуты, с ними связанные, и включить атрибуты, до того связанные с «мигрантскими» категориями; категории и атрибуты могут не меняться, при том что происходить будет ре-категоризация на индивидуальном уровне. Как именно будет происходить интеграция — зависит от разнообразия факторов, характеризующих конструкцию этничности и выходящих за ее рамки. Конструкция этничности в России — это вернакулярная таксономия, предполагающая наличие общей категории (россияне, русские как обобщающая категория и проч.), в которую включаются прочие категории, которые определяются как «местные». Большинству «мигрантских» категорий соответствуют идентичные по названию «местные» категории. Интеграция мигрантов в России, таким образом, принимает

© Варшавер Е.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

форму индивидуального перехода из разряда, например, «таджиков-мигрантов» в «местные таджики». Язык, созданный и изученный на предмет применимости к интеграции мигрантов, анализируется на предмет плюсов и минусов и определяются направления для дальнейшей работы.

Ключевые слова: этничность, миграция, интеграция мигрантов, дружба народов, отношение к мигрантам

Для цитирования: *Varshaver E.A.* Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 377–396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10038, <https://rscf.ru/project/22-78-10038/>

Integration of Migrants Through the Lens of a Constructivist Approach to Ethnicity

Evgeni A. Varshaver

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation*

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ varshavere@gmail.com

Abstract. The article rethinks the integration of migrants through the lens of constructivist studies of ethnicity. It is done on the basis of the theoretical language developed by the author, which builds upon other constructivist languages. It is pointed out that ethnicity is the organization of differences around categories, membership in which is predominantly inherited. Categories, according to language, are organized in the form of categorizations, classifications, and taxonomies; categories are associated with attributes, which include stereotypes, indicators, norms, characteristics of relationships with other categories, as well as discourses. Together, categories and attributes form the construction of ethnicity, which is a typical object of analysis and description. Individuals constantly evaluate the surrounding phenomena in terms of conformity with the construction of ethnicity, which is why the construction of ethnicity changes. Integration is a change in the construction of ethnicity or re-categorization of individuals in the space of the dichotomy «migrant» — «local» without changing the construction of ethnicity. In the course of integration, «migrant» categories may be re-categorized as «local»; «local» categories may change the attributes associated with them to include attributes previously associated with «migrant» categories; categories and attributes may not change, while re-categorization occurs at the individual level. How exactly integration will take place depends on a variety of factors that characterize the construction of ethnicity and go beyond it. The construction of ethnicity in Russia is a vernacular taxonomy, which implies the existence of a general category ('Rossijane', 'Russkie'), which includes other categories — defined as the «local» ones. Most of the «migrant» categories correspond to identical in name «local» categories. The integration of migrants in Russia thus takes the form of an individual transition from the category of «Tajik migrants» to «local Tajiks». The language created and studied for applicability to the integration of migrants is analyzed for pros and cons and directions for further work are identified.

Keywords: ethnicity, migration, migrant integration, peoples' friendship, attitudes towards migrants

For citation: Varshaver, E.A. (2023). Integration of migrants through the lens of a constructivist approach to ethnicity. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 377–396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>

Acknowledgements: The research is supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10038, <https://rscf.ru/project/22-78-10038/>.

Введение

Как все чаще отмечается [Wimmer 2013: 1–15; Constructivist theories... 2012: 1–47; Варшавер 2022], академические исследования этничности находятся в моменте, когда по-старому работать уже нельзя, а как делать это по-новому — известно едва ли. Конструктивистский подход, сложившийся в послевоенной науке и — если говорить об аудиториях лучших вузов мира — одержавший на данный момент тотальную победу над во многом придуманным им «примордиализмом» или «эссенциализмом», уже несколько десятилетий подряд живет плодами этой победы в своего рода «конце истории» и каждой новой статьей, написанной в конструктивистской парадигме, по сути повторяет, что этнические явления динамичны и конструируются в ходе взаимодействий между людьми. Конструктивизм сейчас, говоря образно, это старый спортсмен, который, когда в гости к нему приходит молодежь, достает затертую видеокассету с записью славной победы, одержанной 60 лет назад, и заставляет гостей посмотреть ее в очередной раз. Содержательный кризис накладывается на кризис теоретического языка. В статьях и других работах регулярно используются популярные обороты и риторические фигуры, которые позволяют их употребляющим успешно публиковаться, среди них и разные выражения процессуальности (racialized, in the making и проч.), и субъективизирующий фокус на идентичности, и разного рода указание на вернакулярность¹ исследуемых контекстов (как «простые люди» воображают те или иные явления). Эта языковая игра, однако, едва ли приближает область исследований к ответу на важные вопросы, среди которых, среди многого прочего, persistency (устойчивость) этничности или, проще говоря, почему этничность везде и так сильно влияет на жизнь людей. Ответ на этот вопрос требует внимания к механизмам, посредством которых этничность «обволакивает» представления и поведение людей, становится проблематичным и часто ключевым фактором их жизни. Но для того чтобы понять, как нечто работает, это нечто необходимо назвать.

В ответ на указанную проблему стали возникать варианты конструктивистского языка, наиболее важными из которых в минувшем десятилетии стали проекты Канчан Чандры [Chandra 2006; Chandra, Wilkinson 2008; Constructivist theories... 2012] и Андреаса Виммера [Wimmer 2004; Wimmer 2008; Wimmer 2009; Wimmer 2013]. Чандра также указывает [Constructivist theories...

¹ Вернакулярный — бытующий в обыденном сознании.

2012: 5], что именно создание конкурирующих конструктивистских описаний реальности является одним из рецептов выхода из кризиса, поскольку для развития необходимо создавать пространство несогласия и спора. В недавней работе [Варшавер 2022] автор данной статьи критикует языки Чандры и Виммера, а также предлагает свой — простой и компактный язык, который позволяет создавать описания социальной ситуации на предмет этничности для ее последующего объяснения внешними, неэтническими факторами. Определяя этничность как организацию различий, конструируемых вокруг категорий, членство в которых обычно наследуется, автор указывает, что единицей описания реальности на предмет этничности является не этническая категория, а конструкция этничности — вся совокупность этнических категорий, существующих в обществе, и — разнообразные — их атрибуты (имеющиеся в обществе представления об этих категориях): стереотипы (представители категории — какие они?), нормы (как вести себя с представителем категории, как вести себя, если ты представитель категории?), дискурсы (с какими историями ассоциированы представители категории) и проч. Такое — лаконичное — описание частично повторяет работу, которую осуществляют прочие конструктивистские языки, и, в частности, «отвязывает» этничность и от групп, и от конкретных людей, «прописывая» ее в пространстве социальных фактов, частично — отталкивается от слабых мест существующих конструктивистских языков (контринтуитивность концепта «границы» у Виммера, непроработанность некатегориальных аспектов этничности у Чандры) и создает удобный дескриптивный «общий знаменатель» конструктивизма, в котором в качестве самого главного в целом заявляется связка категории — социальные смыслы категорий. Это основа, но — для достижения указанной выше цели объяснения *persistence* этничности — этот язык должен быть детализирован и в него должны быть включены такие элементы, которые позволяют в когерентном с прочими элементами этого языка ключе рассмотреть этничность на предмет ранее не учтенных (или поверхностно учтенных) аспектов. В частности, например, эта схема не учитывает вариативности атрибутов категорий, то есть того, насколько разнообразными могут быть явления, которые связываются с ними.

В этой статье будет приведена актуальная версия языка, позволяющего делать описание конструкции этничности в некотором контексте, при этом основным направлением его улучшения станет новая, расширенная и детализированная типология атрибутов этнических категорий. Среди прочего, например, в нее будут включены так называемые «индикаторы» — признаки, посредством которых люди распознают представителей тех или иных категорий в повседневности и сигнализируют о своей принадлежности другим. Такая постановка вопроса позволяет состыковать теоретический язык Чандры, чувствительный именно к такого рода явлениям, однако не различающий иных типов атрибутов, с теоретическим языком, который разрабатывает автор статьи и где атрибуты до определенного момента означали почти исключительно стереотипные представления о представителях категорий. Помимо этого, в этой версии языка внимание будет обращено на общие характеристики конструкции этничности,

не привязанные к конкретным категориям, такие, как, например, правила членства в этнических категориях, а также представления о том, возможны ли изменения категориальной принадлежности в течение жизни человека или человек «рождается» представителем категории и это не может быть изменено. Вторая часть статьи послужит иллюстрацией эффективности разработанного языка, через жернова которого будет пропущена довольно бедная в том, что касается теоретических языков, область знания, которую пока можно обозначить как «интеграцию мигрантов». В ней интеграция определяется в общем виде как изменение связей между категориями, атрибутами и людьми. Она происходит в трех идеально-типических режимах: (1) ре-классификация категорий из «мигрантских» в «местные», (2) расширение «местных» категорий за счет атрибутов, которые ранее были эксклюзивно «мигрантские», (3) сохранение конструкции этничности («местных» и «мигрантских» категорий) и ре-классификация индивидов. Прикладным выводом из этих построений является то, что интеграция мигрантов — это не столько вопрос миграционной политики, которая фокусируется в первую очередь на миграционных потоках, сколько вопрос политики национальной, в фокусе которой как раз и находятся представления жителей страны о том, кто такие «мы», кто теоретически может стать «нами», а кто не может, и что нужно для этого сделать. Именно этот вывод — в более детальной его версии — и закроет эту статью. Начнется, она, впрочем, небольшой выжимкой взгляда автора на современное состояние конструктивистских исследований этничности.

Конструктивистская парадигма сегодня

Вопреки распространенному мнению [Berg-Sørensen, et al. 2010; Williams 2015] конструктивизм сегодня — это не подход, рядоположенный прочим подходам, а парадигма, в рамках которой существуют исследования этничности и в принципе социальные науки. Согласно Т. Куну [Кун 1977], разработавшему идею научной парадигмы, парадигма — это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [Кун 1977: 11]. Парадигма, таким образом, это и канон, и образ мысли, и представление о «хорошей» и «плохой» науке, которое задает критерии научной работы. Несмотря на то, что классические работы по философии и социологии знания, включая «Структуру научной революции», были написаны применительно к естественным наукам, история исследований этничности за последние 100 лет — с поправкой на специфику социальных наук — подпадает под это определение в полной мере. История смены парадигмы, хотя рассказывается по-разному [Hale 2004; Ozgen 2015; Yeros 1999], в целом сходится на следующем: до определенного момента исследования, посвященные этничности, находились в «ловушке эссенциализма». Эта ловушка состояла в том, что в качестве объекта в исследованиях социальных наук мыслились по-разному называемые группы — племена, народы, этносы, этнии, этнические группы и проч., они же, согласно имплицитно содержащемуся

в научной литературе представлению, обладали агентностью, то есть действовали, принимали решения и были «актерами истории», индивиды же скорее являлись инструментом, посредством которого этнические группы действуют и осуществляют «межэтнические отношения». Такое положение вещей частью было связано с воздействием эссенциализирующих представлений эпохи романтизма о народах, частью с достаточностью такой концептуальной разметки для колониальной антропологии того времени. Параллельно — прежде всего в социологии — сложилась совокупность подходов, позже квалифицированных как микросоциология [Benzecry, Winchester 2017; Gibson, vom Lehn 2018]. В микросоциологии ключевой единицей наблюдения является человек, он действует под влиянием разнообразия внешних сил и факторов, однако эти факторы — сети, институты, нормы, рациональность — являются не агентами, а контекстом поведения людей, и именно люди и их поведение оказываются в предельном фокусе исследований. Такого рода — прежде всего социологические и экономические теоретические — разработки проникли в антропологию, дисциплину, во многом «родовую» для изучения этнических явлений, и уже оттуда конструктивистские представления об этничности «вернулись» в социологию и распространились по другим дисциплинам² в качестве «признанных всеми научных достижений». О каких именно представлениях идет речь? Хотя конкретные онтологии и эпистемологии исследователей разнятся, равно как различаются и формулировки, предельный «символ веры» современного конструктивизма в исследованиях этничности можно резюмировать в трех пунктах.

1. В фокусе исследований находятся не группы, а представления людей о различиях, человеческое поведение, базирующееся на этих представлениях, а также явления, которые являются следствием этих представлений.
2. Эти представления структурируются вокруг этнических категорий и разнообразия смыслов, с этими категориями связанных.
3. Как категории, так и смыслы производятся и воспроизводятся в постоянном взаимодействии между людьми, отчего этничность носит динамичный характер (и, если некоторые этнические явления кажутся устойчивыми, речь идет о том, что всякий момент времени они «пересобираются» похожим образом).

Именно эти представления лежат в основе конструктивистской парадигмы и частью являются отправной точкой проводимых исследований этничности, частью — сущностным выводом из них. На первых этапах смены парадигмы положение вещей, когда каждое исследование одновременно исходило из того, что этничность конструируется, и описывало то, как она еще конструируется (см., например, [Alleyn 2002; Santiago-Irizarry 2001; Verkuuyten et al. 1995]), было продуктивным — это позволяло посмотреть иначе на привычные вещи. Однако

² Речь также идет и о политической науке, в рамках которой в последние годы дисциплинарно центрируются теоретико-методологические инновации, связанные с этничностью. И А. Виммер и К. Чандра, о концепциях которых будет сказано ниже, — номинально политические ученые.

сейчас, когда — как минимум в глобальных центрах производства научного знания — конструктивизм установился в качестве основополагающей рамки, наука об этничности по сути стоит на месте, ничего всерьез не открывая. Об этом неутешительном положении вещей стали говорить в последнее десятилетие, и проекты Канчан Чандры и Андреаса Виммера были заявлены как попытка перестать «пинать мертвую лошадь примордиализма» [Wimmer 2013: 2] и двинуться вперед. Движение вперед, согласно этим авторам, должно было быть обеспечено за счет создания конкурирующих между собой — уже исключительно конструктивистских — теоретических языков, программ, моделей и объяснений. Эта позиция была сформулирована около 10 лет назад, и в настоящий момент конструктивистских языков существует сравнительно немного, отчего каждая попытка создания языка является полезной для области знания. Ниже представлен авторский теоретический язык, который, как представляется, является, с одной стороны, достаточно широким, чтобы стать основой для ответа на разнообразные исследовательские вопросы (это отличает данный язык, например, от языка Чандры, сводящей этничность к идентичностям или категориям), с другой — лишенным груза ярких метафор (здесь преимущество над языком Виммера, работавшего с понятием «границы», метафоры, сыгравшей важную роль на этапе деэссенциализации исследований этничности, но столкнувшейся со значительными ограничениями в описательных возможностях и в настоящей момент упершейся в свой потолок). Этот язык в настоящий момент продолжает разрабатываться, и в настоящей статье будет представлена его версия на нынешний момент, существенно доработанная в сравнении с предыдущей его публикацией.

Этнические категории и их атрибуты: теоретический язык

Итак, ключевым элементом теоретического языка является *этническая категория*. В попытках определить этничность и отличить этнические категории от всех остальных было сломано немало копий. Консенсус, который сложился сейчас относительно такого рода определений, состоит в том, что при их формулировке не стоит отталкиваться от признаков, по которым — в разнообразии контекстов — осуществляются категоризации (например, языка, религии или фенотипических черт), поскольку в каждом следующем контексте набор признаков, определяющих принадлежность к той или иной категории, будет иным. Напротив, все больший вес среди исследователей набирают определения, согласно которым этнические категории отличаются от всех иных тем, что членство в них преимущественно наследуется [Fearon 2003; Fearon, Laitin 2000; Chandra 2006], и в этом смысле этничность противопоставляется двум прочим универсальным социальным классификациям — гендерным и возрастным [Cosmides et al. 2003]. Такое определение имеет свои недостатки. Среди них — включение в множество этнических категорий фамилий и, соответственно, отнесение семейно-родовых

категоризаций и классификаций к этническим. Это, впрочем, соотнобразуется с важной для современного конструктивистского подхода идеей, согласно которой те категоризации, в которых фактически живут люди, — это компромисс между универсальными и локальными категоризациями. Более того, если принять во внимание, что универсальные категоризации или классификации — это продукт модерна, можно предположить, что во многих до-модерных контекстах основой этнических категорий были как раз родовые категориальные системы. Другой недостаток таких определений происходит из того, что наследование не является единственным способом «пополнения состава» этнических категорий. Из конструктивистских антропологических исследований, начиная с работ Барта [Ethnic Groups and Boundaries... 1969], известно, что люди при определенных обстоятельствах могут менять этническую категорию принадлежности, в результате чего дарфурцы, рожденные фор, становятся багарра [Naaland 1969], а пакистанские пуштуны становятся белуджи [Barth 1969a].

Современным вариантом этничности, к чему постепенно приходят исследователи [Wimmer 2013: 7–10; Brubaker 2009], кроме того, является и институт гражданства: с одной стороны, он устроен таким образом, что совокупность граждан страны пополняется за счет наследования, с другой — очевидно, что вступить в гражданство возможно. Третий недостаток — это то, что в совокупность этнических явлений включаются прочие не-гендерные и не-возрастные классификации, в частности, например, классовая. Действительно, согласно этому определению, классы в той мере, в какой дети наследуют статус родителей, оказываются этническими категориями, однако если консенсус все больше склоняется к тому, чтобы считать расовые и национальные классификации вариантами этнических, классовым категориям он в этом отказывает. Возможным решением указанных проблем было бы обращение к когнитивной и эволюционно-психологической литературе [Kurzman et al. 2001; Goetze, James 2004; Salter 2008], в которой исследуется спонтанно осуществляемое мозгом различие «мы-они», а также категоризация тех людей, которые были отнесены к «они».

Существует версия, согласно которой представители категорий, которые не относятся к «мы», обрабатываются мозгом посредством тех же когнитивных модулей, которые используются для распознавания видов животных [Gil-White 2001]. По отношению к указанной литературе среди исследователей-конструктивистов есть определенная предвзятость: мейнстримные исследования этничности избегают любого типа пердурабиллизма — представления, согласно которому этничность — это что-то еще помимо интереса, реализация которого происходит за счет инструментализации разных элементов конструкции этничности, и это — в отличие от во многом воображаемого спора между конструктивистами и эссенциалистами — предметный спор, разрешение которого существенным образом повлияет на наши представления об этничности и человеке [Hale 2004: 462]. До разрешения этого спора, однако, далеко, равно как и до полноценной интеграции указанных

рамок в современные конструктивистские исследования этничности, а значит, в настоящий момент следует удовлетвориться определением, согласно которому *этничность — это организация различий вокруг категорий, членство в которых преимущественно наследуется*.

Этничность организована вокруг категорий, а сами категории существуют в контексте друг друга, в формате *категоризаций, классификаций и таксономий*. Различие между этими терминами лежит в степени систематизированности категорий, а также характеристиках соотношений между ними. Категоризация — это любая попытка выделения «типов» людей, при том, что люди могут относиться к нескольким типам одновременно или не относиться ни к одному типу, классификация — это универсальная и однозначная категоризация, предполагающая, что человек может быть представителем только одной категории. В этой связи официальные и институционализованные систематизации — такие как перепись или институт гражданства — тяготеют к статусу классификации, в то время как вернакулярный взгляд, выделяющий категории, описывающие жителей соседних сел, религиозные категории, категории, взятые из официальной этнической классификации, а также категории, описывающие принадлежность к национальным государствам, производит категоризации, а не классификации. Категоризации зачастую также предстают в форме таксономий, то есть представлений, согласно которым некоторые категории являются подкатегориями других категорий. Таксономии также могут носить более и менее структурированный характер, быть произведенными в качестве научных или же быть в полной мере вернакулярными. Именно категории, контекстуализированные друг другом в разных формах, являются объектом исследований этничности, однако есть и второй ее аспект — это разнообразие *атрибутов* категорий. В предыдущих работах атрибуты были заявлены, однако не были систематизированы должным образом, в этой работе будет произведена попытка такой систематизации и выделения типов атрибутов.

Итак, в общем виде атрибуты — это разнородные явления, которые разными способами связываются с этническими категориями. Именно посредством атрибутов этничность и вплетается в ткань социального, оказывая влияние на человеческое поведение, которое является предельным объектом интереса общественных наук. Можно выделить как минимум пять типов атрибутов. Во-первых, это *стереотипы*. Стереотипы — это обобщенные представления о том, какими являются представители категорий. Во-вторых, это *индикаторы* — признаки, по которым осуществляется распознавание представителей соответствующих категорий. В-третьих, это *нормы* — представления о должном поведении или представителей категории, или в ситуации взаимодействия с представителями категорий. К этому же пункту относятся институционализованные нормы — например, предпочтения или, наоборот, негласная дискриминация при поступлении в вуз. В-четвертых, это разнообразие *отношений между категориями* — их близость-дальность, сходства-различия, дружба-война и проч. Каждой категории может быть придана эго-сеть, в центре которой находится эта

категория, прочими вершинами являются другие категории, а ребрами — описания отношений между основной категорией и другими категориями. В-пятых, это *нарративы* — устные и письменные описания реальности — посредством которых раскрываются свойства категории.

Все разнообразие этнических категорий и их атрибутов в некотором контексте называется *конструкцией этничности*, при этом контекст может быть как небольшим и ограниченным, так и носить более широкий характер. Ограничение конструкции этничности не носит онтологического характера, а является функцией от необходимости очертить объект исследования. Так, на предмет конструкции этничности можно описать рекламный ролик, параграф учебника или разговор между двумя людьми, однако эти конструкции этничности будут частью больших конструкций этничности — на уровне страны, региона или даже всего мира. В каждом из случаев, однако, задача будет состоять в том, чтобы определить этнические категории, посредством которых разные акторы описывают мир, систематизировать их и выделить их атрибуты. Важно, что люди могут быть носителями конкурирующих описаний конструкции этничности, и эти конкурирующие описания в своем разнообразии также являются элементом конструкции этничности. Помимо этого, те или иные элементы конструкции этничности могут быть в большей или меньшей степени институционализированы и формализованы, и это также является объектом описания. Кроме того, характеристикой конструкции этничности являются правила членства в этнических категориях (передается ли членство по отцу, обоим родителям или действует принцип самоидентификации), а также вернакулярные концепции (народные социологии) этничности, то есть представления о том, насколько принадлежность к этническим категориям устойчива, насколько она может быть изменена со временем, в какой мере она характеризует людей и проч. К этому же пункту относятся и типичные *imaginaries*³, посредством которых воображается культурное разнообразие, а также метакатегории, посредством которых происходит к ним обращение. Так, например, в СССР разнообразие воображалось посредством метакатегории «национальность», в США такой метакатегорией является «раса», а разнообразие на глобальном уровне воображается посредством категории «нация». Метакатегория и ее смыслы имеют важные последствия в части понимания природы этнического разнообразия.

В процессе социализации люди осваивают категории, учатся связывать с ними конкретных людей, которых они видят в повседневной жизни, осваивают должное поведение как представители категорий и при взаимодействии с представителями других категорий, выучивают, кто «братский народ», а кто «враг», а также узнают нарративы. Конструкция этничности, в которую они социализируются, оказывается для них предельной реальностью, в результате чего их поведение оказывается под ее воздействием. Вместе с тем, однако, всякий

³ Социологический термин, обозначающий инструменты, посредством которых возникают и реализуются в социальных отношениях коллективные образы и явления. Карта мира — является *imaginary* национального, корона является *imaginary* монархии и проч.

момент времени люди занимаются реинтерпретацией реальности и «примирением» своих представлений с наблюдаемой реальностью (и в этих рамках может осуществляться рекатегоризация конкретных людей), а также (и это важно не менее, если не более) с прочими представлениями, которые им транслируются. В результате этого процесса возможно изменение конструкции этничности на индивидуальном и — в той мере, в какой она обсуждается в сообществах и сетях — коллективном уровне. Конструкция этничности, таким образом, с одной стороны, как любое представление, которое люди осваивают в раннем возрасте, характеризуется известной степенью устойчивости, а с другой — за счет механизма реинтерпретации — может меняться. В той мере, однако, в какой человеческое сознание склонно воспринимать существующее положение вещей как нормальное и устойчивое, в теоретическом смысле продуктивнее мыслить конструкцию этничности и связь между категориями и конкретными людьми как продукт постоянной реинтерпретации и рекатегоризации. Этот ход также будет полезен для осмысления посредством этого языка такого процессуального явления, как интеграция мигрантов.

Интеграция мигрантов через призму теоретического языка

Литература, посвященная интеграции мигрантов, крайне объемна, а термины, которые используются для обозначения этого понятия (интеграция, ассимиляция, инклюзия, абсорбция и проч.), — весьма разнообразны. Среди основных конструктивистских языков, связанных с этничностью, попытки переописания этого явления осуществлялись в рамках языка, созданного вокруг термина «границы» такими ключевыми авторами, как Ф. Барт [Barth 1994], А. Зольберг [Zolberg, Woon 1999] и А. Виммер [Wimmer 2009]. Согласно этому подходу интеграция — это изменение конструкции границ или индивидуальных позиций людей относительно границ. Как и в других случаях (более детальную критику — см. [Варшавер 2022]), однако, этот язык работает, когда описывается интуитивно понятная ситуация двух больших воображаемых совокупностей, представители которых находятся рядом и взаимодействуют, и перестает работать, когда необходимо вообразить реальность, в которой категорий больше, они находятся в менее однозначных отношениях и «приписывание» людей к ним носит нечеткий характер. В этом отношении описываемый язык имеет значительно большую описательную силу, которая будет продемонстрирована ниже.

Как обычно понимается интеграция мигрантов? В связи с тем, что это понятие используется и в научных исследованиях, и в практической работе, и в общественных дискуссиях, предмет обсуждения нередко размывается и ускользает. Тем не менее можно утверждать, что всякий раз, когда говорится об интеграции мигрантов, говорится о разного рода отношениях и соотношениях между людьми в обществе в зависимости от их миграционного бэкграунда [Heckmann, Schnapper 2003; Heckmann 2006; Esser 2001;

Варшавер, Рочева 2016; Малахов 2015; Мукомель 2011]. Интеграция мигрантов в логике предложенного теоретического языка⁴ — это в общем виде ре-категоризация конкретных людей и этнических категорий в пространстве атрибутов, указывающих на их «мигрантскость» и «местность». Это тянет за собой изменение атрибутов, указывающих на близость-дальность, сходства-различия категорий. В конструкции этничности, с точки зрения представителей «местных» категорий, «мигрантскость» обычно значит, что «они отличаются от нас», из чего иногда также следует что представители «мигрантских» категорий похожи между собой. Более того, в некоторых случаях «мигранты» и «местные» в вернакулярных представлениях могут обладать характеристиками полноценных этнических категорий, находящихся в некоторых соотношениях с прочими этническими категориями. Представим ситуацию, при которой есть некоторый набор этнических категорий, каждая из которых — в качестве атрибута — имеет по-разному формулируемый маркер, который сообщает, что принадлежащие к этой категории «местные», «свои», или «приезжие», «мигранты», «чужие». В ходе перманентной ре-категоризации возможны следующие развития событий: (1) категория теряет атрибут «мигрантскость» и становится в ряд «местных» этнических категорий, отчего люди, к ней относящиеся, становятся «местными», (2) атрибуты одной из «местных» категорий расширяются за счет атрибутов «мигрантских» категорий, отчего люди, относящиеся к «мигрантской» категории, ре-классифицируются как представители «местной» категории, (3) категории и атрибуты не меняются, происходит ре-классификация конкретных людей, «мигрантская» категория сохраняется, если она «подпитывается» людьми и исчезает, если все или большинство людей, ранее принадлежавших к этой категории, ре-категоризируются. Эти варианты резюмированы в таблице.

От чего зависят характеристики ре-категоризаций, которые можно описать как интеграцию мигрантов? Можно выделить три блока факторов. Первый блок связан с теми характеристиками конструкции этничности, которые касаются категорий и их атрибутов. В частности, если основные индикаторы, позволяющие классифицировать человека как принадлежащего к мигрантской категории, видны невооруженным глазом и, в свою очередь, «местные» категории также определяются через внешность, вероятность ре-категоризации людей ниже, чем в ситуации, когда индикаторы не видны. Другой фактор — это такие атрибуты «местных» категорий, которые образуют высокий порог входа и тем самым не позволяют тем, кто ранее относился к «мигрантским» категориям, перейти в категории «местных». Это, впрочем, обычно решается таким образом, что среди «местных» категорий или находятся такие, которые характеризуются более низким порогом входа,

⁴ В силу широты явлений, которые обычно вкладываются в понятие «интеграция», следует оговориться, что в этой статье речь прежде всего идет о тех ее аспектах, которые традиционно относятся к так называемой символической интеграции.

или образуются новые категории — к ним, например, относятся различные категории, связываемые со вторым поколением мигрантов (такие категории описываются, например в [Портес, Мин 2017]).

Варианты изменений на уровне категорий, атрибутов и индивидов, которые происходят в ходе интеграции

Что происходит с конструкцией этничности	Что происходит с «мигрантской» категорией	Что происходит с людьми, которые принадлежали к «мигрантской» категории
«Мигрантская» категория переопределяется как местная	Категория продолжает существовать, но в качестве «местной»	Номинальные мигранты, не меня категориальной принадлежности, становятся «местными»
Атрибуты «мигрантской» категории включаются в атрибуты «местных» категорий	Категория исчезает	Номинальные мигранты перестают относиться к «мигрантской» категории, переходят в одну из «местных» категорий
Категории и атрибуты остаются неизменными	Категория остается или исчезает — в зависимости от приезда новых мигрантов и интенсивности индивидуальной ре-классификации в местные категории	Номинальные мигранты продолжают относиться к мигрантской категории, если соответствуют атрибутам этой категории и становятся «местными», если обретают атрибуты «местных» категорий

Источник: составлено автором на материалах своих исследований.

Второй блок факторов — это общие характеристики конструкции этничности, которые не связаны с конкретными категориями. Важной такой характеристикой является способ воображения разнообразия в обществе. Так, например, «мультикультурализм», описывающий общество как «лоскутное одеяло культур», довольно просто позволяет мигрантской категории встроиться в общество на правах еще одной «культуры» и встать в один ряд с «местными» категориями. Если воображение разнообразия осуществляется через метакатегорию «раса», вероятный сценарий состоит в том, что представители «мигрантской» категории оказываются «приписаны» к той или иной «расе» и тем самым становятся «местными», однако параллельно с этим они «выписываются» из «мигрантской» категории, для которой в принимающем обществе места нет. Сложнее ситуация для мигрантов, если принимающее общество воображает себя этнически гомогенным — обычно в таких ситуациях порог входа оказывается высок или — если гомогенность завязана на фенотип — непреодолим до момента, как общество не перевообразит себя, и в такой ситуации возможно возникновение маргинальных категорий или сохранение «мигрантских» категорий через поколения.

Третий блок факторов — это факторы, которые напрямую с конструкцией этничности не связаны. К ним, например, относятся ситуация на рынке труда, предполагающая или не предполагающая замыкание мигрантов на конкретных

позициях, пространственная дифференциация, «геттоизирующая» или «смешивающая» мигрантов и местных, человеческий капитал прибывающих мигрантов и проч. На конструкцию этничности и ре-классификацию индивидов этот блок факторов влияет посредством коммуникативно-когнитивных механизмов — интенсивная коммуникация между мигрантами и местными, с одной стороны, сближает их культурно (мигранты осваивают языки принимающего общества, местные — опривычивают культурный репертуар мигрантов), с другой — делает их более внимательными к изменениям в образе жизни конкретных людей, что, в свою очередь, сказывается на обобщенных представлениях, к которым относится и конструкция этничности.

Российский случай интеграции мигрантов⁵

Переопишем с помощью этого теоретического языка ситуацию с интеграцией мигрантов в России. Разнообразие в России на протяжении последних столетий воображалось посредством метакатегорий «народ», «национальность» или, в научной версии, «этнос», которые, в свою очередь, формировали российский или советский народ [Малахов 2006: 150; Слезкин 2001: 362]. Соотношение между этническими категориями, однако, воображалось посредством двух основных рамок, которые можно обозначить как «имперская» и «дружба народов». Если в имперской рамке атрибутом категории «русские» являлась ведущая роль в государственном строительстве, а также — в общем случае — большая культурность и сопряженная с ней культуртрегерская функция, «дружба народов» предполагала равенство между категориями. На разных этапах национальная политика в большей или меньшей степени тяготела к одному из указанных полюсов, равно как и вернакулярные способы воображения разнообразия неизбежно включали в себя обе эти рамки. Тем не менее в том, что касается «многооставности» народа, между этими рамками противоречий не было, в результате эссенциалистская идея, согласно которой Россию населяют разные народы, все вместе образующие «общий» народ (то есть конструкция этничности в части категорий описывается в рамках таксономии), прижилась и для большинства жителей не является проблематичной. Распад Советского Союза интенсифицировал миграционные процессы, однако фактически международная миграция в восприятии государства и простых людей не выходила за пределы способов воображения внутреннего разнообразия. Поворот случился в середине 2000-х [Мукомель 2005], когда, с одной стороны, в связи с экономическим ростом сменились характеристики миграционных потоков и постепенно становилось понятно, что речь идет не о согражданах другой «национальности», а о реальных иностранцах, с другой — в дискурсе во многом по мотивам погромов

⁵ Эмпирические обобщения, осуществленные в разделе, написаны на основании многолетних исследований автора, среди которых: [Варшавер и др. 2021; Рочева и др. 2017; Варшавер и др. 2016; Варшавер 2016]. А также на основании следующих работ: [Космарская, Савин 2021; Арутюнова 2008; Гудков 2005; Космарская 2018].

во Франции 2005 г. в обиход вошла категория «мигрант» со всем разнообразием ее — часто противоречащих друг другу — атрибутов, таких как «мигранты лентяи работать» и «мигранты отнимают наши рабочие места». Категория «мигрант» придала второе дыхание имперскому, иерархизирующему дискурсу о соотношении между категориями, который, с одной стороны, признает наличие «народов» в пределах видимости, с другой — предполагает примат русских над всеми остальными.

Этот дискурс, однако, сравнительно легко меняется на дискурс «дружбы народов», где мигранты оказываются членами «нашей большой семьи», в которую на равных основаниях входят все народы бывшего СССР или даже всего мира. Такое положение вещей поддерживается и национальной политикой, наследующей советской версии мультикультурализма, но также разными средствами указывающей на большую важность русского народа в этой конструкции⁶. В результате и в представлении государства, и в представлении простых россиян мигрант, чтобы стать членом российского общества, не обязан отказываться от своей культурной специфики, напротив, именно в качестве «таджика», «узбека» или «азербайджанца» он и становится «россиянином» или — в зависимости от ситуации — «русским». Неоднозначности ситуации придает то, что параллельно с этим «таджики», «узбеки» и «азербайджанцы» существуют в качестве «мигрантских» категорий, и отличие «таджиков» местных от «таджиков»-мигрантов лежит полностью в поле атрибутов категории «мигрант» и «местный», а также рядоположенных им.

«Местные» живут в России с рождения или продолжительное время, говорят по-русски, взаимодействуют с прочими «местными» и заводят с ними семьи, соответствуют «правилам» (не реальным, но скорее воображаемым) и проч. «Мигранты», соответственно, в России недавно, по-русски говорят плохо, с местными не общаются и замкнуты на своих соотечественниках. В тот момент, однако, когда приезжие из других стран (индивиды или целые сообщества) перестают соответствовать характеристикам «мигрантов» и становятся «местными», для них уже заготовлена «местная» этническая категория, связанная со страной происхождения, и они становятся «таджиками», «узбеками» и «азербайджанцами» частью из дискурса о «дружбе народов», частью — из имперского дискурса, однако и в первом и во втором случае — они становятся «своими».

Определенные «поломки» происходят в ситуации, когда мигранты не подходят ни под одну из «классических» категорий, посредством которых в Советском Союзе воображалось разнообразие. Например, обычно сложно вписать в «семью народов» африканцев, однако тенденция здесь такая же — создается вернакулярная этническая категория, ей атрибутируется «местность», и именно в нее помещается классифицируемый. Как, например, это

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (ред. 06.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 23.02.2023).

было описано в фильме «Асса»: *Это Витя. Мой друг, Витя. Чего вы так ша-рахаетесь? Возможно, Вас смущает, что он негр? Так это пустяки! Он наш негр. Советский, социалистический. Можно сказать, вы видите перед собой негра новой формации. Не Майкла, не Джо, заметьте, а Витю*⁷. Это общая модель, однако от нее есть и девиации и, в частности, параллельно мультикультуралистским представлениям существует редуцированная концепция, согласно которой Россия населена представителями категории «русские», индикаторами которой является не кровь или внешность, а культура, и в этом смысле мигранты в ходе интеграции становятся «русскими», но в определенной степени «русские» в такой ситуации оказываются зонтичной категорией, в которую, в свою очередь, могут входить прочие «национальности». С другой стороны — такой взгляд, который можно обозначить как «ассимиляционистский», хотя и существует, как представляется, носит на данный момент преимущественно маргинальный характер. В целом, таким образом, в России интеграция мигрантов осуществляется посредством реинтерпретации мигрантских категорий в качестве местных с последующей реклассификацией номинальных мигрантов из первой категории во вторую.

Дискуссия и выводы

В этой статье представлена обновленная версия теоретического языка, являющегося, по мнению автора, оптимальной основой для аналитической работы с этническими явлениями. Этот язык был применен к области интеграции мигрантов, в рамках чего этот процесс был переописан как ре-категоризация индивидов и категорий в пространстве категорий и атрибутов, описывающих людей как «местных» и «мигрантов». Было показано, как возможна такая ре-категоризация, а также от чего зависит ее ход и исход. Этот язык был, кроме того, рядоположен языку, сформировавшемуся вокруг категории «граница» и часто используемому для исследования интеграции мигрантов, и, хотя в силу ограниченности размеров статьи, не было приведено кейса, на котором преимущества «языка категорий-атрибутов» очевидны, можно говорить о том, что «язык границ» нечувствителен к разнообразию новых категорий, неизбежно возникающих в ходе интеграции мигрантов, а также не обладает должным аналитическим аппаратом, позволяющим анализировать категории в контексте друг друга (и здесь важно различение категоризации-классификации-таксономии). При этом нужно отметить, что эти языки не противоречат друг другу в существенных вещах (троичная модель, резюмированная в таблице, очень близка к модели Зольберга, согласно которой границы могут стираться, перерисовываться и индивидуально пересекаться), и скорее «язык категорий-атрибутов» позволяет уйти от неоптимальностей «языка границы», и в частности чрезмерной метафорической силы ключевого концепта. Тем не менее теоретический

⁷ Асса (фильм) // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=128896&oldid=127751862> (дата обращения: 23.02.2023).

и эмпирический анализ категорий, возникающих в ходе интеграции мигрантов — это важная задача на будущее. Равно таковым является анализ языка на предмет колониальности, которая в данном случае состоит в имплицитном выстраивании его от и в рамках воображения принимающего общества. В той мере, в какой интеграция — интерактивный процесс, взгляд мигрантов на разнообразие — это важный фактор, объясняющий ее протекание и исход. Это, впрочем, не противоречит тому, что все люди, вне зависимости от «местности» или «мигрантскости», воображают разнообразие посредством категорий и их атрибутов, а значит, речь идет о необходимости включения разных ракурсов в описания, создаваемые на языке и, соответственно, развитие языка, а не его о его сущностном изменении. Именно так и может быть сформулирована дальнейшая задача — описание на этом языке разных явлений и процессов, связанных с интеграцией мигрантов и находящихся в других плоскостях (например, полезно было бы применить этот язык для интерпретации явления, известного как «структурное неравенство»), за счет чего и будут происходить его развитие, детализация и спецификация. Если использовать метафору популярного языка программирования Python, базовый язык уже создан, теперь речь идет о создании полезных библиотек на его основе. Более того, важной задачей является микросоциологическое переописание интеграции, и здесь полезно будет обратиться к качественному социологическому инструментарию, в частности изучению биографий и семейных историй, однако в рамках большей задачи по моделированию интеграции с микросоциологических позиций и интеграции этой оптики с «языком категорий-атрибутов».

Можно ли говорить о результатах проведенного переописания для практики управления разнообразием? Да, без сомнения. Основной вывод состоит в том, что интеграция мигрантов, основанная на реализации политик и программ, — это лишь отчасти работа с мигрантами, но и, в немаловажной степени, это работа с конструкцией этничности, существующей в принимающем обществе, которая ключевым образом влияет на протекание и исход интеграции мигрантов. Инклюзивность принимающего общества, выражающаяся, в частности, в таком воображении различий, которое предполагает возможность полноценного участия в нем даже совсем недавних мигрантов, а также в представлении общества о самом себе как о совокупности единомышленников и как о множестве находящихся постоянно или временно на некоторой территории, вне зависимости от фенотипических и культурных характеристик, способствует более эффективной интеграции мигрантов, понимаемой в широком смысле. И такая инклюзивность достигается за счет работы с конструкцией этничности — с категориями и их атрибутами, а также способами воображения разнообразия и правилами входа — всеми теми вещами, которые стали видимы посредством представленного теоретического языка.

Поступила в редакцию / Received: 22.02.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 31.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Арутюнова Е.М.* Отношение к мигрантам в России и Европе: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. No. 3. С. 66–73.
- Варшавер Е.* Этнические границы в местных сообществах: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. М.: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2016. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3145037>
- Варшавер Е.* «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 3. С. 31–58. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58>
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л.* Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 3. С. 315–330.
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н.* Социальная карта района как инструмент городских исследований // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1, № 3. С. 31–53. <https://doi.org/10.17323/usp13201631-53>
- Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Андреева А.* Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.
- Гудков Л.* Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6. С. 60–77.
- Космарская Н.П.* «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 2. С. 187–213. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.7>
- Космарская Н.П., Савин И.С.* Отношение москвичей к мигрантам сквозь призму контактной гипотезы // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 94–111. <https://doi.org/10.31857/S086954150013600-0>
- Кун Т.* Структура научных революций / пер. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977.
- Малахов В.* Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015.
- Малахов В.С.* Настоящее и будущее «национальной политики» в России // Прогнозис: журнал о будущем. 2006. № 3. С. 144–159.
- Мукомель В.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20, № 1. С. 34–50.
- Мукомель В.* Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 48–57.
- Портес А., Мин Чж.* Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2, № 1. С. 122–141. <https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>
- Рочева А., Варшавер Е., Иванова Н.* Детские площадки как пространства интеграции мигрантов // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 167–184. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-2-167-184>
- Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период: антология / отв. ред. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2001. С. 329–374.
- Alleyne M.C.* The Construction and Representation of Race and Ethnicity in the Caribbean and the World. Kingston: University of West Indies Press, 2002.
- Barth F.* Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity // The Anthropology of Ethnicity: Beyond “Ethnic Groups and Boundaries” / ed. by H. Vermeulen and C. Govers. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994. P. 11–32.

- Barth F. Pathan Identity and its Maintenance // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown, Series in Anthropology, 1969. P. 117–134.
- Benzecry C.E., Winchester D. 2 Varieties of Microsociology // *Social Theory Now* / ed. by C.E. Benzecry, M. Krause, I.A. Reed. Chicago: University of Chicago Press, 2017. P. 42–74. <https://doi.org/10.7208/9780226475318-003>
- Berg-Sørensen A., Holtug N., Lippert-Rasmussen K. Essentialism vs. constructivism: Introduction // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 11, no. 1. P. 39–45. <https://doi.org/10.1080/1600910X.2010.9672754>
- Brubaker R. Ethnicity, race, and nationalism // *Annual Review of Sociology*. 2009. Vol. 35. P. 21–42.
- Chandra K. What is Ethnic Identity and Does it Matter? // *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9, no. 1. P. 397–424. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715>
- Chandra K., Wilkinson S. Measuring the Effect of “Ethnicity” // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41, no. 4/5. P. 515–563. <https://doi.org/10.1177/0010414007313240>
- Constructivist theories of Ethnic Politics / ed. by K. Chandra. Oxford (NY): Oxford University Press, 2012.
- Cosmides L., Tooby J., Kurzban R. Perceptions of race // *Trends in cognitive sciences*. 2003. Vol. 7, no. 4. P. 173–179. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(03\)00057-3](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00057-3)
- Esser H. Integration und Ethnische Schichtung. (Arbeitspapiere 40). Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung, 2001.
- Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference / ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown, Series in Anthropology, 1969.
- Fearon J.D. Ethnic structure and cultural diversity by country // *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8, no. 2. P. 195–222. <https://doi.org/10.1023/A:1024419522867>
- Fearon J.D., Laitin D.D. Ordinary language and external validity: Specifying concepts in the study of ethnicity // Presented in the discussion at the LiCEP meetings at the University of Pennsylvania. Oct. 20–22, 2000. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2000.
- Gibson W., vom Lehn D. Institutions, Interaction, and Social Theory / ed. by R. Stones. London: Palgrave, 2018.
- Gil-White F.J. Are ethnic groups biological “species” to the human brain? Essentialism in our cognition of some social categories // *Current anthropology*. 2001. Vol. 42, no. 4. P. 515–553. <https://doi.org/10.1086/321802>
- Goetze D.B., James P. Evolutionary psychology and the explanation of ethnic phenomena // *Evolutionary Psychology*. 2004. Vol. 2, no. 1. P. 142–159. <https://doi.org/10.1177/147470490400200120>
- Haaland G. Economic Determinants in Ethnic Processes // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference* / ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown Series in Anthropology, 1969. P. 58–73.
- Hale H.E. Explaining ethnicity // *Comparative political studies*. 2004. Vol. 37, no. 4. P. 458–485. <https://doi.org/10.1177/0010414003262906>
- Heckmann F. Integration and Integration Policies. IMISCOE Network Feasibility Study. Bamberg: European Forum for Migration Studies, 2006.
- Kurzban R., Tooby J., Cosmides L. Can race be erased? Coalitional computation and social categorization // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2001. Vol. 98, no. 26. P. 15387–15392. <https://doi.org/10.1073/pnas.251541498>
- Ozgen Z. Maintaining ethnic boundaries in “non-ethnic” contexts: Constructivist theory and the sexual reproduction of diversity // *Theory and society*. 2015, no. 44. P. 33–64. <https://doi.org/10.1007/s11186-014-9239-y>
- Salter F. Evolutionary analyses of ethnic solidarity: An overview // *People and Place*. 2008. Vol. 16, no. 2. P. 41–51. <https://doi.org/10.3316/ielapa.305052726462281>

- Santiago-Irizarry V.* Medicalizing ethnicity: The construction of Latino identity in a psychiatric setting. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.
- The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence // Forum Migration Series. Vol. 7 / ed. by F. Heckmann, D. Schnapper. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2003. <https://doi.org/10.1515/9783110507324>.
- Verkuyten M., De Jong W., Masson C.N.* The construction of ethnic categories: Discourses of ethnicity in the Netherlands // *Ethnic and Racial Studies*. 1995. Vol. 18, no. 2. P. 251–276. <https://doi.org/10.1080/01419870.1995.9993863>
- Williams D.U.* How useful are the main existing theories of ethnic conflict? // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. 2015. Vol. 4, no. 1. P. 147. <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v4n1p147>
- Wimmer A.* Does ethnicity matter? Everyday group formation in three Swiss immigrant neighbourhoods // *Ethnic and Racial Studies*. 2004. Vol. 27, no. 1. P. 1–36. <https://doi.org/10.1080/0141987032000147922>
- Wimmer A.* Elementary strategies of ethnic boundary making // *Ethnic and Racial Studies*. 2008. Vol. 31, no. 6. P. 1025–1055. <https://doi.org/10.1080/01419870801905612>.
- Wimmer A.* *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. Oxford (NY): Oxford University Press, 2013.
- Wimmer A.* Herder's Heritage and the Boundary-Making Approach: Studying Ethnicity in Immigrant Societies // *Sociological theory*. 2009. Vol. 27, no. 3. P. 244–270. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2009.01347.x>
- Yeros P.* Introduction: On the uses and implications of constructivism // *Ethnicity and nationalism in Africa: Constructivist reflections and contemporary politics* / ed. by P. Yeros. London: Palgrave Macmillan, 1999. P. 1–14. https://doi.org/10.1007/978-1-349-27155-9_1
- Zolberg A.R., Woon L.L.* Why Islam is like Spanish: cultural incorporation in Europe and the United States // *Politics & Society*. 1999. Vol. 27, no. 1. P. 5–38. <https://doi.org/10.1177/0032329299027001002>

Сведения об авторе:

Варшавер Евгений Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, РАНХиГС; руководитель Группы исследований миграции и этничности, доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: varshavere@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-5901-8470)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-397-422
EDN: ONPDQM

Research article / Научная статья

Political Administration VS Political Competition Under Neo-Authoritarian Rule

Yuliy A. Nisnevich

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ jnisnevich@hse.ru

Abstract. The article discusses the replacement of political competition with political administration in order to maintain the power of the ruling political actors and ensure the tenure of the ruling regime under neo-authoritarian rule in a number of countries in Asia, Africa and Latin America. The administration of all key arenas of the political sphere is implemented through special political technologies and informal practices of political corruption. A pseudo-multiparty system with a dominating ruling party is being constructed in the party-political arena. In the media arena, the most influential mass media are being “nationalized”. In the arena of personnel, through political nepotism, adherents of the ruling regime are placed in key political and administrative positions of public power. In the electoral arena, the institution of elections is transformed into a procedure for the formation of public authorities by manipulating the voting procedures. In the legislative arena, the ruling party provides political administration of legislative and parliamentary activities in general. In the judicial arena, through the administrative regulation of the judiciary personnel, the judicial system is integrated into a single system of neo-authoritarian rule aimed at providing judicial protection for the ruling regime from the discontent of the citizens and using courts for political purposes. To demonstrate the appearance of democratic legitimacy, all neo-authoritarian regimes imitate the work of the basic institutions of democracy.

Keywords: neo-authoritarian regime, political competition, political administration, deviant political technologies, imitation of democratic institutions

© Nisnevich Yu.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Nisnevich, Yu.A. (2023). Political administration VS political competition under neo-authoritarian rule. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 397–422. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-397-422>

Политическое администрирование VS политическая конкуренция в условиях неоавторитарного правления

Ю.А. Нисневич

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*

✉ jnisnevich@hse.ru

Аннотация. Рассматривается замещение в условиях неоавторитарного правления в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки политической конкуренции политическим администрированием с целью сохранения власти правящих политических акторов и обеспечения несменяемости правящего режима. Администрирование всех ключевых арен политического поля реализуется с использованием специальных политических технологий и неформальных практик политической коррупции. На партийно-политической арене конструируется псевдомногопартийная система с доминированием партии власти. На арене массового информирования осуществляется «огосударствление» наиболее влиятельных СМИ. На кадровой арене посредством политического nepотизма на ключевые политические и административные должности публичной власти расставляются адепты правящего режима. На избирательной арене институт выборов трансформируется в процедуру формирования органов публичной власти посредством манипулирования процессом голосования. На законодательной арене партия власти обеспечивает политическое администрирование законодательной и в целом парламентской деятельности. На судебной арене посредством административного регулирования кадров судебных органов судебная система встраивается в единую систему неоавторитарного правления для решения задач судебной защиты правящего режима от недовольства граждан и использования судов в политических целях. Для демонстрации видимости демократической легитимности всеми неоавторитарными режимами имитируется работа основных институтов демократии.

Ключевые слова: неоавторитарное правление, политическая конкуренция, политическое администрирование, девиантные политические технологии, имитация институтов демократии

Для цитирования: *Нисневич Ю.А.* Политическое администрирование VS политическая конкуренция в условиях неоавторитарного правления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №2. С. 397–422. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-397-422>

Introduction: Competition, Politics, Freedom of Choice

Under the veil of democratic governance, the main driver of political, economic, informational and other social processes is competition, which in general can be defined as “competition of people, groups, organizations in achieving similar goals, attaining the best results in a certain public sphere”¹. This role of competition is due to the fact that the fundamental goals of democracy can be realized only when all the actors comply with the legal and regulatory, as well as professional and moral-ethical “rules of the game”. One of these goals is the freedom of choice, the essential properties and characteristics of which, within the framework of the institutional goal-oriented paradigm, are determined by a set of specific political and state orders — institutions of democracy [Nisnevich 2012]. At the same time, citizens get a real opportunity and freedom to choose between various alternatives only if the functioning of the democratic institutions adequately ensures competitiveness in various social and governmental spheres.

Based on the general definition of competition presented above, political competition can be defined as competition between collective and individual political actors in achieving similar goals in the public sphere of politics. Within the framework of this study, politics is defined as “a set of relations formed as a result of the interaction between groups regarding the conquest, retention and use of state power aimed at realizing their socially significant interests” [Solovyov 2008: 36]. Considering this approach to the concept of “politics”, it is of fundamental importance that the goal of politics lies in the realization of socially important interests, as opposed to group or private interests.

The inseparable connection between politics, competition and freedom of choice, the subject of which are the citizens, is pointed out by the founder of sociology of politics Pierre Bourdieu, whose theory’s general concept dictates that “the political sphere is a place where political products, problems, programs, analyses, comments, concepts and events, from which ordinary citizens have to choose, are born in the competitive struggle between agents who find themselves involved in it” [Bourdieu 1993: 182]. At the same time, it is important to note that, as political practice shows, the political sphere consists of two parts: public, informationally open; and non-public, events and processes in which are hidden from external observers.

In the interrelation of politics, competition and freedom of choice, a fundamentally different situation occurs in the case of modern authoritarian rule or neo-

¹ Prokhorov, A.M. (Ed.). (2001). Russian encyclopedic dictionary (Vol. 1). *Great Russian Encyclopedia*. (In Russian).

authoritarianism. The latter can be defined as “a form of organization of political and state orders based on using informal practices in order to preserve the power of the ruling political actor (individual or collective) and the redistribution of national resources in their interests” [Nisnevich 2021: 111].

The research question we put forward is what replaces political competition as the basis of freedom of choice under neo-authoritarian rule and how it is achieved. To answer this question, we use institutional approach, with application of methods of political-legal and factual analysis.

Political Administration as a Method of Replacing Political Competition

Under authoritarian rule, key decisions determining the actions of the authorities are made by a narrow circle of individuals who form the so-called political “inner sanctums” [Cheibub, Gandhi, Vreeland 2010]. Under a personalistic authoritarian regime (found in, for example, Egypt, Nicaragua, Uzbekistan), this shadow sanctum is comprised of the supreme ruler and his closest associates, while under an authoritarian corporate-type regime (found in, for example, Burkina Faso, Mauritania, Myanmar) it includes the leaders of the ruling political and economic groups and/or various clans (ethnopolitical, territorial and others). If the collective ruling political actor of a corporate authoritarian regime is a political party, as it is, for example, in China, the “political sanctum” is comprised of top party executives.

At the same time, all types of authoritarian rule are characterized by a fierce struggle for power and resources (land, natural resources, financial flows, property and possessions, the most profitable areas of economy) not only between those who are already part of the “inner sanctum”, but also those who seek to enter it. This struggle is conducted through informal practices, is of a non-public nature and tends to be continue up to the complete elimination of the rival.

It is obvious that the struggle for a place in the shadow sanctum, for power and resources does not correspond to any of the previously mentioned features of political competition, although some researchers speak of some kind of an “authoritarian political competition” [Shilov, Rylkina 2011: 180], which does not seem adequate to the essence of the phenomenon of political competition in its definition given above.

The main institutional, but not publicly advertised political goal of authoritarian rule is to ensure the tenure of the regime and the retention of power by the ruling

political actors.² At the same time, the goal that is publicly advertised is political stability, which allegedly allows to avoid socio-political disasters that would threaten the safety of the citizens [Malashenko 2011]. This serves as a justification and predetermines the tendency of authoritarian rulers towards conservatism, not as a classical ideology, in their understanding, but as an ideological justification for the preservation of their regime.

All modern authoritarian regimes (with the exception of five absolute monarchies and five states with a form of government similar to Soviet Republics, including the DPRK with a ruling totalitarian regime), in addition to the desire of the ruling political actors for immutability, have the task of demonstrating to the world community and their own citizens the legality as well as electoral legitimacy of their regime. At the same time, in all sovereign UN member states, except for the mentioned exceptions, at the constitutional level, the institution of direct national elections has been established as the fundamental mechanism through which state power is formed.

It should be noted that nowadays, even in absolute monarchies, there is a tendency to form proto-parliaments with partial use of electoral mechanisms. For instance, since 2011, on a regular basis, every four years the UAE have been holding elections to the Federal National Council — a consultative parliamentary-type body with advisory functions, which consists of 40 people, half of whom are elected directly, while the other half are appointed by the rulers of the seven emirates.³ Similarly, since 2011, every four years Oman has regularly held elections to the Consultative Assembly (Majlis al-Shura), the lower house of the Council of Oman, all 84 members of which are elected as representatives of the regions.⁴ In 2021, Qatar held its first elections to the Advisory Council (Majlis al-Shura), a consultative body with parliamentary functions, 30 members of which are publicly elected, while the other 15 are appointed by the emir.⁵

China also sees a gradual introduction of competitive electoral procedures at the lowest level of local government, and currently village committees (councils) are directly elected by the villagers [Arbatskaya, Xu 2021: 683].

² With some rare exceptions, when other goals are involved, including the regimes that carried out successful “authoritarian modernizations” — the “soft dictatorships” of Lee Kuan Yew in Singapore and Augusto Pinochet in Chile.

³ Federal National Council. *Website ru.knowledgr.com*. Retrieved March 3, 2023, from <https://ru.knowledgr.com/02165237/>

⁴ Consultative Assembly of Oman. *Website ru.knowledgr.com*. Retrieved March 3, 2023, from <https://ru.knowledgr.com/02168681/>

⁵ Koroleva, N. Women were defeated in the first parliamentary elections in the history of Qatar. *Deutsche Welle*. 03.10.2021. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.dw.com/ru/napervyh-v-istorii-katara-parlamentskih-vyborah-zhenshiny-poterpele-porazhenie/a-59387608>

For authoritarian regimes in states with a republican form of government, the problem lies in the fact that the guaranteed tenure of the regime cannot be realized while working with the proper quality of democratic political and state orders designed to ensure not only freedom of choice, but also accountability and turnover of public authority. For traditional autocracies such as authoritarian monarchies and communist regimes, this problem basically does not exist. In postcolonial dictatorships, this problem is solved by conducting government-controlled plebiscites which use the main governmental mechanism for such regimes — state-power coercion [Nisnevich 2021: 114].

Under modern neo-authoritarian regimes,⁶ the insurmountable contradiction between the regime's desire for tenure and the true purpose of democratic institutions, including the institution of elections, is eliminated by administrative management, the administration of processes in the public political sphere by the current government. Such administration can be defined as political, since it is implemented through deviant political technologies [Shabrov 2012: 329], which represent a specially designed set of informal practices of political corruption, coercive power and information manipulation in order to block the possibility of political competition and to distort the meaning and content of institutions of democracy.

Using the approach of identifying the most significant areas of the public political field in the context of political competition, proposed by American political scientists Steven Levitsky and Lucan Way, which they call “arenas” [Levitsky, Way 2002], it is possible, with some additions and clarifications, to identify party-political, media, personnel, electoral, legislative and judicial arenas.

The existing political practice makes it possible to identify rather general special political technologies and informal practices of political corruption, coercive power and information manipulation, which are used by neo-authoritarian regimes in various arenas of the public political sphere to suppress political competition. At the same time, it should be noted that the surviving postcolonial dictatorships, mimicking in the ever-changing foreign policy conditions, in certain situations also resort to the use of similar technologies of political administration, which leads to the erosion of the boundary between dictatorships and neo-authoritarian regimes.

⁶ A neo-authoritarian regime is a regime in which, depending on the current political situation and the tasks of political and public administration, the dominating mechanism is either systemic corruption, primarily in its political manifestations, or politically motivated state-power coercion, while manipulation of public opinion is permanently used [Nisnevich 2021: 112].

The Technologies and Practices of Political Administration During the Formation of Neo-authoritarian Regimes

The Party-Political Arena

The “root system” of representative democracy and, above all, the formation of public power through elections is provided by the political party system. Therefore, in order to demonstrate their pseudo-democratic legitimacy, neo-authoritarian regimes are forced to maintain multiparty systems, which, with the help of deviant political technologies, they can administratively regulate with varying degrees of rigidity in order to impede real party competition that could potentially threaten the regime’s tenure. Such multiparty systems can theoretically be attributed to party systems with a dominant party, where the presence of other parties, including opposition, is allowed, and whose activities and degree of influence in the political field is regulated through political administration. The absolutely dominant party in this system, which in Russian political science is referred to as the “party of power”, ensures the realization of the interests and goals of the current government in the public political sphere and, primarily, in the processes of forming public authorities through elections both in legislative and overall parliamentary activities, as well as organizes mass public actions in support of the current government. The party-political arena is one of the key arenas forming neo-authoritarian regimes.

Under neo-authoritarian regimes, the nature of the multiparty system and the process of its formation is determined by the conditions under which the regime has emerged. It depends on whether the regime arose as a result of certain transformations, including the complete collapse of the previous traditional authoritarian regime (authoritarian monarchy, communist regime, dictatorship), or as a result of authoritarian regression against democratic rule, as well as on the presence or absence of a multi-party system under the rule of the previous regime.

In case a neo-authoritarian regime is a result of authoritarian regression (as, for example, in Nigeria, Turkey and the Comoros), the regime obviously emerges in the conditions of a democratic multiparty system. One of the parties of this system becomes the “midwife” of the neo-authoritarian regime — it generates a political actor that constructs a personalist-type regime, as, for example, in Turkey, or acts as the collective designer of a corporate-type regime, as, for example, in Tanzania.

Under these circumstances, the primary task of the emerging neo-authoritarian regime in the party-political arena is to ensure the dominance of the party that formed the regime by suppressing the already existing political parties that

are able to become real competitors for the party of power, up to completely eliminating them. Political administration is designed to ensure the reformation of the existing multiparty system in a way that makes it asymptotically similar to a multiparty system with an absolute dominant party of power and a set of parties, including opposition ones, which have no significant impact on the political process.

Removing the most popular and influential opposition leaders from the public political field and marginalizing opposition parties is the technological basis for the reformation of the original democratic multiparty system through political administration and ensuring the full supervision and control of the system by the current government. Informal practices used for administrative “cleansing” of the party-political arena include publicly discrediting opposition politicians through mass media controlled by the authorities, intimidating and forcing them into emigration, detention through law enforcement agencies and prosecution on specially fabricated grounds with subsequent restrictions in rights, and applying sanctions such as house arrest and imprisonment, as well as violent actions from causing health damage up to physical elimination. Moreover, in some cases, splits in opposition parties and coalitions as well as bribing influential members of their leadership are provoked.

A typical example is President Daniel Ortega’s regime in Nicaragua, which emerged as a result of authoritarian regression. After sixteen years of democratic rule, Ortega, the leader of the Sandinista National Liberation Front (SNLF), won the 2006 democratic presidential election and, for the second time in his political career, became President of Nicaragua in 2007. During the four years of his presidential term he not only constructed a neo-authoritarian regime of his personal power, but also led it to the top of these regimes, which is described by American political scientist Thomas Carothers as a “dominant power”. Under this regime, one political grouping — whether it is a movement, a party, an extended family, or a single leader — dominates the system in such a way that there appears to be little prospect of alternation of power in the foreseeable future; and the long hold on power by one political group usually produces large-scale corruption and crony capitalism [Carothers 2002: 11,12]. The SNLF became the party of power and took an absolutely dominant position in the party system (In parliamentary elections of 2011 — 60,85 %, 2016 — 65,86 %, and 2021 — 74,17 %). At the same time, according to researchers, in order to suppress the opposition and mass protests, Ortega condemned political opponents as traitors, incited mobs to violence, and then denied responsibility: as a result, hundreds of protesters

were killed throughout the country, and many others were imprisoned.⁷ Ortega also uses institutions and the judicial system against his opponents to detain them and file lawsuits against them [Haynes 2018].

Such situations mainly emerge in neo-authoritarian regimes formed as a result of authoritarian regression, such as the regimes of President Recep Erdogan in Turkey with the ruling Justice and Development Party [Vartazarova, Kobrinskaya, Utkin 2019], President Hugo Chavez, and since 2013 his successor Nicolas Maduro in Venezuela with the ruling United Socialist Party,⁸ President Pierre Nkurunziza, and since 2020 his successor Evariste Ndayishimiye in Burundi with the ruling National Council for the Defense of Democracy — Forces for the Defense of Democracy.⁹

In cases where neo-authoritarian regimes arise as a result of the collapse of the previous traditional authoritarian regime, different initial states of the party system and different scenarios for the formation of new regimes are possible. After the collapse of the previous regime, there may be a transitional period, sometimes even with “glimpses” of democratic rule, before the political system starts to stably develop towards neo-authoritarianism.

When neo-authoritarian regimes emerge as a result of the collapse of postcolonial dictatorships, as a rule, the circumstances of the party-political arena are determined by the existence of a monopolistically ruling party, which acted as the core of the former party system and represented the interests of the dictatorship in the public political sphere. At the same time, several minor parties remain active, and the number of new parties grows rapidly, especially, as opposition political groups reveal themselves and the insurgent organizations, that waged the armed struggle against the dictatorship, transform into political parties claiming a leading role in the public political sphere. Under these circumstances, political actors constructing the new neo-authoritarian regime dissolve the party that used to rule under the dictator, form their own party of power and suppress the parties that are capable of creating real political competition, using the previously mentioned political technologies and informal practices of political administration.

A typical example is how the corporate neo-authoritarian regime emerged and developed in Ethiopia after the overthrow of the dictatorial regime of Mengistu

⁷ Anderson J.L. “Fake News” and Unrest in Nicaragua. *New Yorker*. 27 August 2018. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.newyorker.com/magazine/2018/09/03/fake-news-and-unrest-in-nicaragua>

⁸ Dabaghyan E. The Specifics of the Political System of Venezuela. *Information site of political comments “Politcom.ru”*. 09.06.2020. Retrieved March 3, 2023, from <http://politcom.ru/23843.html>

⁹ Burundi country review 2020. *Country Watch*. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.countrywatch.com/intelligence/countryreviews?countryid=29>

Haile Mariam in 1991. The political bloc of the Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front (EPRDF), which was created in 1989 by insurgent groups, became the collective ruling political actor in the new regime. The leaders of the EPRDF have been irreplaceably ruling since 1991 — Meles Zenawi, as President from 1991 to 1995, then as Prime Minister from 1995 until his death in 2012; his successor Hailemariam Desalegn as Prime Minister from 2012 to 2018; and Abiy Ahmed Ali, who became Prime Minister after Desalegn's resignation, and who reformatted the EPRDF into the Prosperity Party in 2019. In the party-political arena, the Workers' Party of Ethiopia, which was the ruling party during the Mariam regime, and which he led, was banned, and most of its members were arrested and sent to re-education camps. All political rivals of the EPRDF were brutally suppressed and many members of opposition parties, including about 20 thousand members of the Oromo Liberation Front, were also arrested and sent to prisons and camps [Krylov 2007].

Another typical example is the personalistic neo-authoritarian regime in Egypt after the fall of the dictatorial regime of Hosni Mubarak in 2011, who had been ruling for thirty years since 1981, before his resignation as president. Under the Mubarak regime, the National Democratic Party, founded in 1978 by the previous dictator Anwar Sadat, held an absolutely dominant position in the decorative multiparty system constructed under Mubarak and acted as the ruling party. After his overthrow, this party was abolished by the decision of the Supreme Administrative Court of Egypt. As a result of the parliamentary and presidential elections in 2011–2012, the Freedom and Justice Party of the Islamic religious and political association “Muslim Brotherhood”¹⁰ came to power, and its candidate Mohammed Morsi became the president. As a result of mass opposition protests directly by the military, led by Defense Minister General Abdel Fattah el-Sisi, this political force was removed from power in 2013, and el-Sisi, having won the presidential elections in 2014 and then in 2018, formed a neo-authoritarian regime of his personal power. Since el-Sisi came to power in 2014, tens of thousands of his political opponents have either been put under investigation or arrested, while “the ‘fight against terrorism’ mainly assumes the suppression of the opposition represented by the “Muslim Brotherhood” and their Islamist allies, as well as any secular democratic forces whose activities may threaten the political order”.¹¹

¹⁰ Recognized as a terrorist organization by the Supreme Court of the Russian Federation.

¹¹ Ibragimov, I. Domestic political situation in Egypt. *Russian International Affairs Council*. 28.03.2019. Retrieved March 3, 2023, from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vnutripoliticheskaya/>

At the same time, the Nation's Future Party, created in 2014 by the employees of the Egyptian Military Intelligence, posing as a party supporting President el-Sisi and the military, has taken a dominant position in the party-political arena and in the multiparty system of Egypt, which includes more than 100 parties.

During the transition to neo-authoritarianism after the collapse of a traditional authoritarian regime, a situation may occur which is described by Levitsky and Way as "competitive authoritarianism" [Levitsky, Way 2002]. Under these circumstances, none of the authoritarian groups fighting for power (especially ethno-political, religious, or territorial) can take hold of the power for a continuous period, while the struggle between such groups emerges in the public political sphere and escalates during election campaigns. At the same time, electoral processes seem to be far from democratic standards: this brings to falsifications of the results, coercion, intimidation and bribery of voters, mass pre-electoral and post-electoral clashes between the supporters of different groups, accompanied by physical violence up to the use of weapons. A typical example of competitive authoritarianism is the political process in Nigeria, which started after the "Fourth Republic" came to replace the military junta in 1998 [Sabo 2012]. It seems that the regime of competitive authoritarianism is fundamentally unstable and therefore limited in its time and continues until one of the opposing groups completely seizes the power, and the neo-authoritarian rule transforms into a regime of dominant power.

The emergence of neo-authoritarian regimes in the post-Soviet states, formed after the collapse of the USSR, developed a specific situation in the party-political arena. During the short period of political turbulence at the initial stage of the formation of the post-Soviet states, a number of political associations, that could be considered proto-parties, appeared. Nevertheless, full-fledged parties and party systems did not emerge. Therefore, political actors constructing neo-authoritarian regimes in post-Soviet states faced the task of forming both a party of power and a decorative administratively managed multiparty system. Forming the party of power through informal practices of abusing administrative resources of public power, i.e., through the use of political corruption, has become one of the key technologies of political administration in the construction of post-Soviet neo-authoritarian regimes.

In the post-Soviet states in which neo-authoritarian regimes were formed, their constitutions established presidential forms of government (except for Armenia). At the same time, the strong institution of presidential power, without having the support of real political parties or coalitions, and due to the lack of other resources,

used its own administrative resources and the administrative resources of the entire system of public power in order to ensure its self-sufficiency in achieving political goals. This institution became the dominant actor of the political field, the president's inner circle became the “political sanctum” in which the main political decisions are made, while the presidential administration became the key executive mechanism, implementing and coordinating political administration in all arenas of the political sphere.

To directly represent and protect the interests of the presidential power in the public political sphere, a party of power and a pseudo-multiparty system are created. The core of this system consists of the dominant party of power, one or more of its satellite parties and a limited number of parties representing the so-called systemic opposition, with a permissible level of opposition strictly administratively regulated.

For example, regulatory and normative administrative resources were actively used in the creation of New Azerbaijan, the party of power in Azerbaijan, whose members, according to official data, exceed 700 thousand citizens of the country. That “in relation to the total population, is quite comparable with the same figures for the USSR and the Communist Party by 1989”.¹² The usage of regulatory and normative resources is confirmed, in particular, by the fact that “it is not uncommon to hear a story that some employee of a state institution accidentally discovers that he is a member of this party,” and at the same time “a significant part of those who joined took this step consciously, hoping to get closer to the authorities and their resources, to acquire useful symbolic capital”.¹³ The decorative multiparty system of Azerbaijan consists of more than 50 parties, but not all of them are really operating.

It is important to note that the parties of power constructed by post-Soviet neo-authoritarian regimes through political administration do not meet the basic criteria by which the political theory characterizes a party as dominant. They have no significant influence neither on the decisions taken in the “political sanctum” that determine the actions of the ruling regime, nor on the appointments for political positions of public power.

It should also be noted that one of the normative instrument that has been and is currently being used in the construction of parties of power and pseudo-multiparty systems in post-Soviet authoritarian regimes is the special law on political parties.

¹² Rumyantsev, S. Behind Azerbaijan's facades. *Global media organization “openDemocracy”*. March 14, 2017. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.opendemocracy.net/ru/azerbaijan-strana-vysokikh-zaborov/>

¹³ Ibid.

This law purposefully lays mechanisms of power-enforcement regulation, which provide state bodies with the opportunity to refuse the registration of or eliminate those political parties that, for one reason or another, do not appeal to the current government. A key mechanism is the multi-stage procedure to formally apply, but, in fact, get a permission to register or re-register a party, based on the quantitative requirements for the organizational structure of the party and its regional branches varying depending on the political situation. Typical examples include “the Law on Political Parties” of the Republic of Kazakhstan dated July 15, 2002 No. 344-II.

It is fundamentally important that, despite the strict political administration, post-Soviet neo-authoritarian regimes systematically see the manifestation of opposition politicians, public figures and prototypes of political organizations that can contribute to the initial emergence of political competition. Such politicians, public figures and organizations are eliminated by the current government through the same informal practices of suppressing political competition as mentioned earlier for transformational neo-authoritarian regimes. One example is the situation that developed in Belarus after the mass protests in August 2020 against the regime of Alexander Lukashenko, which, as the scale and intensity of those practices increased, acquired the characteristics of an “enclosed dictatorship”.¹⁴ A tough course aimed at the elimination of opposition politicians and parties is typical for such Central Asian states as Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan [Zhiltsov, Zonn 2019]. In Azerbaijan, under the rule of Ilham Aliyev, “it is necessary to speak about the elimination of any political struggle (even its mere imitation), and the transition to consistent repression and marginalization of opponents, their active displacement from public sphere”.¹⁵

Party systems in such Central Asian republics as Kazakhstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan are typical results of political administration of the party-political arena under post-Soviet personalistic neo-authoritarian regimes [Kurtov 2007, Malysheva 2018]. In Kazakhstan, a pseudo-multiparty system has been created, with the number of parties varying from 8 to 12, with the complete domination of the pro-presidential “Nur Otan” party. A pseudo-multiparty system consisting of 8 parties has been created in Tajikistan, the party of power being the ruling People’s Democratic Party of Tajikistan, whose permanent leader since 1998 has been President Emomali Rahmon. In Uzbekistan, the pseudo-multiparty

¹⁴ Kumin, M. Not the last dictator: how Lukashenka’s regime has changed in a year after the elections. Forbes.ru. August 11, 2021. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.forbes.ru/obshchestvo/437003-ne-posledniy-diktator-kak-izmenilsya-rezhim-lukashenko-za-god-posle-vyborov>

¹⁵ Rummyantsev, S. Behind Azerbaijan’s facades. Global media organization “open Democracy”. March 14, 2017. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.opendemocracy.net/ru/azerbaijan-strana-vysokikh-zaborov/>

system currently includes 5 parties, while “The Movement of Entrepreneurs and Businesspeople — The Liberal Democratic Party of Uzbekistan” serves as the party of power. In Turkmenistan, the Democratic Party of Turkmenistan, which is the successor of the Communist Party of the Turkmen SSR, is the party of power, while two more parties were registered to simulate multiparty system after the adoption of the law on parties in 2012 (there used to be a one-party system before that).

The Media Arena

Another key arena for the emergence of neo-authoritarian regimes is the arena of mass information. The purpose of the political administration of this arena is to suppress information competition and ensure the complete dominance of the mass media controlled and managed by the current government. The key task of such media is the informational manipulation of public opinion by influencing the mass consciousness in order to ensure support for the ruling regime. The manipulation of public opinion is an informal political practice and is projected by “black” informational political technologies [Rossoshansky 2011] which combine classical methods and techniques of ideological propaganda with new methods and techniques generated by modern information and communication technologies and, first of all, the Internet.

Public opinion manipulation under neo-authoritarian regimes is implemented by means and systems of mass media dominating the information arena and controlled by the regime. The pool of such media is constructed through political administration and includes both traditional media (television, radio, print media) and Internet media (social networks, network media, blogs, instant messengers and others).

Political administration of the media arena is carried out through the “nationalization of the media”, which has two implications. The first one is appointing adherents of the ruling regime to leading positions at both traditional and modern state media and systems of mass information dissemination from the very emergence of the neo-authoritarian regime. These adherents are intended to ensure the strict implementation of directives and informational-propaganda campaigns, the content and scenarios of which are developed by political strategists serving the current government, aimed at manipulating the mass consciousness. The second implication is redistributing the property in the media market, the “nationalization” of the most significant and influential non-state media through the voluntary-compulsory change of their owners or their transfer to the ownership of businessmen and financial-industrial groups affiliated with the current government. This is carried out through both economic leverage and informal practices of blackmail and intimidation, including persecution by law

enforcement agencies on trumped-up grounds and biased trials. The “nationalized” mass media are united with the state media into a single, centrally controlled system of mass information, designed to conduct a unified policy and impact the mass consciousness through information, propaganda, and mobilization.

To suppress any possibility of information competition, oppositional and the most influential independent media are removed from the information arena by either of the two ways: they are closed through pre-trial or judicial proceedings based on trumped-up charges of conducting anti-state activities, supporting terrorism and extremism, propagating views that are contrary to national interests, etc.; or they are “suffocated” economically, by limiting or completely depriving them of possible funding sources. At the same time, some media that are independent from the state remain in the media arena as democratic decorations, operating under “a sword of Damocles” — the constant threat of liquidation, if they cross the limit of permissible freedom of opinion established by the current government, or, in other words, if they begin to spread information about sensitive topics and events that are considered improper by the authorities.

A typical example of the political administration of the information arena under neo-authoritarian regimes, primarily in terms of the “nationalization” of the media, is Turkey, as “to date, the largest media — television channels CNN Türk, Kanal D, the Hürriyet newspaper, the Doğan Haber Ajansı news agency and others have become part of the media resources 95 % controlled by the president’s entourage” [Vartazarova, Kobrinskaya, Utkin 2019]. Similarly, in Nicaragua, the neo-authoritarian regime of President Ortega consolidated all mass media in its hands (especially state media, which include almost all television in the country) and closed down all independent mass media [Haynes 2018]. In Côte d’Ivoire, “the government manages the media with the widest coverage: two radio stations, two TV channels and a leading daily newspaper”.¹⁶ And in Honduras, after the 2009 coup d’état and the emergence of a neo-authoritarian regime, “the authorities imposed censorship and limited the activities of the media, and some of them were completely closed” [Honduras 2015].

In addition, the political administration of the media arena includes “sweeping” specific opposition journalists and bloggers. To do this, informal practices are used, similar to those used to eliminate opposition politicians — intimidation and forced exile, persecution by law enforcement agencies, initiation of criminal cases and trials on specially fabricated charges, physical violence by “unknown persons” up to murder.

¹⁶ Ivory Coast profile — Media. *BBC News*. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.bbc.com/news/world-africa-13287219>

A striking example of the individual persecution of journalists and bloggers is the international scandal that received wide media coverage related to the arrest of journalist and editor-in-chief of opposition Telegram channel NEXTA Roman Protasevich and his companion, Russian citizen Sofya Sapega in Belarus. The two were arrested after a Ryanair aircraft flying from Athens to Vilnius made an emergency landing at Minsk Airport on May 23, 2021, and were subsequently charged with criminal offenses, in particular, inciting social hatred.¹⁷

All neo-authoritarian regimes use the mechanism of informational manipulation of public opinion along with such basic mechanisms as systemic political corruption and politically motivated government coercion. At the same time, the regimes that widely and actively use this mechanism, including as a key in solving certain political problems, can be interpreted as “information dictatorships” [Guriev, Treisman 2015].

The Arena of Personnel

The arena of personnel is also essential for the formation of neo-authoritarian regimes. The purpose of the political administration of this arena is to ensure that the ruling political actor (individual or collective) has control over the state apparatus, law enforcement system and special services of internal and external security, as well as the army and other armed formations. This is implemented through such type of political corruption as political nepotism: instead of prioritizing professional qualities and filling positions on a competitive basis, the adherents of the ruling regime are given the key political and administrative positions of public power, including the top leadership of law enforcement agencies, special services, the army and other military formations, which essentially means the privatization of public power. It is important to note that political nepotism is one of the key deviant technologies of political administration under neo-authoritarian rule.

At the same time, the adherents of the ruling neo-authoritarian regime are purposefully placed not only in the system of public power and, as mentioned earlier, in the system of mass information, but also in the leadership of the budget-forming and most profitable state and non-state joint-stock companies, banks and other economic entities. This provides control over financial flows and the possibility of using national resources in private and group interests, creates a breeding ground for economic corruption, which is organically inherent in neo-authoritarian regimes.

¹⁷ Detention of the founder of the NEXTA Telegram channel. *RIA News*. Retrieved March 3, 2023, from https://ria.ru/category_zaderzhanie-osnovatelya-telegram-kanala-nexta/

Political nepotism is most clearly manifested in personalistic neo-authoritarian regimes, where its objects are family members, relatives and the inner circle of the head of state. For instance, in Nicaragua, under President Ortega, “his regime is a family affair. His wife — and indeed his vice president — is Rosario Murillo, known as the more ruthless of the two”, and some of their eight children “run key sectors in Nicaragua: media, public investment, and more” [Nordlinger 2019: 24]. A similar situation occurs in Azerbaijan, where on February 21, 2017, the President’s wife, Mehriban Aliyeva, took office as First Vice President, her family members hold prominent government posts, and “the Pashayev clan has long been spoken of as an independent force”.¹⁸ A clear example of clan nepotism in politics was clearly and publicly demonstrated by a series of resignations, when the family members and supporters of the former President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev left government positions and top positions in state-owned companies following the events of January 2022.¹⁹

The Technologies and Practices of Political Administration under Regimes of Dominant Power

The Electoral Arena

Elections are one of the most significant arenas for political administration not only when the neo-authoritarian regime is still forming, but even more so after it fully emerges and reaches its apogee in the form of a regime of dominant power. The purpose of the political administration of this arena is, on the one hand, to ensure that the ruling political actors and the ruling regime as a whole do not change through the institution of elections, to exclude the likelihood of even hypothetical “overturning elections”, and, on the other hand, — to create the appearance of rational democratic legitimacy for the public authorities formed as a result of electoral procedures.

To achieve this goal, the technologies of political administration of the electoral arena use informal practices to consistently solve the following key tasks.

The first task is to suppress real electoral competition, while, at the same time, imitating such competition during the entire electoral procedure. The suppression of competition in the party-political arena creates favorable initial conditions for addressing this issue. However, opposition political figures and

¹⁸ Rummyantsev, S. Behind Azerbaijan’s facades. *Global media organization “openDemocracy”*. March 14, 2017. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.opendemocracy.net/ru/azerbaijan-strana-vysokikh-zaborov/>

¹⁹ News about resignations and appointments to public office. *Information agency “Kursiv”*. Retrieved March 3, 2023, from <https://kursiv.kz/news/otstavki-i-naznacheniya>

structures (parties, coalitions) may still appear right before the new electoral cycle, which can significantly affect the results of the elections. In order to prevent these from participating, various informal practices are used to form the required “elections menu”.

Preventive arrest on trumped-up charges and subsequent long-term imprisonment of potentially influential opposition candidates is widespread. This is exactly what happened during the 2020 presidential elections in Belarus. Potentially dangerous for incumbent President Lukashenko, new opposition candidates — banker Viktor Babariko and businessman and blogger Sergei Tikhanovsky, were arrested and subsequently sentenced: Babariko — to 14 years on charges of economic crimes, and Tikhanovsky — to 18 years on charges of organizing mass riots, inciting social hostility and other far-fetched crimes.²⁰ In Nicaragua, seven potential presidential candidates were arrested ahead of the 2021 presidential elections.²¹

A similar situation took place in Egypt, when the incumbent President el-Sisi was re-elected in 2018. These elections were virtually non-alternative (there was only one alternative candidate), “since the president-elect had no real competitors, some of them were placed under arrest, others withdrew on their own, following the call of some opposition parties and prominent public figures to boycott elections”.²²

Creating conditions under which the participation of opposition candidates and parties in the elections becomes a priori pointless in terms of influencing its results, which forces such candidates and parties to refuse to participate in this procedure and to call for its boycott, is a common practice. For instance, the main opposition parties boycotted the early presidential elections held in Azerbaijan in 2018, because “opposition representatives believed that by postponing the elections, the authorities prevented potential candidates from running a full-scale campaign, and, according to independent political analysts, all the other seven candidates were nominated by the authorities in order to create the illusion of competition in the elections”.²³ During the 2021 parliamentary elections in Ethiopia, “two of the most prominent Oromo opposition

²⁰ Kozenko A. Revolution of Unfulfilled Hopes. How Belarus went from mass demonstrations to repressions in a year. *BBC News. Russian Service*. August 21, 202. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.bbc.com/russian/features-58016427>

²¹ Kropman V. In Nicaragua, seven candidates for president have already been sent under arrest. *Deutsche Welle*. 25.07.2021. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.dw.com/ru/v-nicaragua-otpravleny-pod-arest-uzhe-sem-kandidatov-v-prezidenty/a-58634512>

²² Ibragimov I. Domestic political situation in Egypt. *Russian International Affairs Council*. 28.03.2019. Retrieved March 3, 2023, from <https://russiancouncil.ru/analytiks-and-comments/analytiks/vnutripoliticheskaya/>

²³ Election Results in Azerbaijan: One of the Candidates Voted for Aliyev. *Information agency REGNUM*. April 12, 2018. Retrieved March 3, 2023, from <https://regnum.ru/news/polit/2403100.html>

parties — the Oromo Federalist Congress, led by prominent politician Merera Gudina, and the Oromo Liberation Front, refused to participate in the elections due to the arrest of their candidates and destruction of the offices of their organizations”.²⁴

The official “elections menu” is formed through the registration of candidates and party lists, which is carried out by a state agency authorized to organize and conduct the electoral procedure (generally, the electoral commission). At the stage of registration, political administration is carried out by the electoral commission through the illegal use of its regulatory resource according to the instructions of the current government, which refers to the practices of electoral political corruption. Using such informal practices, the electoral commission does not register and thus does not allow the participation in the elections of the candidates and parties whose participation is undesirable for various reasons for the current government.

Since different states apply different regulations and requirements for the registration of candidates and party lists, there is a whole set of informal political administration practices at the registration stage.

The registration of candidates and party lists based on collected signatures of voters has become widespread. At the same time, restrictions are set on the minimum number of signatures required for registration and the maximum allowable number of invalid and unreliable signatures. Non-compliance with such quantitative requirements based on the results of verification of the collected signatures by the election commission in closed session, which is practically impossible to verify and question, is used to refuse registration. This practice is common in all post-Soviet neo-authoritarian regimes.

Another reason for refusing registration is the purely formal, and sometimes virtually unreliable, discrepancy between the information about a candidate submitted to the electoral commission and the regulatory requirements for such information, which is determined either by the electoral commission itself or in a judicial proceeding. Thus, in the 2020 presidential elections in Côte d'Ivoire, the Constitutional Council excluded former President Laurent Gbagbo from the list of candidates on the grounds that he was a person “convicted of offenses and crimes with deprivation of civil rights”, although by that time Gbagbo had already been acquitted by the International Criminal Court.²⁵

²⁴ Ismagilova R.N. Elections and the Ethnopolitical Situation in Ethiopia. *Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. Current comment.19.08.2021. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.inafran.ru/node/2518>

²⁵ Sadovskaya, L.M. Presidential Election 2020 in Côte d'Ivoire. *Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*. Current comment. 11.12.2020. Retrieved March 3, 2023, from <https://www.inafran.ru/node/2377>

The second key task of the political administration of the electoral procedure is to ensure, first, the level of voter support set by the current government for the re-election of the incumbent president or the election of his publicly announced successor and / or the party in power and its satellites; and second, a sufficiently high level of voter turnout to demonstrate the legitimacy of the electoral process and its results.

To solve this problem at the stage of the election campaign, two technologies of political administration are used together, complementing each other.

Informational-political technologies implement a massive propaganda impact, primarily on supporters of the ruling regime and those who hesitate, to mobilize them to participate in the elections and support the incumbent president or his successor and / or the party in power based on the concentration and coordination of informational manipulation, carried out by state media dominating the arena of mass information.

Administrative-political technologies implement administrative pressure on various groups of voters and, above all, on those who are directly administratively, economically and socially dependent on the current government (state and municipal employees, employees of state, municipal and government-affiliated enterprises, organizations and institutions, pensioners, students, military personnel and others). Such pressure is carried out through informal practices such as: bribing voters in various ways, including using budgetary funds; threatening that in case of voting against candidates and political parties supported by the current government their personal economic and social status will deteriorate and socio-economic crises and cataclysms that threaten stability and security will emerge; as well as administrative coercion and voting under the control of officials for the candidates and parties indicated by them.

For example, this technology is used by the regime of President Maduro in Venezuela, which, in order to retain power, can “threaten, expel, detain, bribe” and, specifically, on the eve of the 2018 presidential elections, used such “weapon” the handout of rice, pasta and canned goods that was the main source of sustenance for 15 percent of the population.²⁶

If the required results of the elections are not obtained at stage of the election campaign, various technologies and informal falsification practices are used

²⁶ Kirschner, N. Maduro election tactics: Threaten, exile, detain, bribe. *ShareAmerica*. 20 December 2019. Retrieved March 3, 2023, from <https://share.america.gov/maduro-election-tactics-threaten-exile-detain-bribe/>

to determine the voting results. One of these technologies is called “carousel” — multiple voting at different polling stations by the same persons who are specially brought to the polling stations. The practice of distorting the results of voting at polling stations by falsifying the protocols of precinct commissions is also used. The officially announced general results of the voting are also being falsified.

The falsification of the election results in almost all neo-authoritarian regimes provokes, if not permanent, then sporadic post-election mass protests, which, as a rule, are suppressed by force. A similar situation occurred in Haiti in 2015, after the first round of the presidential elections, which led to the postponement of the second round of elections to 2016; in Honduras in 2017, after the general presidential and parliamentary elections; in Kyrgyzstan in 2020, after the parliamentary elections, the results of which were declared invalid.

The political administration of the electoral arena deforms and transforms the institution of elections, turning it into a procedure aimed to form public authorities through the manipulation of the voting process.

It should be noted that a clear indicator of the explicit political administration of the electoral arena and its successful implementation for the current government through special political technologies and informal practices of electoral corruption can be the results of voting at a plebiscitary level, which is practically unattainable under real electoral competition in free and fair democratic elections.

Most presidents in states with personalistic neo-authoritarian regimes, when re-elected for their next term, according to official data, receive more than 70 % of the vote. The absolute record holders, who exceeded 90 %, are President of Turkmenistan Berdimuhamedov, who, when re-elected for a third term in 2017, received 97.69 %; the President of Egypt el-Sisi, who received 97.08 % when he was re-elected for a second term in 2018; the President of Côte d’Ivoire Ouattara, who received 94.27 % when he was re-elected for a third term in 2020; and the President of Tajikistan Rahmon, who, when re-elected for a sixth term in 2020, received 90.92 %. The absolute record holder among the parties in power is the ruling political bloc in Ethiopia, the EPRDF, which, since the 2010 parliamentary elections, has been holding more than 90 % of the seats in the parliament.

Legislative Arena

The state of the legislative arena under regimes of dominant power is determined by the fact that the majority of seats in the national parliament belong to the ruling party and its satellites, which ensures full control and manageability of the parliament.

It should be noted that this situation occurs “in most full-scale authoritarian regimes” in which legislatures, if any, are “thoroughly controlled by the ruling party” [Levitsky, Way 2002: 55].

The political administration of the legislative arena and legislative and parliamentary activity in general has the following purposes: adopting legislative acts on a de facto uncontested basis in the interests and goals of the ruling regime; simulating within acceptable limits the independence of the parliament and political competition in its activities; providing support for the position of the ruling regime on domestic and foreign policy issues in the form of official resolutions and statements of the parliament, public statements by deputies, participation of the parliament and parliamentarians in the informational and propaganda campaigns conducted by the regime in the public political sphere. Such administration is carried out through the party in power, acting under presidential neo-authoritarian regimes in accordance with the instructions and under the control of the presidential administration.

The key distinctive feature of legislative activity under regimes of dominant power is that the legislative acts adopted by the parliament are designed to ensure, as a matter of priority, the retention and privatization of public power by the ruling political actors; create regulatory conditions for the possibility of suppressing political, economic and informational competition through political administration; set at the legislative level the priorities of public authorities based not on national interests, but private and corporate interests of the ruling political and economic groups and clans. Such legislative activity is an abuse of the legislative resource of public authority in terms of the content of legislative provisions and is a form of political corruption.

As part of the political administration of the legislative arena, constitutional legislation is of particular importance for neo-authoritarian regimes. The Constitution can be amended to expand the powers of the ruling political actors and consolidate the constitutional grounds for prolonging the rule of the incumbent president. While the means of extending the constitutional powers of the ruling political actors vary quite widely from one neo-authoritarian regime to another, there is a fairly universal and standard technology for constitutionally prolonging the rule of an incumbent president. This technology includes amendments to the constitution that increase the term of office for the president's position and / or expand the restrictions on the number of terms for one person, up to the complete abolition of such restrictions, and “zeroing” all terms of office of the incumbent president before introducing amendments to the constitution. Such “zeroing” is established either by making

appropriate constitutional amendments or by a decision of the supreme body of constitutional proceedings.

According to studies by American specialists [Baturu, Elgie 2019], since the beginning of the 21st century, changes that in one form or another prolonged the rule of the incumbent president have been made to the constitutions of the vast majority of states not only with neo-authoritarian but also dictatorial regimes.

Judicial Arena

The purpose of the political administration of the judicial arena is to integrate the judiciary into a single centralized system of neo-authoritarian rule in order to provide judicial protection to the ruling regime from the discontent of the citizens and to use the courts for political purposes as one of the tools for suppressing political and other types of competition within the technologies and informal practices discussed earlier. These issues are addressed through the administrative alignment of the cadres of the judiciary and, above all, the highest ones and by ensuring the dominance in the judiciary of judges who are at least loyal to the ruling regime. The ruling political actors pay special attention to the judges of the highest judicial bodies because these bodies can not only provide judicial protection of the interests of the ruling regime, which is not subject to any dispute, but can also provide constitutional legitimation of the decisions and actions of the regime, confirming their compliance with the constitution using not so much legal as political argumentation based on the principle of “political expediency”.

An example of using the judiciary for political purposes is Nicaragua, where the Supreme Court, where eight judges were members of the ruling FSLN party and the remaining seven were members of the opposition Liberal Constitutional Party, de facto violated the constitution in 2009 by allowing incumbent President Ortega to be re-elected for a second term.²⁷ Another example can be found in Turkey, where, under the regime of President Erdogan, “the powers of the judiciary, which is the fundamental basis of the principle of separation of powers, are used as an instrument of revenge for certain political and ideological beliefs”.²⁸

²⁷ The Supreme Court of Nicaragua allowed Daniel Ortega to be re-elected for a second term. *RIA News*. 21.10.2009. Retrieved March 3, 2023, from <https://ria.ru/20091021/189885316.html>

²⁸ Former Head of Constitutional Court: Turkey’s judiciary is under political siege, *Moskovskij Komsomolets*. November 12, 2019. Retrieved March 3, 2023, from <https://mk-turkey.ru/life/2019/11/12/mo-byvshij-glava-konstitucionnogo-suda-sudebnaya.html>

Conclusion

Under neo-authoritarian rule, in order to maintain the power of the ruling political actor (individual or collective) and ensure the tenure of the ruling regime as a whole, political competition is suppressed through political administration of the key arenas of the political sphere. To implement such administration, a set of special political technologies and informal practices of political corruption is used. At the same time, in order to demonstrate the appearance of democratic legitimacy, the functioning of the main democratic institutions is simulated within the limits tightly controlled and regulated by the current government.

In particular, the institution of elections is deformed and transformed into a procedure of administratively controlled formation of public authorities with a given result through manipulating the voting process; the institution of political parties autonomous from the state is transformed into a pseudo-multiparty system with a completely dominant party of power, one or more of its satellite parties and a limited set of parties of the so-called systemic opposition, the permissible opposition of which is strictly administratively limited; the institution of alternative sources of information is transformed into a single system of “nationalized” mass media, which ensures the conduct of informational and propaganda campaigns for manipulating mass consciousness in the interests and goals of the current government, while maintaining a certain set of media limitedly autonomous from the government.

The fact that all neo-authoritarian regimes, as well as the surviving post-colonial dictatorships, precisely imitate the work of the main institutions of democracy through political administration determines that doctrinal discussions about “hybrid authoritarianism”, “electoral authoritarianism” and other “authoritarianisms with adjectives” do not seem to be quite productive and relevant to political reality, in the way it existed earlier within the doctrinal discussions about “democracies with adjectives”.

Received / Поступила в редакцию: 10.09.2022

Revised / Доработана после рецензирования: 16.03.2023

Accepted / Принята к публикации: 15.04.2023

References

- Arbatskaya, M.N., & Xu, O.L. (2021). The system of rural local self-government in the “new normal” of China: stages of development and models of elections. *Greater Eurasia: Development, security, cooperation*, 4(1), 676–686.
- Baturo, A., & Elgie, R. (2019). *The Politics of Presidential Term Limits*. Oxford, United Kingdom; New York, NY: Oxford University Press.
- Bourdieu, P. (1993). Sociology of Politics. *Socio-Logos*. (In Russian)
- Carothers, T. (2002). The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 13(1), 5–21.
- Cheibub, J., Gandhi, J., & Vreeland, J. (2010). Democracy and Dictatorship Revisited Codebook. *Public Choice*, 143, 1–2, 67–101.
- Guriev, S., & Treisman, D. (2015). How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism. *NBER Working Paper Series. Working Paper 21136. April 2015. National Bureau of Economic Research. Cambridge*.
- Haynes, D. (2018). What Fearlessness Looks Like: Nicaragua’s Plunge into Crisis. *The Progressive*, 82(5), 51–53.
- Honduras: inertia on the path to change. Series of analytical publications “Summit”. (2015). *Institute of Latin American Studies Russian Academy of Sciences*. (In Russian)
- Krylov, A. (2007). African Horn: New Trends of Development. *World Economy and International Relations*, (9), 91–96. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2007-9-91-96> (In Russian)
- Kurtov, A. (2007). “The Khan’s Circle”: The System of Power in Central Asia. *Prognosis*, 1(9), 316–331. (In Russian)
- Levitsky, S., & Way, L.A. (2002). Elections Without Democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*, 13(2), 51–65.
- Malashenko, A. (2011). Doomed to Eternity and Stagnation. *Pro et Contra*, May-August, 78–100. (In Russian)
- Malysheva, D.B. (2018). Political Processes in the Republics of post-Soviet Central Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 11(3), 36–52. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-36-52> (In Russian)
- Nisnevich, Y. (2012). What is Democracy? *Political Science Issues*, 1(5), 29–40. (In Russian)
- Nisnevich, Y. (2021). Authoritarianism of the 21st Century: Analysis in the Institutional Purpose Paradigm. *World Economy and International Relations*, 65(8), 109–119. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-109-119> (In Russian)
- Nordlinger, J. (2019). Nicaragua in Hell. *National Review*, LXXI, 5, 24–25.
- Rossoshansky, A.V. (2011). Features of “black” information political technologies. *Vlast*, 5, 41–44. (In Russian)
- Sabo, R. (2012). Political Process in Nigeria After Thirty Years of Military Regimes. *RUDN Journal of Political Science*, (2), 53–69. (In Russian)
- Shabrov, O.F. (2012). Political Technologies. *Knowledge. Understanding. Skill*, 4, 328–330. (In Russian)
- Shilov, V.N., & Rylkina, A.H. (2011). Political Competition: The Term, the Concept, the Activity Form. *Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science*, 13(108), 19, 176–184. (In Russian)
- Solovyov, A.I. (2008). Political Science: Political Theory, Political Technologies. *Aspect Press*. (In Russian)

- Vartazarova, L., Kobrinskaya, I., & Utkin, S. (Eds.). (2019). Modern Turkey: Development Trends and the Meaning for Russia. *Moscow, IMEMO*. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0550-5> (In Russian)
- Zhiltsov, S., & Zonn, I. (2019). Political development of Kazakhstan: Results and prospects. *Central Asia and the Caucasus*, 22(4), 67–76. (In Russian)

About the author:

Yuliy A. Nisnevich — Full Professor, Doctor of Political Science, Professor, Department of Politics and Governance, National Research University Higher School of Economics (e-mail: jnisnevich@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-9911-9623)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-423-433

EDN: PGJXDU

Научная статья / Research article

Проблема размежевания на левых и правых в современной России через призму социального конструктивизма

К.В. Жигadlo

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*

✉ kzhigadlo@hse.ru

Аннотация. К началу 2010-х гг. в Российской Федерации сложились партийная система и электоральная культура, для которых идеология как таковая и идеологический спектр не обладают критически важным значением. Однако громкие политические процессы и события последних лет и скачок в развитии социальных медиа поспособствовали ре-актуализации идеологического спектра в сфере неконвенциональной политики, а также формированию ряда новых социальных движений. В связи с этим вновь актуальными становятся вопросы о размежеваниях на левых и правых и о смысловом наполнении самих этих понятий. Автор статьи предпринимает попытку определить, какие российские идеологические и социальные движения, политические партии и объединения иного типа сегодня можно отнести к левым, а какие — к правым и в чем сегодня состоят существенные размежевания между разными сторонами лево-правого континуума. Для этого проведен дискурс-анализ публикаций ряда лидеров общественного мнения, прямо относящих себя к тому или иному лагерю, в социальных медиа. Для анализа также были использованы различные интервью и выступления этих лиц, а также программные документы некоторых партий и движений. С целью четкой идентификации различных персоналий и групп по признаку принадлежности к той или иной части идеологического спектра в ходе исследования автор опирался на методологию социального конструктивизма. Автор приходит к выводам о том, что устоявшаяся в отечественной политической науке концептуализация понятия «правые», относившая его преимущественно к либералам, к настоящему моменту во многом устарела, а также о наличии расколов внутри самих левого и правого движений по линии отношения к государству и этатизму — не менее острых и фундаментальных, чем непосредственное размежевание между этими движениями.

Ключевые слова: идеологии, идеологический спектр, партии, политическая идентификация, гражданское общество, социальные движения, социальные медиа

© Жигadlo К.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Жигadlo К.В. Проблема размежевания на левых и правых в современной России через призму социального конструктивизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 423–433. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-423-433>

The Problem of the Left-Right Divide in Modern Russia Through the Lens of Social Constructivism

Konstantin V. Zhigadlo

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

✉ kzhigadlo@hse.ru

Abstract. By the beginning of the 2010s, Russia has developed a party system and an electoral culture for which the ideological spectrum is not critically important. However, the high-profile political processes, the events of recent years and the leap in the development of social media have contributed to the reactualization of the ideological spectrum in the field of unconventional politics. At the same time, new social movements were formed. In this regard, questions about the left-right divide and about the semantic content of the concepts of left and right wings themselves acquire new relevance. The author of the article tries to determine which Russian ideological and social movements, political parties and associations of a different type today can be attributed to each wing of the left-right continuum, and what are the essential divisions between the different sides of it today. For this purpose, a discourse analysis of the publications of certain public opinion leaders who directly relate themselves to one or another camp in social media was carried out. Various interviews and speeches of these individuals, as well as program documents of some parties and movements were also used for this analysis. In order to clearly identify various personalities and groups on the basis of their position in the ideological spectrum, the author relied on the methodology of social constructivism. The author concludes that the conceptualization of the right-wing established in Russian political science, referring this concept mainly to liberals, is largely outdated by now. There are splits within the left and right movements themselves along the line of attitude to the state and etatism, no less acute and fundamental than the very division between these movements.

Keywords: ideologies, ideological spectrum, parties, political identification, civil society, social movements, social media

For citation: Zhigadlo, K.V. (2023). The problem of the left-right divide in modern Russia through the lense of social constructivism. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 423–433. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-423-433>

Введение

Разделение на левых и правых в политике, как одна из наиболее расхожих систем классификации политических идеологий, позиций и партий, существует уже более двух столетий. В течение XX в. категории «правого» и «левого» обросли разными коннотациями и ответвлениями. Условно отнесенные рядом современных исследователей к перечню «старых» (или традиционных) идеологии,

входящие в континуум «левые-правые» при глобальной трансформации общества в конце прошлого века, постепенно начали вытесняться так называемыми «молекулярными» идеологиями — более локальными, концентрирующимися на частных проблемах (например, на проблематике феминизма или экологизма) [Шварцмантель 2009]. Тем не менее от использования самой оппозиции в публичном пространстве не отказываются: по сей день политические объединения разных типов в СМИ обозначают как левых или правых. Однако важно понимать, что в условиях постоянно меняющихся политической картины мира и ситуации в стране отнесение тех или иных акторов и групп к какому-либо из обозначенных «лагерей» является достаточно ситуативным.

В РФ разделение на левых и правых было принято использовать для обозначения появившейся в 1990-е гг. за короткий срок массы новых политических партий, движений, союзов и т.д. При этом большая их часть действовала в рамках именно традиционных идеологий, так или иначе лавируя между разными составляющими либерализма, социализма и консерватизма. И если для западного мира некоторые веяния традиционных идеологий постепенно утрачивали актуальность, то для России многое из них в 1990-е гг. явилось чем-то принципиально новым. От этого пострадало общее понимание того, кого считать левыми, а кого правыми. В условиях, при которых шкалы прогрессивного и регрессивного оказались сбитыми, появление таких разных феноменов, как радикальная лево-правая Национал-большевистская партия (запрещена в РФ), сформированный системными либералами Союз правых сил и так называемый «левый консерватизм» КПРФ [Капустин 1996], размыло само понимание традиционного лево-правого спектра.

В начале 2010-х гг. на фоне множества громких политических процессов и событий в стране оформились такие партийная система и электоральная культура, для которых идеологический спектр не обладает критически важным значением. В этих условиях прерогатива идеологического строительства во многом перешла в сферу неконвенциональной политики, в частности к идеологам и представителям различных социальных движений. Именно в этой среде вновь актуализировалось производство смыслов, а технологическое развитие социальных медиа способствовало и их распространению, и новым идейным размежеваниям. Так, новый виток популярности получила и оппозиция «левые-правые».

Цель исследования — предпринять попытку политической и гражданской идентификации современных российских левых и правых на примере ряда известных в публичной сфере социальных движений и организаций иного типа, в основе которых — принадлежность участников к той или иной идеологии из лево-правого спектра. При решении этой задачи мы будем ориентироваться на конструктивистскую парадигму философии науки, в частности методологию социального конструктивизма. В соответствии с таким подходом идентичность тех или иных групп конструируется через противопоставление категорий «мы» и «они», «свой» и «чужой» и понимается в целом как самоидентификация индивида или группы, своеобразной точкой отсчета для которой служит значимый Другой [Кочетков 2010]. В качестве основного метода мы будем использовать

дискурс-анализ, понимая дискурс как определенный текст, написание или публичное произнесение которого обусловлено различными политическими, социальными и прочими факторами. Эмпирическую базу исследования составили как материалы, затрагивающие дискуссии о российских идеологических размежеваниях в общественно-политических и академических изданиях, так и публицистические тексты, посты в социальных сетях, речи и интервью отдельных политических акторов, активистов и видных околополитических инфлюенсеров. Также были проанализированы некоторые программные документы отдельных социальных движений и политических партий и заявления, сделанные их руководящими органами.

Карта идеологических размежеваний в РФ 1990-х — 2010-х гг.

Состоянию идеологических размежеваний и обусловленных ими особенностей производства смыслов в период 1990-х — 2000-х гг. посвящены многие работы исследователей различных профилей, в большинстве из которых содержится типичное для российского контекста тех лет отнесение к правым преимущественно либералов, а к левым коммунистов. В современной отечественной политической науке идеологиям как таковым и российским идеологическим размежеваниям в частности большое внимание уделялось прежде всего в связи с вопросами партийного строительства и вопросами символической политики.

Ставшее проблемным в 1990-е гг. выстраивание связки рынка и демократии при попытках одновременно наладить связь времен с исторической Россией и сделать РФ либеральной и правовой привело к смене характерной для времени Перестройки оппозиции «коммунисты-демократы» расхожим в западном мире идеологическим спектром с оппозицией «правые-левые». Б.Г. Капустин выделял четыре сформировавшиеся в РФ в 1990-е гг. основные идеологические парадигмы: «демократическая правая» (*ДП*), «авторитарная правая» (*АП*), «демократическая левая» (*ДЛ*) и «авторитарная левая» (*АЛ*); при этом *ДЛ* отмечалась как не сложившаяся в значительной мере, но обладающая некоторыми предпосылками и потенциальностью образования [Капустин 2000]. Данная схема разделения идеологических парадигм органично вписывается в смысловой ряд из других схожих схем разделения на левых и правых, авторами которых выступили зарубежные ученые (Диаграмма Нолана¹, схема Political Compass Organization², и т.п.), хотя и не совпадает полностью ни с одной из них.

Начиная с богатого на протестную активность 2011 г. можно судить о некоторых изменениях в практиках производства, распространения и конкуренции политических идей в последние годы. Медиатизация политики вкупе с «вынесением

¹ Диаграмма Нолана. URL: https://commons.m.wikimedia.org/wiki/Category:Nolan_charts (дата обращения: 10.03.2023).

² Political Compass Organization Web Page. URL: <https://www.politicalcompass.org/> (accessed: 10.03.2023).

оппозиционных идей на „периферию“ публичной сферы» [Малинова 2013] обусловила переход идеологически заряженных персоналий и публик к активным конкурентным действиям в интернет-пространстве. Основной площадкой для неконвенциональных политических дебатов и пропаганды тех или иных ценностей, не вписывавшихся в официальную государственную повестку, стали паблики в соцсетях и каналы на YouTube. Кроме того, народившиеся противоречия из-за ряда крупных политических событий последних лет вносят существенные расколы внутри самих левых и правых групп.

Прибегая к репутационному подходу, применявшемуся в разное время разными исследователями [Малинова 2017] в отношении тех или иных персоналий и групп, и используя оптику социального конструктивизма, можно установить, какие политически (или идеологически) активные инфлюенсеры, объединения и движения относятся к левой части идеологического спектра, а какие к правой. Проанализировав и сравнив между собой используемые ими дискурсы, можно установить, что сегодня составляет наборы ценностей и идей российских левых и правых и какие размежевания имеют место непосредственно внутри этих групп.

Левые в 2010-е — 2020-е гг.: ностальгия по «советскому» или стандартная социал-демократическая повестка

Особенности контекста идеологического строительства в РФ наиболее отчетливо проявляются на примере современных российских левых политических объединений. В целом не вызывает разногласий у исследователей тот факт, что образ современного российского левого движения и его лидеров отсылает прежде всего к просоветской идентичности. Среди встроенных в систему официальных политических сил за этот образ отвечает главным образом по-прежнему КПРФ, а также сформировавшаяся в последние годы из трех различных партий социалистическая партия «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» (СРЗП). Эти и другие близкие к ним идейно объединения (в частности, некоторые напрямую аффилированные с одним из лидеров СРЗП Захаром Прилепиным) последовательно встраиваются в вышеупомянутую парадигму *АЛ* (согласно типологии Капустина) и в целом продолжают развивать идеи и практики так называемого «левого консерватизма». Иногда это направление описывается более специфически как «православный сталинизм» — эта идеологема отсылает к ментальной установке абстрактного «большинства» населения, заключающейся якобы в одновременных приверженности православной вере, ностальгии по СССР и поддержке политики Сталина³.

В целом для всех, кто в публичном пространстве относит себя к левым, свойственна приверженность эгалитаризму. Представление о том, что равенство для

³ Захар Прилепин: «Центральная российская власть — коллективный скрытый сталинист». URL: <https://svpressa.ru/post/article/285265/> (дата обращения: 21.12.2020).

левых является базовой ценностью, укоренено в политической науке, в том числе зарубежной [Bobbio 1996], и не вызывает споров у самих левых политиков, инфлюенсеров и активистов (в том числе российских). Однако для находящихся в парадигме *АЛ*, создающих позитивный образ авторитаризма и оправдывающих (или отрицающих) его издержки, связанные с массовыми репрессиями, это отношение к равенству как к идеологической константе выражается прежде всего в проговаривании своего неприятия к капитализму, рынку и финансовым элитам — и, как следствие, к либеральным реформам 1990-х гг. И хотя в этом дискурсе безусловным злом представлен капиталист и эксплуататор трудящихся (этот образ примеряется на многих чиновников и крупных бизнесменов), фокус противостояния у «консервативных» левых смещается прежде всего на либерализм и западничество, что стыкуется с официальной риторикой высших государственных лиц в последнее десятилетие. Отчасти благодаря этому становится возможным встраивание новых левых политических сил в систему: так, те же представители движения и партии «За правду», успешно встроившиеся благодаря обновленной идеологической повестке в госструктуры, до 2014 г. находились в жесткой оппозиции, по сути, с тем же политическим режимом. Кроме того, некоторые системные левые «консерваторы» сами напрямую связаны с крупной коммерцией (характерен пример бывшего кандидата в президенты от КПРФ Павла Грудина). Все это размывает левую идентичность перечисленных объединений и политиков как минимум в глазах молодежной аудитории, хотя и не сказывается на приверженности части возрастного электората этих партий и политиков. А возвеличивание Ленина и Сталина как консенсуальных фигур отдаляет эти силы от более типичного современного образа социал-демократов.

Нельзя не отметить и представленность среди современных российских левых и тех, кто более привержен сугубо антикапиталистическим идеалам. К таковым относятся, например, Российское социалистическое движение, «Социалистическая Альтернатива», движение «Левый фронт» и ряд других мелких несистемных коммунистических партий и движений. Современные отечественные исследователи обозначают эти группы как неотроцкистские и неосталинистские, отмечая их маргинальность и относя к причинам их невысокой популярности опять же апеллирование к советскому опыту как к главной «истории успеха» левых в России [Сергеев, Кузнецова 2022]. Такое отношение справедливо лишь отчасти, поскольку помимо выражения почтения к самой идее Октябрьской революции некоторые из этих движений продвигают и более западный вариант левой повестки, связанный с борьбой за права меньшинств (этнических, сексуальных и проч.), феминизмом и экологизмом. Это отчетливо проявляется на примере объединений, костяк которых составляет молодежь, причем в данном случае речь идет не только о социальных движениях — так, многие из этих групп оформляют свою деятельность прежде всего как медийные проекты. В этой связи уже не вполне уместно говорить об отсутствии успехов у этого сегмента левых, ведь такие проекты и издания, как «Вестник бури», STATION MARX и DOXA, насчитывают аудиторию в десятки тысяч

подписчиков, многие из которых становятся активистами. Следует упомянуть и медийные проекты более консервативные по духу (т.е. не связанные с поддержкой ЛГБТК+), например медиаресурсы Дмитрия Пучкова, Константина Сёмина и Вероники Крашенинниковой, которые развивают каналы-агрегаторы левой повестки, балансирующей на грани между парадигмами *АЛ* и *ДЛ*. Ко второй они тяготеют в вопросах поддержки рабочих и неимущих слоев населения, мигрантов и этнических меньшинств, к первой — в дискурсах, связанных с ностальгией по СССР, использовании «красной» символики и т.д.

Поскольку концепт «левые» является частью парной оппозиции, нельзя упустить из виду восприятие левыми в качестве оппонента и значимого Другого «правых». В этой связи необходимо отметить, что созданию идентичности «консервативных» левых способствует восприятие правых прежде всего как защитников элитизма и интересов наиболее богатых слоев общества, а идентичности более «прогрессивных» левых — восприятие правых еще и как носителей «традиционных» ценностей, связанных с сохранением в обществе иерархии и притеснением разного рода меньшинств [Паин, Никипорец-Такигава 2016]. При этом «консервативные» левые (вписывающиеся в парадигму *АЛ*) нередко сходятся с правыми в отношении поддержки традиционных ценностей, однако, с учетом постсоветской специфики, с обязательной приверженностью многонациональности и дружбе народов, что отличает их от крайне правых с их антииммигрантской и, в отдельных случаях, ксенофобской риторикой. А «прогрессивные» левые (*ДЛ*), напротив, особенно активно противостоят в том числе и любым традиционалистским и националистическим проявлениям правых. В обоих случаях правые при этом воспринимаются как капиталисты и, соответственно, эксплуататоры. Однако нельзя не учесть тот факт, что категория «правые» в РФ в связи с рядом исторических и социально-политических перипетий долгое время была еще более многозначна и размыта, чем категория «левые».

Правые в 2010-е — 2020-е гг.: от либералов к либертарианцам, республиканцам и националистам

Если левые в РФ сегодня — уже не только коммунисты и «сталинисты», то правые — уже в принципе не тождественны либералам, как было принято считать в начале 2000-х гг. в связи с отождествлением с правыми таких деятелей, как, например, Анатолий Чубайс, входивший в «Союз правых сил». В настоящее время большинство тех, кто называет себя правыми в РФ, критически относятся к либерализму, причем это характерно для «новых правых» независимо от того, к какому конкретно течению они принадлежат (при этом важно отметить, что те, кого иногда выделяют в качестве российских «новых правых», не тождественны известному европейскому движению Новых правых, хотя отчасти и вдохновлены ими). Максимально широкое рассмотрение современных российских правых позволяет выделить типы, схожие с типологией Капустина, хотя и не тождественные ей полностью по некоторым причинам. К тем, кто близок к парадигме

АП, можно отнести «ультраправых» монархистов (медиа «Царьград», движение «Сорок сороков») и националистов. Последние довольно сильно различаются между собой: к ним можно отнести и «Русский марш» (часть организаторов которого фактически являются экстремистами неонацистского толка), и национал-демократов (незарегистрированная «Национально-демократическая партия» философа Константина Крылова, движение «Общество. Будущее» Романа Юнемана и Даниила Махницкого), и так называемых «царистов», представляющих медиа «Спутник и Погром» Егора Просвирнина. Последнее движение попадало в поле зрения исследователей как социальное движение в 2021 г. и получило обозначение «либеральный националистический клуб» [Клеман 2021]. Такая характеристика не вполне соответствует реальности, поскольку в последние годы это объединение существенно радикализовалось и отмежевалось от любых ассоциаций с либерализмом. Примечательно и то, что некоторые медийные инфлюенсеры поддерживают одновременно все эти националистические движения (например, публицист Егор Холмогоров).

К парадигме *ДП* тяготеют либертарианцы (Либертарианская партия России, или ЛПР) и республиканцы (проекты «Центр республиканских исследований», или ЦРИ, и «Res Publica», напрямую не связанные с политической деятельностью, но всячески популяризирующие атлантическую республиканскую традицию). Правда, внутри некоторых из этих объединений имеют место свои точечные размежевания по линии «левые-правые», особенно это характерно для либертарианцев [Думлер 2021]. Однако лицо либертарианского движения (и ЛПР) Михаил Светов многократно заявлял о правизне своих воззрений, возводя их генеалогию в том числе к такому праволибертарному мыслителю, как Ганс-Герман Хоппе⁴. В связи с этим либертарианцы, его поддерживающие (т.е. большинство их) все же больше ассоциируются с правыми (то же самое характерно и для московских республиканцев из ЦРИ во главе с Родионом Бельковичем). Примечательно, что упомянутые инфлюенсеры активно сотрудничают и вместе продвигают концепцию правых как борцов прежде всего с государством как таковым⁵ (не только российским). Критикуют они и демократию, особенно современную западную либеральную демократию, опять же сближаясь с идеями Хоппе, так что представляемые ими движения нельзя в полной мере относить к парадигме *ДП*.

Парадоксальным образом объединяет между собой описанные два типа правых групп даже не отношение к левым как к врагам, но отождествление обоими типами левых и с просоветскими социалистами и коммунистами,

⁴ Hans-Hermann Hoppe. Getting Libertarianism Right. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GYG6s4xc8Kg&t=20s> (accessed: 10.03.2023).

⁵ Родион Белькович. Республиканская добродетель. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wWIdFloLW-k> (дата обращения: 10.03.2023); От империи к республике: Родион Белькович в Новой Искренности. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=33XZDSgprnA> (дата обращения: 10.03.2023).

и с либералами одновременно. К «левым» тенденциям эти группы относят и огосударствление экономики, и разрыв с традиционными ценностями и всем национальным. При этом к капитализму, с которым их ассоциируют левые, российские правые относятся в целом нейтрально, констатируя, что анархо-капиталистическое устройство общества является объективной данностью. Неприемлем для правых обоих типов эгалитаризм, являющийся для левых «идеологической константой». Основная же линия размежеваний между двумя разными типами правых — отношение к этатизму: одни придают государству сакральный смысл и даже иногда выступают за реставрацию монархии, тогда как другие нарекают государство проводником левой повестки и выступают за различные практики борьбы с его аппаратом и правящими властями, именуя их «номенклатурой», а также противопоставляя республиканизм империализму. Последняя линия размежеваний между разными группами правых особенно ярко проявилась в 2022 г. в связи со стартом Специальной военной операции (далее — СВО), углубившей раскол между ними, как никогда раньше. В связи с этим интерес представляет так называемый «Красный список правых»⁶, интернет-проект, разделивший правых идеологов на категории «правые за русских» и «„правые“ против русских» (имея в виду под первыми противников СВО и под вторыми сторонников). Связанные с этим списком курьезы (такие, как отнесение принципиально левого Захара Прилепина к одной из категорий правых и внесение сразу в обе категории политика Романа Юнемана) демонстрируют неразрешенность в общественном сознании коллизии на тему того, кого (и что) считать правым сегодня.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к ряду значимых выводов относительно текущего состояния современной российской карты идеологических размежеваний.

Во-первых, предложенная Б.Г. Капустиным версия идеологического спектра в последние годы вновь становится актуальной, но не для политических партий, а для объединений разных типов: от социальных движений до медийных проектов, с поправкой на то, что вместо категории «демократические» относительно парадигм данного спектра уместнее говорить скорее о категории «либертарные», дабы четче обозначить противовес категории «авторитарные», не упуская при этом из виду критику либертарными правыми концепта демократии.

Во-вторых, можно не только утверждать, что концепция «правые» уже не может считаться тождественной концепции «либералы», но и констатировать проблемность ориентации самих либералов в рамках лево-правого спектра,

⁶ Красный список «правых». URL: <https://redlist.vercel.app/> (дата обращения: 01.04.2023).

поскольку они систематически становятся объектами критики и со стороны тех, кто сегодня называет себя правыми, и со стороны левых.

В-третьих, внутренние расколы между разными типами правых и левых по линии «этатизм-антиэтатизм» и некоторым другим, скорее всего, будут только усугубляться в ближайшие годы под влиянием текущих политических процессов и событий. Немаловажно, что такие расколы свидетельствуют об отсутствии внутри самих левых и правых движений единого понимания того, что такое государство в принципе, какова его роль в истории и в жизни современного социума — при том, что критическое отношение к демократическому политическому строю стало характерно для многих лидеров мнений из совершенно разных движений, идейно противостоящих друг другу. Все это в совокупности дает повод считать тему внутренних размежеваний в каждой из сторон лево-правого континуума достойной отдельных исследований.

Поступила в редакцию / Received: 19.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 10.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Думлер Д.А.* Политическая и гражданская идентичность либертарианцев в современной России: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 560–569. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-560-569>
- Капустин Б.Г.* Идеологии современной России: поиск модальности сопряжения // Этика успеха. 1996. № 7. С. 60–80.
- Капустин Б.Г.* Идеология и политика в посткоммунистической России. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 115–129
- Клеман К.* Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?» М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 153–162.
- Кочетков В.В.* «Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 5–26
- Малинова О.Ю.* Изменение институциональных условий производства и конкуренции политических идей в России: от 1990-х к 2010-м // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: колл. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. С. 55–74.
- Малинова О.Ю.* Конструирование «либерализма» в постсоветской России. Наследие 1990-х в идеологических битвах 2000-х // Полития. 2017. № 1 (84). С. 6–28.
- Паин Э., Никиторец-Такигава Г.* Интернет и идеологические движения в России. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Сергеев С., Кузнецова А.* Осколки разбитого вдребезги: неотроцкисты и неосталинисты в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 2. С. 169–182

Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.
Bobbio N. *Left and Right: The Significance of a Political Distinction*. Cambridge: Polity Press, 1996. P. 60–71.

References

- Bobbio, N. (1996). *Left and Right: The significance of a political distinction*. Cambridge: Polity Press, 60–71.
- Clement, K. (2021). *Patriotism from below*. “How is it possible for people to live so poorly in a rich country?”, (pp. 153–162). Moscow: New Literary Review (In Russian).
- Dumler, D.A. (2021). Political and civic identity of libertarians in contemporary Russia: Problems and perspectives. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 560–569. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-560-569>
- Kapustin, B.G. (1996). Ideologies of modern Russia: search for the conjugation modality. *The ethics of success*, (7), 60–80. Retrieved from <https://www.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2012/03/Etika-uspeha.-Vypusk-7.pdf> (In Russian)
- Kapustin, B.G. (2000) *Ideology and politics in post-communist Russia* (pp. 115–129). Moscow: Editorial URSS, (In Russian).
- Kochetkov, V.V. (2010). Identity in international relations: Theoretical foundations and role in world politics. *Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, (1), 5–26 (In Russian).
- Malinova O.Y. (2013). Changing institutional conditions of production and competition of political ideas in Russia: from the 1990s to the 2010s. In E.R. Yarskaya-Smirnova & P.V. Romanov (Eds.), *Public sphere: theory, methodology, case study*. (pp. 55–74). Moscow: OOO “Variant”: TSPGI. (In Russian).
- Malinova, O.Y. (2017). The construction of “liberalism” in post-Soviet Russia. The legacy of the 1990s in the ideological battles of the 2000s. *Politeia*, 1(84), 6–28. (In Russian).
- Pain, E., & Nikiporets-Takigawa, G. (2016). *Internet and ideological movements in Russia*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Schwarzmantel, J. (2008). *Ideology and politics*. SAGE Publications Ltd, <https://dx.doi.org/10.4135/9781446213247> (In Russian).
- Sergeev, S.A., & Kuznetsova, A.V. (2022). Shards of shattered world: Neo-Stalinists and neo-Trotskyists in modern Russia. *Political Expertise: POLITEX*, 18(2), 169–182. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.204> (In Russian).

Сведения об авторе:

Жигadlo Константин Викторович — аспирант Аспирантской школы по политическим наукам, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: kzhigadlo@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-5138-3601):

About the author:

Konstantin V. Zhigadlo — Postgraduate of Doctoral School of Political Science — intern of Politics & Psychology Research Laboratory, Higher School of Economics (e-mail: kzhigadlo@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-5138-3601)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ SOCIOCULTURAL FOUNDATIONS OF POLITICS

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-434-444
EDN: PNFYRX

Научная статья / Research article

«Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней

Л.Р. Рустамова^{1,2} , Д.Г. Иванова¹

¹Московский государственный институт международных отношений МИД России
Москва, Российская Федерация

²Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

 Leili-rustamova@yandex.ru

Аннотация. «Культура отмены» зародилась в западном обществе и изначально трактовалась как социальное явление, однако со временем стала приобретать все большее политическое измерение. Ее основной платформой распространения стали социальные сети, где благодаря моментальному реагированию со стороны общества на информационный вброс «культура отмены» приобрела поистине глобальные масштабы и с 2022 г. впервые затронула целое государство. «Культура отмены» представляет собой инструмент управления социально-политическими явлениями, который можно использовать во внешнеполитических целях. Авторы предлагают вариант концептуализации и операционализации этого термина, ранее бытовавшего в общественно-публицистическом дискурсе, а также ставят перед собой задачу рассмотреть каналы распространения «культуры отмены» и предложить механизмы борьбы с ее негативными проявлениями в отношении России.

Ключевые слова: культурное наследие, мягкая сила, культурная дипломатия, парадипломатия, музеи, города, регионы, негосударственные акторы, культурно-исторический фактор, Запад

Для цитирования: Рустамова Л.Р., Иванова Д.Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 434–444. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-434-444>

Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта КМУ XII МГИМО МИД России.

© Рустамова Л.Р., Иванова Д.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Cancel culture towards Russia and how to deal with it

Leyli R. Rustamova^{1,2} , Daria G. Ivanova¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,*

² *The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation,*

 Leili-rustamova@yandex.ru

Abstract. Cancel Culture originated in Western society and was initially interpreted as a social phenomenon, but over time it began to acquire an increasing political dimension. Its main distribution platform are social networks, where, due to the almost instantaneous reaction on the part of society to information stuffing, the “cancellation culture” has become truly global. Since 2022 cancel culture is a tool for managing socio-political phenomena that can be used for foreign policy purposes. The authors make an attempt to conceptualize and operationalize this term, formerly used in public-journalistic discourse. They also set themselves the task of identifying the subjects of dissemination of cancel culture and suggesting mechanisms to combat its negative manifestations.

Keywords: cultural heritage, soft power, cultural diplomacy, paradiplomacy, museums, cities, regions, non-governmental actors, cultural and historical factor, West

For citation: Rustamova, L.R., & Ivanova, D.G. (2023). Cancel culture towards Russia and how to deal with it. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 434–444. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-434-444>

Acknowledgements: The article was prepared as part of the research project of CMU XII MGIMO University.

Истоки «культуры отмены» и осмысление подходов к ее проявлениям

«Культура отмены» получила широкое распространение на волне протестных движений *#MeToo* и *#BlackLivesMatter* и за короткий период времени стала популярным предметом для исследований [Mueller 2021; Cook, Patel, Guisihan, 2021; Saldanha, Mulye, Rahman 2022; Geusens, Ouvrein, Remen 2023; Whipple 2023], рассматриваемым в качестве нового явления социальной действительности. Тем не менее практика исключения человека из социума имеет давнюю историю. Отдаленное сходство с «культурой отмены» в ее современном понимании можно найти и в остракизме, как судебной процедуре, в греческих полисах, и средневековой инквизиции, направленной на пресечение религиозной ереси, и в действиях якобинцев во времена Великой французской революции. Борьба с инакомыслием велась на протяжении всей истории, приобретая радикальный характер в ходе смены политической власти, при падении правящего режима. Пенитенциарные функции делились между государством и обществом, исполнение наказания осужденного носило публичный, нередко унижительный характер.

В эпоху Интернета, доступности информации и непрерывного вещания СМИ, когда глобальная общественность моментально реагирует на социальные потрясения в любой точке земного шара, новизна этой формы остракизма состоит в том, что она приобретает качественно новый масштаб и последствия.

По сравнению с регламентированной государственной системой преследования инакомыслия при тоталитарных режимах «культура отмены» выглядит спонтанной и неуправляемой, так как отсутствует центральный орган принятия решений, выносящий вердикт по поводу того, какое явление следует «отменить». При этом «культура отмены» претендует на регуляторную функцию, играя роль инструмента, вносящего изменения в социальные нормы.

Западные исследователи по-разному трактуют «культуру отмены» (*с англ. cancel culture, call-out culture*), в основном исходя из того, что она носит ярко выраженный социальный характер, а ее каналом распространения выступают прежде всего социальные сети, где общество подвергает нарушителя порицанию, тем самым нанося ущерб его репутации. Кембриджский словарь дает следующее определение «культуры отмены»: «манера поведения в обществе или группе, в особенности проявляющаяся в социальных сетях, согласно которой принято полностью отвергать и прекращать оказывать поддержку кому-либо из-за поступков или высказываний, которые вас оскорбляют»¹.

Профессор Гарвардского университета П. Норрис описывает «культуру отмены» как «попытки подвергнуть кого-либо остракизму за нарушение социальных норм» [Norris 2020: 2]. Неприятие нежелательного явления в капиталистическом обществе носит характер потребительского бойкота. Так, «отмена» бренда или корпорации ввиду неэтичной политики по отношению к сотрудникам или окружающей среде может повлечь за собой кампанию публичного порицания их деятельности, что неизменно приведет к падению продаж. То же правило применимо и к общественным деятелям, политикам, сильно зависящим от своей аудитории.

М. Кларк сосредоточивает внимание на самом процессе «отмены», сравнивая его со свободным волеизъявлением, в результате которого индивид лишает своего «внимания, присутствия, времени и денег» того, кто оскорбляет его своими действиями, словами, убеждениями [Clark 2020: 88]. При этом следует отличать «культуру отмены» от того, что О. Лорде называет «полезным гневом» [Lorde 1984], так как он направлен на противостояние давлению, носит конструктивный характер, эффективен в отличие от грубого насилия и в результате ведет к сплочению социальных групп. «Культура отмены» же только создает видимость сплоченности, порождает внутригрупповые разногласия и необоснованную, не подкрепленную доказательствами критику, основанную на личных (групповых) убеждениях.

Рассматривая «культуру отмены» как реакцию на события и информацию, которые вызывают чувство протеста, неприятие, ее можно считать разновидностью «вокизма» (варианты: воукизма, вокеизма) (*с англ. wokeism*), который затронул широкие слои населения и основан на чувстве морального превосходства. Понятие «вокизм» *означает мобилизующую силу, проявление социальной позиции, групповой идентичности в случае, если человек чувствителен к социальной и политической несправедливости.*

¹ Cancel Culture // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (accessed: 12.03.2023).

Исследователи, рассматривающие «культуру отмены» сквозь призму опыта протестного движения в США и странах Европы, стремились найти ответ на вопрос, кто же стоит за этим явлением, есть ли тот, кто управляет процессом спонтанного волеизъявления и можно ли считать «культуру отмены» примером общественной самоорганизации «снизу», формой проявления гражданской позиции. Дж.Веласко [Velasco 2020: 3], Г. Бувье и Д. Машэн [Bouvier, Machin 2021: 307–327] отмечают роль социальных сетей в управлении общественной дискуссией и зарождении новой формы коллективности. Медиаресурсы стали призмой, через которую происходит обмен информацией, что означает смену типа политической и гражданской активности, наступление эпохи информационной партиципаторной культуры.

При этом отличительной чертой новой информационной культуры становится преобладание дискурса группы большинства, где меньшинство под угрозой давления будет стремиться вовсе не выражать свое мнение, так как его воззрения перестали вписываться в доминирующую культуру [Noelle-Neumann 1974]. Таким образом, по аналогии с тоталитарным обществом, при «культуре отмены» право на свободное выражение мнения, отличающегося от мейнстрима, подвергается масштабным нарушениям со сторон общества, однако государственные структуры не способны повлиять на этот процесс.

Совершенно иной ракурс приобретает трактовка «культура отмены» в подходе Ю. Хабермаса к публичной сфере [Habermas 1962]. Если следовать логике его теории, публичный дискурс формируется элитами, значит, чтобы выявить причины «отмены», прежде всего нужно проанализировать отношения власти, расстановку сил в медиапространстве, в связи с этим гражданскому обществу отводится скорее второстепенная роль.

Дж. Пилон, обратившись к анализу общественной дискуссии о случаях полицейской жестокости в США в отношении афро-американского населения, пришла к выводу, что в основном рычаги управления этим процессом все же находятся в руках правительственных структур [Pilon 2020]. Рассматривая случай с Дж. Флойдом, она отмечает, что на волне протестов местные муниципалитеты воспользовались ситуацией и перераспределили финансы на более значимые программы, находящиеся в приоритете для местных органов власти. Так, в Портленде бюджет полиции был сокращен на 15 млн долл. США, средства были выделены на программу, которая отправляет невооруженных спасателей на звонки бездомных, а в Филадельфии перераспределенные из бюджета полиции 14 млн долл. США потратили на программы доступного жилья [Pilon 2020: 5].

Если проанализировать то, как происходила «отмена» того или иного политического деятеля, можно отметить традиционные для политических элит методы борьбы с помощью вовлечения аудитории в диалог и создания управляемой общественной дискуссии. Затем дискуссия обычно достигала стадии выдвижения требований об увольнении политика вследствие утраты доверия. Таким образом, общественно-политическая «отмена» не является исключительно горизонтальным взаимодействием и инициативой на уровне гражданского общества. После того как «культура отмены» распространилась и на Россию,

мобилизационный потенциал этого явления, используемый для создания управляемого давления, проявился на глобальном уровне. Учитывая масштабы распространения этого явления и его нацеленность на изменение уже устоявшихся международных норм и традиций, «культура отмены» может быть определена как механизм выработки новой политической культуры, которая призвана посредством подрыва имиджа объекта «отмены» исключить его из существующих норм международного общения, то есть делегитимировать его.

«Отмена России» как проявление «культуры отмены» на международном уровне

В дипломатической практике к фактору культуры зачастую обращаются для укрепления взаимопонимания и дружественных отношений между двумя народами, для обоюдного сближения культур, а также предотвращения зарождения ксенофобии и разделения по принципу «свой–чужой». В то же время первыми с «культурой отмены» России столкнулись именно деятели культуры, что можно считать отходом от основополагающих принципов культурной дипломатии. «Культура отмены» коснулась театрального искусства, музыки, русской литературы, сотрудничества по линии музеев, а также спорта и религии.

Представителей России отстранили от участия в Евровидении, Каннском кинофестивале, было приостановлено сотрудничество Большого театра с крупнейшими зарубежными театрами², с давними партнерами российских академических театров и балетных трупп³, расторгнуты контракты с наиболее известными русскими дирижерами⁴, имели место случаи ультимативного выдвигания требований к деятелям культуры по публичному осуждению внешней политики России⁵. Были отменены⁶ или полностью исключены из репертуара⁷ произведения русских композиторов.

² Большой театр отменил апрельские показы совместной постановки с Метрополитен-опера // Информационное агентство «Интерфакс». 04.03.2022. URL: <https://www.interfax.ru/culture/826405> (дата обращения: 09.03.2023).

³ Летние гастроли Большого театра в Лондоне не состоятся // Информационное агентство «Интерфакс». 26.02.2022. URL: <https://www.interfax.ru/culture/824757> (дата обращения: 09.03.2023).

⁴ Валерий Гергиев уволен из Мюнхенской филармонии // Газета «Коммерсантъ». 01.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5238441> (дата обращения: 09.03.2023).

⁵ Тулуза может отказать Тугану Сохиеву в концертах // Радио классической музыки «Орфей». Новости. 04.03.2022. URL: <https://orpheusradio.ru/news/news/24958/tuluza-mozhet-otkazat-tuganu-sokhievu-v-kontsertakh> (дата обращения: 09.03.2023).

⁶ Британский оркестр «отменил» Чайковского и поплатился репутацией // Информационное агентство «РИА Новости». 09.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220309/chaykovskiy-1777375806.html> (дата обращения: 09.03.2023).

⁷ Оперу Чайковского убрали из программы фестиваля в Швейцарии // Информационное агентство «Регнум». 23.04.2022. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/3573491.html> (дата обращения: 09.03.2023).

Цензура коснулась и русских писателей XIX в., произведения которых хотели вычеркнуть из учебной программы⁸. Россия столкнулась с переписыванием правил международного спортивного движения⁹. Показателен с точки зрения проявлений «культуры отмены» пример задержания на финско-российской границе произведений искусства, принадлежащих фондам Эрмитажа, Третьяковской галереи, ГМИИ имени А.С. Пушкина, музеям-заповедникам¹⁰. Наряду с незаконным вытеснением России с концертных площадок и ограничением возможностей проведения международных конкурсов¹¹ за рубежом распространилась практика переименования объектов культуры¹², вычеркивания «русского следа» из мирового культурного наследия путем «смены гражданства» творцов¹³, чьи шедевры всегда воспринимались как продукт высокой культуры России.

Вместе с общим негативным потоком публикаций о России и ее исключением из существующих форматов взаимодействия на глобальном уровне появились прецеденты вмешательства правительств либерально-демократических стран в духовную сферу жизни общества и систему церковного управления. Так, Сейм (парламент) Латвии утвердил закон о независимости Латвийской православной церкви от Московского патриархата¹⁴, а затем ЛПЦ под давлением властей обратилась к патриарху Кириллу с просьбой предоставления ей автокефалии¹⁵.

Стремление Запада предать забвению и принизить культурный вклад России в мировое наследие политически обусловлено и не имеет ничего общего с запросом на общественную справедливость. Прежде всего, «отмену» русской

⁸ В Университете Милана захотели запретить Достоевского // Газета «Известия». 03.03.2022. URL: <https://iz.ru/1299808/2022-03-03/v-universitete-milana-zakhoteli-zapretit-dostoevskogo> (дата обращения: 09.03.2023).

⁹ IOC EB recommends no participation of Russian and Belarussian athletes and officials. // IOC News. 25.02.2022. URL: <https://olympics.com/ioc/news/amp/ioc-eb-recommends-no-participation-of-russian-and-belarusian-athletes-and-officials> (accessed: 16.03.2023).

¹⁰ Багдасарова С. Минкультуры РФ ввело мораторий на вывоз произведений искусства за рубеж // The Art Newspaper Russia. 24.06.2022. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220624-zzsx/> (дата обращения: 09.03.2023).

¹¹ Всемирная федерация международных музыкальных конкурсов (WFIMC) исключила Международный конкурс им. П.И. Чайковского из своего состава. // Официальный сайт Международного конкурса им. П.И. Чайковского. Новости. 19.04.2022. URL: <https://tchaikovskyscompetition.com/ru/news/414.htm> (дата обращения: 16.03.2023).

¹² В Вильнюсе переименуют Литературный музей Пушкина // Информационный портал фонда «Русский мир». 09.03.23. URL: <https://russkiymir.ru/news/311086/> (дата обращения: 16.03.2023).

¹³ Метрополитен-музей в Нью-Йорке признал художника Архипа Куинджи украинским // Информационное агентство ТАСС. 10.02.23. URL: <https://tass.ru/kultura/17016591> (дата обращения: 16.03.2023).

¹⁴ Сейм Латвии принял закон о независимости Латвийской православной церкви // Информационное агентство «Интерфакс». 08.09.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16122983/amp> (дата обращения: 16.03.2023).

¹⁵ В РПЦ считают Латвийскую православную церковь слишком малочисленной для автокефалии // Информационное агентство ТАСС. 21.10.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16122983/amp> (дата обращения: 16.03.2023).

культуры инициировали не отдельные люди, которые бойкотировали знаменитостей или культурную продукцию России, а институты, тесно связанные с правительствами. Второе отличие проявлений «культуры отмены» на Западе в отношении публичных личностей, чьи слова или действия «оскорбили» общественность, состоит в том, что в отношении российских культурных деятелей «отмена» проходила не после публичного осуждения и достижения определенного консенсуса, а скрыто, без привлечения внимания общественности и проведения какой-либо дискуссии.

Ранее России неоднократно удавалось использовать новые направления дипломатии, в том числе культурную дипломатию, для того, чтобы представить свой взгляд на мировые процессы, события прошлого и настоящего. Успешная организация международных концертов классической музыки, гастролей российских театров оказывала положительное влияние на общий негативный фон публикаций западных СМИ. Инструменты культурной дипломатии играли компенсирующую роль даже во времена Холодной войны. «Культура отмены» в отношении России — это попытка лишить ее этих инструментов.

Еще до начала волны «отмены» России К. Уокер и Дж. Людвиг предложили использовать тактику максимального давления в отношении авторитарных стран, использующих «мягкую силу» не для того, чтобы «завоевать сердца и умы», а чтобы «умело манипулировать целевой аудиторией путем искажения фактов и формирования фальсифицированного контента в информационных потоках», назвав их странами, применяющими «острую силу» (в числе тех, кто используют «острую силу», они указали и Россию) [Walker, Ludwig 2017].

Если посмотреть на то, что представляет собой «культура отмены» России, становится ясно, что ее основная цель — это делегитимация страны в международном поле. При этом наряду с тем, что российских деятелей культуры исключили из зарубежных площадок, для украинских политических и культурных деятелей они были в ряде случаев, наоборот, предоставлены: так, возможность донести украинское видение развития текущих событий В. Зеленскому дали на церемонии открытия Каннского кинофестиваля, фестиваля циркового искусства в Монте-Карло, церемонии вручения премии «Грэмми» в Лас-Вегасе, на Франкфуртской книжной ярмарке.

К демонизации образа России за рубежом присоединились и те деятели российской культуры и науки, которые, не согласившись с текущей политикой российского государства, выбрали эмиграцию, что, в свою очередь, привело к тому, что явление «культуры отмены» частично распространилось в их отношении уже в России.

«Культура отмены» коснулась не только образа России, демонизируется идеология Русского мира, подвергается пересмотру историческое наследие межнационального и межконфессионального мира. Ввиду того, что «культура отмены» создает опасный прецедент изменения существующих практик реализации межгосударственных отношений, ведет к расколу гражданского общества по принципу «свой-чужой», России необходимо выработать комплекс мер, которые помогли бы бороться с ее наиболее опасными проявлениями.

Методы борьбы с «культурой отмены»: негосударственные альтернативы

Культурная дипломатия России строится на продвижении традиционных ценностей и достижений высокой культуры. Это позволяет обратиться к аудитории незападных стран с собственной идеей, отличной от западных воззрений. В принятой на пике событий «культуры отмены» Концепции гуманитарной политики России за рубежом от 5 сентября 2022 г. отмечается, что многонациональный народ России объединяет общий культурно-цивилизационный код¹⁶, несмотря на пестрое сочетание религий и этнических групп на территории РФ. Взаимопомощь, социальная справедливость, гуманизм — эти и другие принципы заключают в себе мощный объединяющий стимул для более тесного диалога России с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, а также Ближнего и Среднего Востока.

За первой острой реакцией последовали откат «культуры отмены» и осознание в международном сообществе контрпродуктивности этих действий. По линии театров культурные обмены стали более интенсивно развиваться со странами СНГ, на театральных фестивалях присутствуют и артисты из дальнего зарубежья, например Аргентины, Бразилии, Вьетнама, Индии, Китая, ЮАР¹⁷. На мировых культурных площадках представлены произведения русских композиторов. В частности, открытие театрального сезона в театре Ла Скала ознаменовалось оперой М.П. Мусоргского «Борис Годунов» на русском языке¹⁸.

Разнообразие культур и религий в России открывает широкие возможности для парадипломатии¹⁹, которые уже давно и активно используются в религиозном диалоге субъектов РФ, в которых большинство составляют приверженцы ислама, с государствами мусульманского Востока (например странами Персидского залива). Города устанавливают побратимские связи, становятся площадками проведения культурных, спортивных мероприятий, принимают у себя международные экономические форумы и представителей бизнес-сообщества. С «отменой» России многие западные города отказались или приостановили действие соглашений о побратимских связях, однако побратимские связи с городами незападных стран продолжают расширяться. Так, например, китайские города выразили желание «породниться»

¹⁶ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611.

¹⁷ Отменить отмену: как Россия переживает «культурные санкции» и что будет дальше // Информационное агентство ТАСС. 27.12.2022. URL: <https://tass.ru/kultura/16690551/amp> (дата обращения: 17.03.2023).

¹⁸ В «Ла Скала» состоялась премьера оперы «Борис Годунов» с российскими артистами // Информационное агентство ТАСС. 08.12.2022. URL: <https://tass.ru/kultura/16532857> (дата обращения: 17.03.2023).

¹⁹ Парадипломатия — это международная деятельность местных органов власти, трансграничные связи субнациональных акторов, не выходящие за рамки их сферы ведения и полномочий, определенных центральной властью.

с Пермью²⁰ и муниципалитетами Подмосквья — Каширой, Ступиним, Сергиевым Посадом²¹.

Международные площадки для обмена опытом между городами представляют собой альтернативные форматы глобального управления, где политическая конъюнктура проявляет себя в меньшей степени. К таким площадкам сотрудничества относятся, например, международная организация Объединенные Города и Местные власти (UCLG), ассоциация крупных городов Метрополис (Metropolis), сетевая организация C40 (The C40 Cities Climate Leadership Group), форум для мэров городов по всему миру (Global Parliament of Mayors). Символично переизбрание мэра Казани Ильсура Метшина президентом Консультативного комитета Организации Объединенных Наций по вопросам местного самоуправления²², представляющего интересы 323 тыс. муниципалитетов, мегаполисов и регионов по всему миру.

В напряженной политической обстановке региональные и местные инициативы способны найти зарубежный отклик, так как они меньше ассоциируются с политическим режимом и имеют больше шансов на культурные трансграничные взаимодействия. Возможностями по привлечению иностранных туристов и сотрудничеству в области охраны природы могут воспользоваться отдаленные от европейской части страны и политической столицы приграничные регионы Российской Федерации. Природоохранная повестка и экотуризм особенно актуальны для 8 субъектов РФ, в которых расположены природные памятники. Согласно Списку всемирного культурного и природного наследия, в котором насчитывается 1154 объекта из 167 стран, Россия с ее 11 природными и 20 культурными объектами наследия входит в первую десятку²³.

Мощным оружием в противостоянии «культуре отмены» может стать музейная дипломатия. Российские региональные музеи в Козьмодемьянске, Краснодаре, Саратове, Самаре хранят богатые коллекции русского искусства, хотя главными игроками в этой области пока остаются крупные²⁴ государственные музеи, которые смогли вести диалог в сложных политических условиях, например, по поводу возвращения коллекции братьев Морозовых из Франции. Российская и французская стороны проявили взаимное стремление защитить культурные обмены «несмотря ни на что», дипломаты договаривались о том,

²⁰ Пермь планирует установить побратимские отношения еще с одним китайским городом // Газета «Коммерсантъ». 27.09.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5582276> (дата обращения: 17.03.2023).

²¹ Кашира, Ступино и Сергиев Посад станут побратимами китайских городов в 2023 г. // АО «Телеканал 360». 13.01.23. URL: <https://360tv.ru/news/mosobl/kashira-stupino-i-sergiev-posad-stanut-pobratimami-kitajskih-gorodov-v-2023-godu/> (дата обращения: 17.03.2023).

²² Мэр Казани переизбран президентом комитета ООН по вопросам местного самоуправления // Информационное агентство ТАСС. 14.10.2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16060205> (дата обращения: 17.03.2023).

²³ Российские объекты из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО // ЮНЕСКО в России. URL: <http://unesco.ru/unescorussia/sites/> (дата обращения: 17.03.2023).

²⁴ Лучшие музеи России // Официальный сайт Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/materials/26667/luchshie-muzei-rossii> (дата обращения: 17.03.2023).

чтобы произведения искусства не попали под конфискацию при перевозке через третьи страны²⁵. В российских музеях хранятся произведения зарубежных, в том числе европейских, мастеров, поэтому в ближайшей перспективе неизменно стоит стремиться к возобновлению переговоров по вопросу совместных виртуальных выставок, расширению сотрудничества с музеями Азии и Африки, а также реализации новых подходов к финансированию учреждений культуры, закрепленных в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.²⁶ в соответствии с новыми реалиями.

Заключение

«Культура отмены» является политическим инструментом, который позволяет странам использовать общественное мнение в целях межгосударственного противоборства. Распространяясь через социальные сети и СМИ, она была призвана прежде всего лишить ее объект права голоса, понизить его имидж, сделать его культурные продукты менее привлекательными. Ее последствием стала не только политизация тех сфер, которые ранее сохраняли принципы аполитичности и независимости от государства, но и переписывание устоявшихся норм международного взаимодействия как на межгосударственном, так и на общественном уровне. В то же время применение «культуры отмены» в отношении России выявило, что «культура отмены» в мировой политике не является запросом на социальную справедливость, не инициируется более широкими общественными группами и имеет ограничения, связанные с тем, что культурные достижения высокой культуры, пользующиеся реальным спросом у населения, сложно вычеркнуть из мировой истории за короткий период времени.

Поступила в редакцию / Received: 20.03.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 04.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Bouvier G., Machin D.* What gets lost in Twitter “cancel culture” hashtags? Calling out racists reveals some limitations of social justice campaigns // *Discourse & Society*. 2021. No. 32 (3). P. 307–327. <https://doi.org/10.1177/0957926520977215>
- Clark M.* DRAG THEM: A brief etymology of so-called “cancel culture” // *Communication and the Public*. 2020. № 5 (3–4). P. 88–92. <https://doi.org/10.1177/2057047320961562>
- Cook C.L., Patel A., Guisihan M. et al.* Whose agenda is it anyway: an exploration of cancel and political affiliation in the United States // *SN Social Sciences*. 2021. № 1. P. 237. <https://doi.org/10.1007/s43545-021-00241-3>

²⁵ Вернувшуюся из Франции коллекцию братьев Морозовых выставят в Пушкинском музее // Российская газета. 05.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/05/vernuvshuiusia-iz-francii-kollekciiu-bratev-morozovyh-vystaviat-v-pushkinskom-muzee.html> (дата обращения: 17.03.2023).

²⁶ Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ № 326-р от 29.02.2016 (ред. от 30.03.2018).

- Geusens F., Ouvrein G., Remen S.* #Cancelled: A qualitative content analysis of cancel culture in the YouTube beauty community // *The Social Science Journal*. 2023. <https://doi.org/10.1080/03623319.2023.2175150>
- Habermas J.* The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Herman Luchterhand Verlag, Darmstad and Neuwid, Federal Republic of Germany, 1962. 328 p.
- Lorde A.* Uses of anger: Women responding to racism // *Sister outsider: Essays & speeches*, The Crossing press. 1984. P. 124–133.
- Mueller Th.S.* Blame, then shame? Psychological predictors in cancel culture behavior // *The Social Science Journal*. 2021. <https://doi.org/10.1080/03623319.2021.1949552>
- Noelle-Neumann E.* The Spiral of Silence: A Theory of Public Opinion // *Journal of Communication*, 1974. № 24. P. 43–51. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1974.tb00367.x>
- Norris P.* Closed Minds? Is a “Cancel Culture” Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // *HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025*. August 5, 2020. 29 p.
- Pilon J.G.* America and the Cancel Culture of Fools // *Israel Journal of Foreign Affairs*. 2020. P. 1–14. <https://doi.org/10.1080/23739770.2020.1815365>
- Saldanha N., Mulye R., Rahman K.* Cancel culture and the consumer: A strategic marketing perspective // *Journal of Strategic Marketing*. 2022. <https://doi.org/10.1080/0965254X.2022.2040577>
- Velasco J.Ch.* You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. Special Conference Issue. 2020. Vol. 12, no. 5. P. 1–7. <https://doi.org/10.21659/rupkatha.v12n5.riocls21n2>
- Walker Ch., Ludwig J.* The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // *Foreign Affairs*, 2017, November 16. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power?cid=nlcfa_fatoday-20171221 (accessed: 16.03.2023).
- Whipple K.* Contextualizing the Art and the Artist: How U.S. Arts and Culture Journalists Perceive the Impact of Cancel Culture Practices and Discourses // *Journalism Practice*. 2023. <https://doi.org/10.1080/17512786.2023.2180653>

Сведения об авторах:

Рустамова Лейли Рустамовна — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России; старший научный сотрудник Дипломатической академии МИД России (e-mail: leili-rustamova@yandex.ru) (ORCID: 0000-0001-9803-9904)

Иванова Дарья Геннадьевна — студент магистратуры, МГИМО МИД России (e-mail: ivanovadashamgimo@mail.ru) (ORCID: 0009-0006-0082-3711)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454

EDN: RLVNHT

Научная статья / Research article

Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории

М.М. Мчедлова^{1,2} , О.А. Букин ¹

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, Российская Федерация

 mchedlova-mm@rudn.ru

Аннотация. Дискуссии о применимости цивилизационного подхода в политической науке коррелируют с методологическим и дискурсивным переосмыслением линейных философских и политических интерпретативных проектов. Поиск новых эпистемологических и онтологических оптик исследования политических конструкций современности во многом сфокусирован на ценностно-символических параметрах, лежащих в основе цивилизационного подхода. Цивилизационная парадигма является одной из концептуальных схем политической теории, позволяющей интерпретировать политические институты, процессы и мировую политику сквозь призму более устойчивых и глубинных факторов — ценностных систем и культуры. Становясь опознавательной основой политики и легитимирующим идейно-смысловым наполнением инструментальных стратегий, цивилизационный подход апеллирует к множественности и равноположенности путей исторического и политического становления. В политическом дискурсе соответствующими интенциями становятся сюжеты обеспечения полноты суверенитета, исторической памяти и фальсификации истории, единого ценностно-смыслового пространства, национального единства и многие другие. Точкой концентрации научного и идейно-политического поиска становится определение цивилизационного статуса России. По мнению авторов, наделение России цивилизационным статусом позволяет предлагать адекватные варианты объяснения ее социально-политической онтологии и феноменологии, устойчивых и преходящих параметров, инвариантных и инновационных характеристик. Акцент делается на метафизике российской государственности как определяемой цивилизационной спецификой.

Ключевые слова: цивилизационная теория, ценности, политика, универсальность, специфичность, государство, империя

Для цитирования: Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 445–454. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>

© Мчедлова М.М., Букин О.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russian Civilization: Civilizational Approach in Political Theory

Maria M. Mchedlova^{1,2} , Oleg A. Bukin¹

¹*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

²*Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

 mchedlova-mm@rudn.ru

Abstract. Discussions about the applicability of the civilizational approach in political science correlate with methodological and discursive rethinking of linear philosophical and political interpretive projects. The search for new epistemological and ontological optics of modern political constructions is largely focused on the value-symbolic parameters underlying the civilizational approach. The civilizational paradigm is one of the conceptual schemes of political theory, which makes it possible to interpret political institutions, processes, and world politics through the lens of more stable and deeper factors — value systems and culture. Becoming the identifying basis of politics and the legitimizing ideological and semantic content of instrumental strategies, the civilizational approach appeals to the multiplicity and equality of the paths of historical and political formation. In political discourse, the relevant intentions are the plots of ensuring the completeness of sovereignty, historical memory and falsification of history, a common value-semantic space, national unity, and many others. The point of concentration of scientific and ideological-political search is the definition of the civilizational status of Russia. According to the authors, giving Russia a civilizational status allows us to offer adequate explanations of its socio-political ontology and phenomenology, stable and transient parameters, invariant and innovative characteristics. The emphasis is on the metaphysics of Russian statehood as determined by the specifics of civilization.

Keywords: civilizational theory, values, politics, universality, specificity, state, empire

For citation: Mchedlova, M.M., & Bukin, O.A. (2023). Russian civilization: Civilizational approach in political theory. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 445–454. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>

Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории

На смену неолиберальной линейной нормативной логике глобализации и Третьей волны демократизации пришла потребность обозначения теоретических координат политической картины мира. Мощным стимулом и одновременно легитимирующим основанием поисков нового аналитического каркаса современности стала по-новому прочитываемая роль социокультурных цивилизационных особенностей как политических. Инверсия политической и ценностных сфер, создание концептуально-методологической модели изучения цивилизационных и ценностно-символических оснований политической архитектуры нового мира и нового политического нарратива, перетекла в реальную политику, поставив во главу угла статус

современной России как субъекта исторического творчества и мировой политики на основе онтологичности ценностно-символических параметров.

Цивилизационная парадигма является одной из концептуальных схем политической теории, позволяющей интерпретировать политические институты, процессы и мировую политику сквозь призму более устойчивых и глубинных факторов — ценностных систем и культуры¹. Исчерпание монополии нормативных теорий, предлагающих в качестве ориентиров и необходимых условий политического развития западные политические образцы, ценности и институты, зримо сопровождается утверждениями о равнозначности различных путей политического развития, чья специфика задается глубинными цивилизационно-ценностными параметрами. Во многом именно цивилизационный подход изменил концептуальную логику осмысления и интерпретации политики от нормативных линейных подходов к признанию альтернативности и равнозначности путей развития². Если в идеологии западной политики наиболее употребляемым является нормативное понимание цивилизации как единственного «образца», то в академическом дискурсе, теоретических моделях, предлагаемых современных политических и идеологических подходах, включая западные интерпретации современности, наиболее востребованными являются оттенки и грани цивилизационного подхода, настаивающего на многообразии путей исторического творчества и политического развития [Современная... 2019: 12–38]. В данном ракурсе актуализируется проблема устойчивости как критерия поддержания глубинной специфики ценностно-смыслового резервуара: это определяет коннотации цивилизационной идентичности как устойчивого *modus vivendi*, «порождающей грамматики» (по Ф. Броделю) в индивидуальной и коллективной проекциях.

Дискуссии о применимости цивилизационного подхода в политической науке не являются новыми, однако их эпистемологическая и мировоззренческая востребованность становится наиболее выраженной в периоды Больших разломов — познавательных, культурных, политических, когда на первый план выступает соотношение *универсального и специфического, одного и множества*. Неслучайно можно наблюдать взрывной рост

¹ Более подробно об этом см. [Современная... 2019: 12–38].

² По мнению И. Валлерстайна, «мы должны признать специфический характер произведенного Европой переустройства мира» [Валлерстайн 2004: 247]. Подобное понимание послужило методологическим фундаментом признания культурного многообразия как основ политических стратегий и разнообразия как онтологического основания политической реальности. Развитие данного направления получило в работах Ш. Эйзенштадта, пытающегося обосновать многообразие путей становления современной цивилизации. Эвристический потенциал концепции множественности модернизмов Ш. Эйзенштадта [Эйзенштадт 2003] во многом представляется определенным синтезом линейных интенций и плюралистической несводимости современности к единому основанию. Особое звучание приобретает ценностно-культурная проекция понимания смысла политических преобразований в обществах, относящихся к различным цивилизационным традициям, а также механизмов и технологий мировой политики.

интереса к проблематике политической теологии как легитимирующей политические универсалии современности [Kidwell 2019: 1–14]. Политизация цивилизационной парадигмы отражается и в логике содержательной эволюции данного подхода: видоизменение познавательных нюансов цивилизационной теории и самой идеи цивилизации опосредуются трансформациями параметров социально-политического процесса. Взаимное наложение данных контекстов стало отправной точкой для того, чтобы новые политические смыслы цивилизационной теории определили смену познавательных акцентов: от линейной универсальности и нормативности к плюралистической актуализации самобытности, идентичности, традиции. Смещение понятийного инструментария и связанных с ним референтов в пространство и проблематику национальной безопасности указывает на политическую и социальную предельность, описываемую данными понятиями.

В политическом дискурсе соответствующими интенциями становятся сюжеты обеспечения полноты суверенитета, исторической памяти и фальсификации истории, единого ценностно-смыслового пространства, национального единства и многие другие. Это становится полем специфической идейной и политической конкуренции, воспроизводящей ключевые параметры традиционной аргументации «западников» и «славянофилов» уже в глобальном масштабе. Точкой концентрации дискуссии является определение статуса России как субъекта исторического творчества, как цивилизации.

Исходя из определения и переопределения цивилизационного статуса России — от отождествления с европейской моделью до полного отказа в цивилизационном статусе³, можно констатировать конкуренцию и альтернативы теоретических подходов и, соответственно, ценностно-политических коннотаций национального проекта.

С нашей точки зрения, цивилизационные параметры исследования России позволяют охватить широкое полотно фактов и объяснительных схем, способных предложить многосторонний учет всех факторов специфики российского пути развития, поскольку цивилизационный анализ предполагает вычленение — при всех идеологических и социальных различиях — именно глубинных факторов, архетипических черт, долговременных признаков (культурных, религиозных, духовных, этнических характеристик, исторические традиций, особенностей ментальности и т.д.). Наделение России цивилизационным статусом позволяет предлагать адекватные варианты объяснения ее социально-политической онтологии и феноменологии, устойчивых и преходящих параметров, инвариантных и инновационных характеристик, а современные трактовки логики и направленности исторического развития позволяют преодолевать дихотомию

³ Подробнее о различных подходах к определению российской цивилизации см [Мчедлова 2011]

«традиционное / современное». В ценностно-политической проекции это проявляется в статусе и роли государства⁴ как смыслозадающего института, обладающего функцией исторического целеполагания. Государство выступает не как чисто функциональный институт, но еще как инстанция, задающая «соборное» понимание смыслового наполнения «национального проекта»: государство должно указывать на определенную систему смыслов и целей, что закреплено в национальном сознании, имеющем глубокие исторические корни. Можно предположить, что *метафизика российской государственности предполагает наличие авторитарного и соборного идеалов*: авторитарный идеал основан на абсолютизации верховной власти; соборный идеал служит одним из оснований формирования власти и управления: представителями власти могут выступать различные коллективы и группы, воспринимаемые обществом как выразители народной воли. Так как тип государственности не является априорно заданным фактором, в России установилась та форма государственности, которая наиболее адекватно отвечала конституирующим принципам социального существования: *имперский тип институционализации*. Данный способ политической организации в жестко конкурентной геополитической среде, принуждавшей постоянно отстаивать силой право на независимость, представлял собой единственный шанс «самоподдержания национального тела» и заключался в централизации и консолидации власти, которые обеспечивались в том числе спецификой взаимоотношений между государством и церковью. Подобного мнения придерживался И.А. Ильин: «Если принять во внимание данные русской истории — пространство, равнинность, большую отдаленность населенных пунктов один от другого, национальную и культурную дифференциацию, постоянную вынужденность вести войны, татарское иго... то сразу же бросается в глаза, что у русских были достаточно веские основания... прибегнуть к централистски-объединительной авторитарной форме...» [Ильин 1996: 576].

Насколько тип государственности является цивилизационно опосредованным для России, можно ли провести параллели с европейскими империями? Что доказывает хромомерность ключевых исторических и политических событий: простое совпадение, общую логику политического становления или акцептацию различий? Встраивается ли Россия в ход европейской истории, либо ее цивилизационная уникальность определяет специфику политической логики институционализации государственности, позволившей верховной власти

⁴ Патерналистские традиции общинности, огромные, в значительной мере малонаселенные пространства, наличие десятков этносов с самобытной культурой, отсутствие стабильных экономических рыночных связей и правовых отношений, недостаточное развитие дорог, транспортных средств, распространение среди местных элит сепаратистских настроений, навыков и психологии удельных правителей («моя вотчина»), при которых стерты границы между властными и имущественными полномочиями: причины потребности в сильном централизованном государстве.

в XXI в. говорить о России как «государстве-цивилизации»⁵ в параметрах мирового порядка.

Для выявления общего и особенного в цивилизационном развитии мы постараемся провести сравнительный анализ историко-политического и ценностного развития двух социокультурных образований, породивших имперскую форму государственного строительства — России и Великобритании⁶. Россия и Великобритания — два совершенно различных государства, которые, однако же, смогли подчинить или вобрать в себя огромные территории, создав две самые большие империи своего времени. И начнем мы их сравнение с простого — с их географических характеристик.

Определенную важность природно-географических характеристик для стран и народов, в них проживающих, обозначил еще Шарль Луи Монтескье в своей работе «О духе законов», вышедшей в 1733 г. [Монтескье 1999: 198–201]. Можно соглашаться или нет с Ш.Л. Монтескье по вопросу о степени значимости влияния климатических факторов на жизнь и развитие разных человеческих сообществ, но нам представляется, что его полное игнорирование было бы неосмотрительным.

Главная особенность географического положения Великобритании, значительно повлиявшая на всю ее историю, — ее островное, изолированное положение, дающее приоритет безопасности. В совсем иных условиях формировалось Российское государство. Благодаря тому, что территория эта не имеет каких-либо значимых природных барьеров, русское государство с самого своего начала столкнулось с внешней агрессией, которая шла с востока, юга и запада. Таким образом, можно констатировать, что и Россия, и Великобритания занимали и занимают пограничные территории Европы, но территории эти совершенно разные. Однако климатическое или географическое сравнение, несмотря на ее значимость, не исчерпывает политические сравнения двух стран.

В 1066 г. произошло событие, изменившее ход истории: Нормандское завоевание Вильгельмом I Завоевателем (1066–1087 гг.) оказало огромное влияние на общественную, культурную и политическую жизнь всей страны: была принесена континентальная политико-правовая и экономическая система, страна стала более централизованной, английский язык сильно изменился под влиянием языка французского, что означало смену культурной матрицы, а сама Британия была вовлечена в континентальную систему международных отношений того времени. Необходимо отметить, что это завоевание заложило основы для длительных англо-французских противоречий, которые в дальнейшем вылились в ряд военных конфликтов, наиболее серьезным из которых стала Столетняя война [Дюпюи 2004: 22]. Политическим достижением стало принятие в XII в.

⁵ См. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации (сайт). URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 11.05.2023).

⁶ Идея данного сравнения принадлежит одному из авторов статьи, ассистенту кафедры сравнительной политологии РУДН им. П. Лумумбы О.А. Букину.

Великой хартии вольностей (*Magna Carta*), оказавшей большое влияние на специфику британской и, шире, европейской политической системы и культуры, часть ее положений действует до сих пор в рамках некодифицированной британской конституции. Отметим, что именно Нормандское завоевание смогло создать единое политическое целое, ставшее впоследствии национальной английской монархией.

Норманнская теория происхождения русского государства и политической власти является точкой пересечения академических и идейных дискуссий, концентрирующихся вокруг определения сущности российской цивилизации. Некоторые исследователи (начиная с М.В. Ломоносова) даже придерживаются крайнего мнения, что Рюриковичи не были германцами. Однако консенсусные и неконсенсусные факты предполагают и другие версии. Масштаб и значимость Монгольского нашествия на Русь по своему историческому значению для страны можно сравнить с нормандским завоеванием Британии. Следствием монгольского завоевания стало отмежевание политического и экономического развития Руси от стран Западной Европы. Это обусловило специфику политического развития самостоятельной российской государственности, четко проявившуюся во время правления Ивана III (1462–1505 гг.). Именно в его правление был построен современный Московский Кремль — символ концентрации политической власти. Тогда же был принят государственный герб, привнесенный из Византии и легитимировавший российскую государственность. В тот же период были заложены основы теории цивилизационной политической преемственности Московского княжества от самого Рима, которая в дальнейшем стала известна под названием «Москва — третий Рим».

Таким образом, несмотря на разницу между Нормандским и Монгольским нашествиями на Британию и Русь, главное их последствие было одинаково: укрепление и обеспечение единства государства, но в одном случае — благодаря завоеванию, а в другом — вопреки ему.

Можно провести параллель между событиями правления Генриха VIII Тюдор (1509–1547 гг.) и Ивана Грозного (1547–1584 гг.), во время которых имперскость как принцип государственности стала отчетливо проявляться. Противоречия между Генрихом VIII и Ватиканом привели к разрыву отношений между Англией и Католической церковью, в результате которого был принят «Акт о супрематии» 1534 г., в котором английский король признавался единственным земным главой Английской церкви, подчиняющимся только Богу. В этом же документе упоминается и словосочетание «*imperial crown*» (императорская корона), что можно трактовать как приравнение статуса английского короля к титулу императора. В дальнейшем независимая Англиканская церковь стала одним из оснований суверенитета страны.

Царский титул Ивана IV Грозного не только приравнивал московского государя к императору, но и легитимировал право на власть и сам характер власти историческим и династическим правопреемством от римской империи. При Иване IV, несмотря на его набожность, четко проявились две тенденции: подчинения церкви государству и создание автокефальной церкви.

Еще одна историческая параллель — события Русской смуты и Английской революции XVII в., ставшие трагическими и в то же время судьбоносными с точки зрения политического развития и цивилизационного позиционирования обеих стран. Но если Англии они принесли дальнейшее экономическое и политическое развитие и ограничение власти короля, то России — значительную экономическую отсталость и консолидацию и централизацию власти.

Если сравнивать правителей России и Англии Петра I и Вильгельма III, то, несмотря на их определяющую роль в становлении мощи и величия своих стран, проявляется и их серьезное различие. Так, политику Вильгельма III можно рассматривать как направленную на определенную демократизацию: во время его правления были приняты такие важные для развития либеральной западной парадигмы политического развития документы, как «Билль о правах» (1689 г.) и «Акт о веротерпимости» (1689 г.). Петр I проводил политику модернизации страны чрезвычайными мобилизационными методами, сделав власть царя безграничной, включая подчинение церкви государству, но при этом он менял логику царской власти — от отношения к стране как собственной вотчине к служению государству как общему благу. Последнее стало ценностью цивилизационного порядка в России.

В XIX в. обе империи становятся самыми большими государствами мира, занимая по этому показателю первое и второе места. Несмотря на такие значительные территориальные приобретения, в обоих случаях достижение этого политического качества было продиктовано различными целями: у Великобритании — экономической выгодой, у России — жизненной необходимостью. Соответственно и отношения «метрополия — колонии» были диаметрально противоположными, включая алгоритмы межкультурного взаимодействия: монологично односторонними от колоний в центр в Великобритании и диффузными в России, что позволило определить ее как «империю наоборот». Поток различных ресурсов шел из центра на присоединяемые территории при инкорпорации новых этнических, религиозных и политических систем в единое культурно-политическое пространство.

Итогом нашего краткого и достаточно мозаичного исторического экскурса является вывод, что Россия и Великобритания, несмотря на схожесть определенных сюжетов политического развития и их хрономерность, противоположны по политическим сущности и методам, и по ценностно-политическим императивам и даже по конкретным стратегиям имперского оформления. Однако ответ на поставленный нами исследовательский вопрос о цивилизационных различиях как основании политической диверсификации при схожих историко-политических вехах будет зависеть от системы эпистемологических координат: ведь «географически и биологически не так трудно провести западную границу России... вряд ли так же легко и просто разделить Россию и Европу в духовно-исторической динамике» [Флоровский 1998: 334–335]. Эта трудность в различении ставит перед соблазном либо обвинить Россию в отсталости от обрзаца, либо перечеркивать ее самостоятельность, проявляющуюся в том числе в смыслополагающем статусе государства и альтернативных механизмах

межкультурного взаимодействия в рамках имперских координат. Не случайно Н.Я. Данилевский отмечал, что самобытность исторического опыта России дает повод сомневаться в целесообразности принятия западноевропейских стандартов политико-экономического и культурного развития [Данилевский 2021: 57]. Можно согласиться с мнением О. Шкаратана, что «признание параллельного развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия. Ценностные же системы, задающие саморазвитие социальным организмам, свойством универсальности не обладают» [Шкаратан 2002: 46].

Заключение

Концептуализация поставленных вопросов, актуализация социокультурной онтологии фиксирует не только отход от линейной логики политических теорий и прагматики, но и генерацию новых объяснительных моделей современности, несводимых к нормативной институциональной детерминированности и квантифицируемым оценкам соответствия/несоответствия устройению, принимаемому за образец. Соотношение универсальности и специфичности как формулирующее оптику исследования политики ценностно-символических оснований, имплицитующих изменения теоретических подходов, идейных дискурсов, политических практик и институциональных структур, проецируется в концептуализации российской цивилизации. Выбор геополитической и цивилизационной ориентации во многом определяет не только вектор внешней политики нашей страны, но и общее направление ее внутренних социально-политических процессов, а также само ее существование.

Поступила в редакцию / Received: 29.02.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 13.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Родина, 2021.
- Дююи Р.Э., Дююи Т.Н. Все войны мировой истории по Харперской энциклопедии военной истории. Книга 2. 1000–1500 гг. СПб.: АСТ, 2004
- Ильин И.А. О русской культуре // Собрание сочинений: в 10 т. Том 6. Книга 2. М.: Русская книга, 1996.
- Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999
- Мчедлова М.М. Российская цивилизация: координаты интерпретации в новых реалиях // Слово.ру: Балтийский акцент. 2011. № 3–4. С. 27–39
- Современная политическая наука: методология: научное издание / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019.
- Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М.: 1998.

- Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. Социология. Этнология. 2002. № 3. С. 44–61.
- Eisenstadt S.N. *Comparative civilizations and multiple modernities: [a coll. of essays]*. Leiden; Boston: Brill, 2003
- Kidwell J.H. *Re-Enchanting Political Theology // Religions*. 2019. Vol. 10. (10): 550. <https://doi.org/10.3390/rel10100550>

References

- Danilevsky. N.Y. (2021). *Russia and Europe*. Moscow: Rodina. (In Russian).
- Dupuis, R.E., & Dupuis, T.N. (2004). *All the wars of world history by Harper's Encyclopedia of military history. Book 2. 1000–1500*. St Petersburg: AST. (In Russian)
- Eisenstadt, S.N. (2003). *Comparative civilizations and multiple modernities: [a coll. of essays]* Leiden; Boston: Brill.
- Florovsky, G.V. (1998). Eurasian temptation. In Florovsky G.V., *From the past of Russian thought*. Moscow. (In Russian)
- Ilyin, I.A. (1996). On Russian culture. In Ilyin I.A., *Collected Works in 10 Volumes Volume 6. Book 2*. Moscow; Russian book. (In Russian)
- Kidwell, J.H. (2019). Re-Enchanting Political Theology. *Religions*, 10(10), 550. <https://doi.org/10.3390/rel10100550>
- Mchedlova, M.M. (2011). Russian civilization: The coordinates of interpretation in new realities. *Slovo.ru: Baltic Accent*, (3–4), 27–39. (In Russian)
- Gaman-Golutvina, O.V., & A.I. Nikitin (Eds.). (2019). *Modern Political Science: Methodology*. Moscow, Aspect Press. (In Russian)
- Montesquieu, S.L. (1999). On the spirit of laws. Moscow: Musl' (In Russian).
- Shkaratan, O.I. (2002). Information economy and the ways of development of Russia. *Universe of Russia. Mir Rossii*, (3), 44–61. (In Russian)
- Wallerstein, I. (1999). *The end of the world as we know it: Social science for the twenty-first century*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Сведения об авторах:

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе», Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru).(ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Букин Олег Алексеевич — аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: bukin-oa@rudn.ru).(ORCID: 0000-0001-5329-2340)

About the authors:

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Sciences, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Chief Researcher of the Center 'Religion in Contemporary Society', Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Oleg A. Bukin — Postgraduate in the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: bukin-oa@rudn.ru).(ORCID: 0000-0001-5329-2340)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-455-470

EDN: RORQQF

Научная статья / Research article

Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа

О.Е. Сорокопудова^{1,2} , Д.В. Миронов^{1,2}

¹Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 srkpdv@gmail.com

Аннотация. Исследование исторических и аксиологических основ российской государственности напрямую связано с проблемами национальной и гражданской идентичности и отвечает задаче обеспечения и защиты политического суверенитета и национальной независимости. На основании анализа большого корпуса сочинений отечественных мыслителей, писателей, поэтов, религиозных и государственных деятелей XIX в. было реконструировано содержание таких базисных ценностей, как «свобода», «правда» и «справедливость», которые сохраняли свое значение на протяжении всей истории России, однако содержательно трансформировались в общественном идейно-политическом дискурсе. Исследование источников проводилось на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В общей сложности была проведена работа с более чем 7500 документами, созданными в период 1801–1900 гг. Основными методами исследования помимо общенаучного методологического аппарата стали контент-анализ и политико-текстологический анализ. Понятие «свобода» было значимо на протяжении почти всей истории России, в XIX в. к разным ее аспектам обращались не только мыслители и общественные деятели самых разных идеологических направлений, но и публицисты, поэты и литераторы. Характерно, что правовое, рационалистическое понимание свободы почти у всех исследованных авторов этого периода сопрягалось с нравственным и даже религиозным содержанием. Понятие «правда», несмотря на то что в XIX в. употреблялось в своем сущностном значении гораздо реже, чем в предыдущие века, все равно сохраняет свое важное аксиологическое значение в отечественной интеллектуальной традиции и представляет собой сложный нравственно-социальный идейный комплекс. «Правда» как социально-политическое

© Сорокопудова О.Е., Миронов Д.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

понятие совмещает в себе как ценности и смыслы православного праведного образа жизни каждого отдельного человека, так и принципы и цели истинного справедливого общественного и государственного устройства. Понятие «справедливость» наравне с правдой и свободой является краеугольным камнем российского представления об идеальном общественном и государственном устройстве. Спецификой отечественного идейно-политического дискурса является то, что понятие справедливости неразрывно связано как с личностью, так и с обществом и государством, получая нравственное обоснование необходимости следования этому принципу каждым, прежде всего, во имя общего и затем, как следствие, во имя собственного блага.

Ключевые слова: свобода, правда, справедливость, духовно-политические ценности, аксиологические основы, российская государственность

Для цитирования: *Сорокопудова О.Е., Миронов Д.В.* Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 455–470. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-455-470>

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта № FZNF-2022-0004 «Аксиологические основы российской государственности: история и современность», реализованного в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Study of the Axiological Foundations of Russian Statehood: Prospects for the Application of Politico-Textological Analysis

Olga E. Sorokopudova^{1,2} , Denis V. Mironov^{1,2}

¹*State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,*

 srkpdv@gmail.com

Abstract. The study of the historical and axiological foundations of Russian statehood is directly related to problems of national and civic identity and addresses the task of ensuring and protecting political sovereignty and national independence. Based on the analysis of a large corpus of works by Russian thinkers, writers, poets, religious and state figures of the 19th century, the content of such basic values as “freedom”, “truth” and “justice” was reconstructed, which maintained their significance throughout the history of Russia, but were substantively transformed in the public ideological-political discourse. The research was conducted based on the database of the National Corpus of the Russian Language (NCRL). In total, work was done with more than 7500 documents created during the period from 1801 to 1900. The main research methods, in addition to the general scientific methodology, were content analysis and politico-textological analysis. The concept of “freedom” was significant throughout almost the entire history of Russia, and in the 19th century, various aspects of it were addressed not only by thinkers and public figures of different ideological orientations, but also by publicists, poets, and writers. Interestingly,

the legal and rational understanding of freedom was almost always combined with a moral and even religious content in the works of the authors of this period. The concept of “truth”, despite being used in its substantive sense much less frequently in the 19th century than in previous centuries, still retains its important axiological value in the Russian intellectual tradition and represents a complex moral-social ideological complex. “Truth” as a social-political concept combines both the values and meanings of the Orthodox righteous way of life of each individual and the principles and goals of a truly just social and state system. The concept of “justice” is a cornerstone of the Russian vision of an ideal social and state structure, along with truth and freedom. The specificity of the domestic ideological-political discourse of the 19th century is that the concept of justice is inseparably linked with both the individual and society and the state, receiving moral justification for the necessity of following this principle first and foremost in the name of the common good, and then, as a consequence, in the name of one’s own well-being.

Keywords: freedom, truth, justice, spiritual and political values, axiological foundations, Russian statehood

For citation: Sorokopudova, O.E., & Mironov, D.V. (2023). Study of the axiological foundations of Russian statehood: Prospects for the application of politico-textological analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 455–470. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-455-470>

Acknowledgements: The article was prepared as part of the project No. FZNF-2022-0004 “Axiological foundations of Russian statehood: history and modernity” implemented at the State Academic University for the Humanities based on the results of the selection of scientific projects conducted by the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation and the EISI.

Введение

Одной из принципиальных задач сохранения и развития российской государственности во все времена является обеспечение и защита политического суверенитета и национальной независимости. В нынешних условиях очевидно, что эта задача напрямую связана с сохранением исторической памяти и национально-гражданской идентичности, которая опирается на комплекс базисных идеалов и ценностей [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021a], основанных на собственном историческом опыте, но вбирающих в себя все положительные новшества, которые несет с собой социальный, информационный и технологический прогресс. В этой связи особенно актуальным является изучение исторических и аксиологических основ российской государственности как фактора устойчивого развития и посткризисного восстановления России [Селезнева, Антонов 2020].

В качестве материала для анализа был взят большой корпус сочинений отечественных мыслителей, писателей, поэтов, религиозных и государственных деятелей XIX в., который является одним из самых значительных по интенсивности и разнообразию в отечественной интеллектуальной истории, что позволило увидеть различные формы проявления аксиологических основ российской государственности — на примере понятий «свобода», «правда» и «справедливость».

Сохранение их ценностного потенциала и на современном этапе позволяет сделать вывод о существовании этих ценностных понятий на протяжении всей многовековой истории отечественной государственности.

Исследование источников проводилось на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) [Национальный корпус]. В общей сложности была проведена работа с более чем 7500 документами, созданными в данный исторический период (1801–1900), в которых использовались слова «свобода», «правда», «справедливость». Так, понятие «свобода» встречалось в 2012 документах основного корпуса и 1305 документах поэтического корпуса; понятие «правда» — в 2759 и 383 соответственно; понятие «справедливость» — в 1070 и 11 соответственно. Основными методами исследования помимо общенаучного методологического аппарата являлись контент-анализ и политико-текстологический анализ¹.

Следует отметить, что, несмотря на то, что в большей части текстов указанные слова использовались как фигуры речи, устоявшиеся фразеологизмы или вводные слова и не имели какого-либо специфического идейно-политического содержания, проведенный анализ тем не менее позволил выделить большие смысловые блоки, характеризующие содержание общественного идейно-политического дискурса этого периода.

Понятие «свобода» в идейно-политическом дискурсе XIX в.

«Свобода» как ценность — наиболее многозначное понятие, на протяжении всего XIX в. она почти постоянно становилась предметом рассуждения представителей отечественной интеллектуальной мысли всевозможных направлений, общественных деятелей, писателей и поэтов. Свободу рассматривали и применительно к конкретному правовому обеспечению прав человека, и как предельно философскую категорию. При этом давно отмечено, что отечественная литература и социально-политическая мысль очень философичны по своей природе, не столько интересуясь утилитарным и преходящим, сколько оценивая любое явление сквозь призму вечности. Актуальность политико-текстологического исследования отечественной интеллектуальной мысли прошлого сегодня становится особенно очевидна, когда встает необходимость анализировать ценностное измерение современных политических процессов в контексте цивилизационной специфики России [Селезнева 2020].

Так, в мировоззрении русского человека с XIX в. уже вполне прижились и обоживались рационалистические трактовки прав и свобод человека, воспринятые еще от эпохи Просвещения, как фундаментальные для основания желательного общественного устройства. О свободе в политическом и гражданском отношении

¹ Метод давно доказал свою эффективность и широко применяется в рамках научной школы кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Подробнее об этом см.: [Ширинянц 2016, Вестник МГУ].

писал М.М. Сперанский². Гражданские свободы гарантировали в своих социально-политических проектах декабристы П.И. Пестель³ и Н.М. Муравьев⁴.

Свободу как один из самых существенных элементов общественного благосостояния и политического могущества рассматривал Б.Н. Чичерин⁵. Прямая взаимосвязь между реализацией свободы и политической властью была для него очевидна. И при этом Чичерин прекрасно понимал, в какой форме возможна действительная и истинная реализация свободы в России: «Из самого существа дела вытекает и то, что для России идеалом представительного устройства может быть только конституционная монархия. Из двух форм, в которых воплощается политическая свобода, ограниченная монархия и республика, выбор для нас не может быть сомнителен. Монархическая власть играла такую роль в истории России, что еще в течение столетий она останется высшим символом ее единства, знаменем для народа. Долго и долго еще она сохранит первенствующее значение в государственных учреждениях. Единственное, о чем позволительно у нас мечтать, это приобщение к ней народного представительства, облеченного действительными, а не мнимыми правами»⁶.

Классическое понимание свободы как правового положения граждан в государстве выразил, например, общественный деятель и публицист В.А. Гольцев: «Свобода личности в деле веры, мысли и слова, ее неприкосновенность, при ответственности перед законом, судом и общественным мнением — вот главное основание, на котором должно покоиться правильное общественное устройство. Ответственность перед законом всех, без изъятия, носителей власти, как правительственных, так и общественных, при возможности для каждого обиженного искать перед независимым судом восстановления своего нарушенного права, — вот надежное средство для охранения свободы и правильного развития личности»⁷. Безусловно, вряд ли найдется кто-либо и сегодня, кто бы стал оспаривать ценность подобных установлений государственного порядка.

Однако рационалистическое понимание свободы в отечественном идейно-политическом дискурсе сочетается с духовно-нравственным осмыслением этого явления. Помимо обоснования необходимости расширения пределов свободы человека в обществе и государстве, установления свободы печати,

² *Сперанский М.М.* Еще нечто о свободе и рабстве // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2011.

³ *Пестель П.И.* Русская правда // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2011.

⁴ *Муравьев Н.М.* Конституция // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2011.

⁵ *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма: антология. М.: Канон, 1997.

⁶ *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма: антология. М.: Канон, 1997. С. 56.

⁷ *Гольцев В.А.* Внутреннее обозрение [январь] // Русская мысль. 1881. № 1.

передвижения, занятий, владения имуществом и т.д. в интеллектуальной мысли России XIX в. происходил одновременный анализ истинных основ, перспектив и последствий этого «освобождения», особенно в контексте специфики нашей национальной истории. Следует отметить, что все эти аспекты понимания свободы как ценности в XIX в. сохраняют свое актуальное значение и в современной гражданской и политической практике [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021b].

Свободу как единственный способ морального освобождения и нравственного совершенствования русского человека, веками скованного страхом и гнетом, рассматривал, например, М.А. Бакунин, поскольку она облагораживает и возвышает его⁸, а Н.Г. Чернышевский рассуждал о границах власти государства над личностью и условиями общего прогресса⁹.

Однако многие авторы неоднозначно относились к свободе, ставя под сомнение ее априорную ценность как для личности, так и государства. Так, например, М.Е. Салтыков-Щедрин указывал на то, что свобода в общественной дискуссии выступает не столько как содержательное понятие, сколько как некие рамки действия, а значит, служить целью сама по себе она не может. «Свобода, как принцип, действительно признается всеми, и все партии охотно пишут это слово на своем знамени, потому что привлекательность его освящена преданием. Но те же партии очень хорошо понимают и его растяжимость и знают, что оно ровно ни к чему не обязывает. Свобода в этих случаях принимается как нечто отвлеченное, совершенно независимое от того содержания, которым она наполняется»¹⁰.

Об опасности вольной трактовки свободы предупреждали многие мыслители, поскольку они чутко уловили, что понятие свободы очень часто означает не столько независимость, сколько произвол. Это прекрасно иллюстрирует известный афоризм В.О. Ключевского: «Под свободой совести обыкновенно разумеется свобода от совести»¹¹. О том, что для полноценного и созидательного проявления свободы человека нужны четкие рамки и границы, писал, например, Н.К. Михайловский. «Свобода не значит распушенность <...> Это не свобода, ежели я ежеминутно могу оказаться во власти какой-нибудь непредвиденной комбинации обстоятельств. Флюгера на вид очень свободны, вертятся и вправо, и влево, но ведь они повинуются малейшему дуновению ветра, а когда „безоблачно небо, нет ветра с утра, — в большом затруднении торчат флюгера: уж как ни гадают, никак не добьются, в которую сторону им повернуться“». Свободное отношение к явлениям жизни возможно, напротив, лишь тогда, когда

⁸ Бакунин М.А. Исповедь // Собрание сочинений и писем 1828–1876 / подред. Ю.М. Стеклова. Т. 4. М., 1935. С. 135.

⁹ Чернышевский Н.Г. Экономическая деятельность и законодательство // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1986.

¹⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Один из деятелей русской мысли // Собр. соч.: в 20 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1970. С. 148.

¹¹ Ключевский В.О. Записная книжка // Сочинения: в 9 т. Т. IX: Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990.

в человеке сложились убеждения, достаточно прочные, чтобы противостоять временным и случайным дуновениям, чтобы всякий факт, ничтожный, заурядный или крупный, радостный, возмутительный или безразличный, нашел свое место в системе убеждений»¹².

Особое внимание авторы уделяли возможностям влияния на общество свободной печати, при этом многие указывали на очевидные опасности скорой и неконтролируемой свободы слова. Так, Б.Н. Чичерин писал: «Свобода печати, главным образом периодической, которая одна имеет политическое значение, необходима там, где есть политическая жизнь; без последней она превращается в пустую болтовню, которая умственно развращает общество. Особенно в среде мало образованной разнузданная печать обыкновенно становится мутным потоком, куда стекаются всякие нечистоты, вместилищем непереваренных мыслей, пошлых страстей, скандалов и клеветы. Это признается самими либеральными западными публицистами, беспристрастно наблюдающими явления жизни. В России периодическая печать в огромном большинстве своих представителей явилась элементом разлагающим; она принесла русскому обществу не свет, а тьму»¹³.

Для отечественной традиции характерно и осознание свободы человека не через индивидуализм и рационализм, а через религиозно-нравственное мировосприятие — как обязанность и ответственность по отношению к другому. В этом отношении интересны суждения К.Н. Леонтьева о том, что свобода может не столько способствовать развитию и прогрессу, сколько препятствовать, являясь «противоосновным» состоянием для России: «Все, что усиливает личную свободу (т.е. своеволие) большинства, не есть основа, а большее или меньшее расшатывание основ»¹⁴.

Неслучайно К.С. Аксаков разводит понятия политической и нравственной свободы, утверждая, что русский народ «негосударственный», он не хочет и не стремится к политической свободе, сознательно вверяя ее в руки власти, а взамен требуя себе свободы нравственной, «свободы жизни и духа»¹⁵ (мысли и слова). Именно в этом, по мнению Аксакова, главное отличие русской истории и западноевропейской, и это нужно учитывать, стремясь непременно прибавить к общеевропейскому прогрессу.

Особенно актуально и злободневно выглядят сегодня рассуждения о свободе как национальном и политическом суверенитете. О свободе выбирать собственный путь развития, без оглядки на «общепризнанный» образец, писал в свое время, например, поэт П.А. Вяземский: «Послушать, век наш — век свободы! /

¹² Михайловский Н.К. Н.В. Шелгунов // Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. С. 322.

¹³ Чичерин Б.Н. Задачи нового царствования // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Том I. М.: Государственное издательство, 1923.

¹⁴ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Восток, и Славянство. М.: Республика, 1996.

¹⁵ Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Русская социально-политическая мысль. 1850-860-е годы: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 55–57.

А в сущность глубже загляни: / Свободных мыслей коноводы / Восточным деспотам сродни. / У них два веса, два мерила, / Двоякий взгляд, двоякий суд. / Своим дается власть и сила, / Своих наверх — других под спуд! / У них на все есть лозунг строгий / Под либеральным их клеймом: / Не смей идти своей дорогой, / Не смей ты жить своим умом!»¹⁶.

И, конечно, самым концентрированным, драматичным суждением о свободе в XIX в. стала «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского, которого по праву считают «выразителем» загадочной русской души: «Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда — ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе, — и это кто же: тот, который пришел отдать за них жизнь свою! Вместо того чтоб овладеть людскою свободой, ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека вовеки!»¹⁷.

Таким образом, для отечественного идейно-политического дискурса ценность свободы значима на протяжении почти всей истории, к разным ее аспектам неизменно обращались не только мыслители и общественные деятели самых разных идеологических направлений, но и публицисты, поэты и литераторы. Примечательно, что политическое, правовое, рационалистическое понимание свободы почти у всех исследованных авторов сопрягается с нравственным и даже религиозным содержанием, что характеризует в том числе и современный общественный дискурс о свободе.

Понятие «правда» в идейно-политическом дискурсе XIX в.

Следующим важным ценностным компонентом российского общественно-политического сознания можно выделить понятие «правда». Несмотря на то, что в XIX в. понятие «правда» употребляется в своем содержательном значении гораздо реже, чем в предыдущие века, — в большинстве изученных документов оно используется как фигура речи, частица или вводное слово, тем не менее аксиологическое содержание «правды» сохраняется. Можно реконструировать сохраняющийся аксиологический комплекс понятия «правда», содержащий при этом внутреннюю драматичность и изначальный конфликт. Так, в общественном сознании сохраняется идея о существовании двух «видов» правды — Небесной и Земной, однако они отнюдь не являются равноценными. Истинной и непреходящей правдой является Царство Божие. Эта правда вечная, а значит, это единственный и абсолютный ориентир для человека и общества во все времена. Это

¹⁶ *Вяземский П.А.* «Послушать — век наш век свободы...» // Стихотворения. Л., 1986. С. 360.

¹⁷ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 286.

отражается даже в устойчивых выражениях и народных пословицах: «все на свете минется, опять-таки одна только правда останется»; «ложью, как хошь верти, а правде путь один»¹⁸.

Земная правда выступает подчиненной небесной, в идеальном случае она является отражением правды Божией на земле, насколько это возможно в несовершенном земном мире, земная правда преходяща, зависит от многих условий и может лишь в большей или меньшей степени соответствовать правде Божественной.

Земная правда как высшая ценность общественной жизни складывается из двух составляющих. Прежде всего это необходимость соответствия Божественной правде государственного устройства, которое оценивается как раз по степени его приближения к идеалу православного общежития в мире и согласии. Так, М.М. Сперанский писал: «Законы суть правда, по коим силы государственные действуют к охранению лица, чести и имущества народного. Чтоб законы были неподвижны, нужно, чтоб пределы сил правительства были непременно ограничены»¹⁹. Власть воспринимается в общественном сознании как охранительница и гарант существования божественной справедливости в обществе. Именно этот смысл отражает название самого известного свода правовых норм Киевской Руси, призванного установить и зафиксировать единые представления о земной справедливости в государственном масштабе — Русская Правда. И неслучайно уже в XIX в. революционер и декабрист П.И. Пестель дает такое же название своей социально-политической программе, отсылая тем самым к сущностному представлению русского человека об идеале общественного устройства. Он так определяет цель и действие своей «Русской Правды»: «верховная Всероссийская грамота, определяющая <...> коренные правила и начальные основы, долженствующие служить неизменным руководством при сооружении нового государственного порядка и составлении нового Государственного уложения»²⁰.

Второе всенепременное условие существования земной правды — усилия собственно человека, собственной свободной волею каждый раз избирающего праведный образ мыслей и действий. Отражением этой нравственной силы «правды народной» явился, по мнению В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевский, поскольку всем своим творчеством он доказывал мысль о том, что «общественная правда не выдумывается отдельными умами, а коренится во всенародном чувстве, и, наконец, он понял, что эта правда имеет значение религиозное и необходимо связана с верой Христовой, с идеалом Христа»²¹.

¹⁸ Максимов С.В. Крылатые слова: избранное. М.: Сов. Россия, 1981.

¹⁹ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Проекты и записки. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 41.

²⁰ Пестель П.И. Русская правда // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 193.

²¹ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения: в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 298–299.

Общественная правда — это нечто отличное от истины и формальной справедливости, что отражает цивилизационную специфику России и русско-го политического сознания до сих пор, несмотря на рационализм и прагматизм современного времени. Внутренняя правда находится в душе каждого человека, это совесть как голос Бога, который хотя и возможно заглушить требованиями разума, но невозможно полностью уничтожить. Именно поэтому в интеллектуальной мысли России XIX в. приоритет отдается именно «правде сердца», которая и выше и чище требований разума. Соловьев пишет, например, о том, что истинная правда постигается не умом, а чувством, и состоит она прежде всего в жалости или сострадании: «Правда, что другие существа подобны мне, и справедливо, чтобы я относился к ним так же, как к себе»²². Место «обитания» человеческой правды — сердце: «Нельзя жить, чтобы сердца не слушаться; оно есть то самое место, где настоящая правда. Недаром говорится пословица: „Что бог на сердце положит!“ Оно как стрелка в часах указывает, что в человеческой душе»²³.

И в этом обнаруживается принципиальная драма человеческого существования в христианском мировосприятии, которую очень лаконично выразил с своим стихотворении Д.С. Мережковский: «Мы же лгать обречены: / Роковым узлом от века / В слабом сердце человека / Правда с ложью сплетены»²⁴. Сложность соответствовать в мирской жизни требованиям Божественной правды приводит к тому, что появляется соблазн трактовать ее по-своему, отсюда уже возникает понятие «личной» правды, а то и вовсе «кривды»²⁵. Как верно отмечает писатель И.Н. Потапенко, «правда вообще горькое кушанье»²⁶ и велико искушение променять ее на свой покой.

Попытка же упростить задачу человеку, «убрать» Бога и его божественную правду, построить общество на идеалах рациональной справедливости и истины приводит к обратным результатам. Как отмечает К.П. Победоносцев: «„Рече безумен в сердце своем: несть Бог“, выступает ныне во всей своей силе. Правда его ясна как солнце, хотя ныне всеми „передовыми умами“ овладело какое-то страстное желание обойтись без Бога, спрятать Его, упразднить Его. Люди, по мысли добродетельные и честные, те задают себе вопрос, как бы сделать конструкцию добродетели, чести, и совести без Бога. Жалкие усилия!»²⁷, которые

²² Соловьев В.С. *Оправдание добра* / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 177.

²³ Успенский Г.И. Из цикла «Очерки переходного времени» // *Собрание сочинений*: в девяти томах. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1957.

²⁴ Мережковский Д.С. *Парки* // *Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: антология*. М.: Наука, 1993.

²⁵ Название кривды народ объясняет тем, что неправда на земле пошла от первой женщины Евы, которую Бог создал из кривого ребра. Правда осталась у Бога, а кривда на земле. См. подробнее: [Максимов 1981].

²⁶ Потапенко И.Н. «Не герой» // *Спутники Чехова* / под ред. В.Б. Катаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

²⁷ Победоносцев К.П. *Идеалы неверия* // *Московский сборник: сочинения*. СПб.: Наука, 1996.

ведут только к революциям, крови и большим жертвам под предлогом всеобщего благоденствия.

Устанавливая механически государственную справедливость, формальную и всеобщую, человек лишается нравственной свободы воли, привыкает слушать не внутренний голос Бога и совести, а общественное мнение. Стремление ко всеобщему формальному равенству, довольству, справедливости по существу только отдаляет человечество от Божественного замысла. И.С. Тургенев прозорливо подмечал сущностное отличие истины от правды: «Истина не может доставить блаженства... Вот правда может: это человеческое, наше земное дело... Правда и справедливость! За правду и умереть согласен. Вся жизнь на знании истины построена; но как это „обладать ею“?»²⁸.

К.Н. Леонтьев, критикуя рационалистическое понимание прогресса в его европоцентрической версии, писал: «но не имеют правдоподобия ни психологически, ни исторически, ни социально, ни органически, ни космически — всеобщая равномерная правда, всеобщее равенство, всеобщая любовь, всеобщая справедливость, всеобщее благоденствие. Эти всеобщие блага не имеют даже и нравственного, морального правдоподобия: ибо высшая нравственность познается только в лишениях, в борьбе и опасностях... Лишая человека возможности высокой личной нравственной борьбы, вы лишаете все человечество морали, лишаете его нравственного элемента жизни»²⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «правда» в отечественной интеллектуальной традиции представляет собой особенно сложный нравственно-социальный идейный комплекс, совмещающий в себе как ценности и смыслы православного праведного образа жизни каждого отдельного человека, так и принципы и цели истинного справедливого политического устройства, и, несмотря на достаточно редкое словоупотребление в современном общественном дискурсе, сохраняет свое важное аксиологическое значение.

Понятие «справедливость» в идейно-политическом дискурсе XIX в.

Справедливость как понятие и ценность в интеллектуальной истории России также включает в себя несколько смыслов. Распространенное в XVIII в. значение справедливости как «общей пользы» [Перевезенцев, Ананьев 2023] в XIX в. отходит уже на второй план, уступая место пониманию справедливости как равноправия, правосудия и условия нравственного общежития.

И конечно, с XIX в. с развитием и обострением «социального» вопроса именно ценность «справедливости» становится одной из центральных категорий общественного бытия [Мареева 2015]. Выдающийся общественный

²⁸ Тургенев И.С. Истина и Правда. Стихотворения в прозе // Произведения в 12 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 186.

²⁹ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Восток, Россия и Славянство. М., 1996

деятель и публицист В.А. Гольцев, обсуждая положение первого поколения в России, выросшего после отмены крепостного права, утверждал, что «мы твердо стоим на том, что сила и право — не одно и то же, и что в основу государственного и общественного строя должны быть положены справедливость и уважение к человеческой личности»³⁰. Справедливость стала пониматься не только как социальный идеал, который стоит того, чтобы за него бороться, но и как величайшая ценность, достойная того, чтобы пожертвовать очень многим, вплоть до собственной жизни. П.Л. Лавров даже считает это неотъемлемым правом человека: «Право бороться за истину и справедливость никто отнять у меня не может»³¹.

На протяжении всего XIX в., несмотря на то, что понимание справедливости, в отличие от понятия «правда», не несло обязательных религиозных коннотаций, было тесно и непосредственно связано с понятием нравственности. Справедливость сочеталась с нравственностью как на уровне государственного устройства, так и на уровне отдельного человека. Так, писатель Л.Н. Антропов указывал, что высший идеал государства — справедливость, поскольку именно она призвана примирять сиюминутные личные интересы граждан и обеспечивать всем «наибольшую сумму благосостояния»: «Общественная нравственность не должна делать насилия индивидуальной совести, но должна требовать ото всех подчинения и даже, если нужно, самопожертвования»³². Ценность справедливости как принципиального основания государственности заключается в том, что государство, по мнению литератора и критика С.А. Юрьева, — это «выразитель народного разума в вопросах устройства и регулирования общественной стороны народной жизни, одна из нравственных сил, которыми побеждается грубая материальная сила стихийно-животного дарвиновского закона, перед которым преклоняется буржуазный либерализм с его принципом *laissez faire, laissez passer* и по которому сильные имеют право безвозбранно уничтожать слабых. Тогда как индивидуум преследует интересы минут своей преходящей жизни, государство ведает не только интересы настоящего, но и будущего, грядущих поколений, оберегает интересы столетий»³³.

Справедливость как «ограничение борьбы за существование»³⁴ на уровне отдельного человека является неким синонимом альтруизма, требующего «признавать равно за всеми другими то право на жизнь и благополучие, какое признается каждым за самим собою»³⁵.

³⁰ Гольцев В.А. Внутреннее обозрение [январь] // Русская мысль. 1882. № 1.

³¹ Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности // Философия и социология: избр. произв.: в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965.

³² Антропов Л.Н. Русские раскольники и английские диссиденты // Русская Речь. 1881. № 4.

³³ Юрьев С.А. Социальные стремления человечества и народная правда, преимущественно русская // Русская мысль. 1882. № 8.

³⁴ Южаков С.Н. Органический прогресс в его отношениях к историческому прогрессу // Социологические этюды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891.

³⁵ Соловьев В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. Алгоритм, 2012. С. 206.

Именно нравственное понимание справедливости, по мнению большинства авторов этого периода, может гарантировать гармоничное и долговременное существование общества и политического организма в целом, потому что создает общее пространство смыслов и ценностей. Так, например, И.С. Тургенев выразил эту мысль устами своего героя в романе «Накануне»: «— А ты знаешь такие слова, которые соединяют? — Да; и их немало; и ты их знаешь. — Ну-ка, какие это слова? — Да хоть бы искусство, так как ты художник; родина, наука, свобода, справедливость»³⁶.

П.Л. Лавров понимал справедливость еще более деятельно, настаивая, что справедливость — это синоним служения каждому общему благу: «Эта обязанность содействовать развитию других людей или обязательность убеждения, перенесенная в область общественных сношений, есть справедливость, единственная нравственная связь общества»³⁷. В рамках идеологии народничества даже предполагалось, что по мере развития прогресса в конечном итоге в здоровом и лишенном конкуренции обществе справедливость в своих результатах должна совпасть с личной пользой³⁸.

Неразрывная связь справедливости и нравственности в отечественной традиции XIX в. особенно заметна, поскольку требования справедливости как равенства в распределении каких-то материальных благ почти не встречаются. Практически всегда справедливость понимается не как право, а как обязанность человека. Яснее всего это значение выразил В.С. Соловьев: «Справедливость, в нравственном смысле, есть некоторое самоограничение своих притязаний в пользу чужих прав; справедливость, таким образом, является некоторым пожертвованием, самоотрицанием»³⁹.

Важно и то, что справедливость — это не абстрактное и слепое равенство всех и вся. «Справедливость заключается между прочим и в том, чтобы не равно относиться к неравному»⁴⁰, — писал В.А. Гольцев. Об этом же говорил и Б.Н. Чичерин: «...тут недостаточно ссылаться на справедливость, утверждать, что все граждане одинаково должны нести государственные тяжести. Справедливость отнюдь не требует, чтобы те, которые носят в себе сознание свободы и права, которые в состоянии думать и говорить, подчинялись налагаемым на них тяжестям на одинаковом основании с теми, которые не способны ни к тому, ни к другому. Прокрустово ложе служит выражением не справедливости, а тирании»⁴¹.

Примечательно, что многие авторы понимали и опасность ложно понятой справедливости для общественного порядка. К.Н. Леонтьев отмечал, что «в

³⁶ Тургенев И.С. Накануне : Отцы и дети: романы. М.: АСТ, 2001.

³⁷ Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности // Философия и социология: избр. произв.: в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965.

³⁸ Там же.

³⁹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1912. С. 8.

⁴⁰ Гольцев В.А. Внутреннее обозрение [февраль] // Русская мысль, 1881. № 2.

⁴¹ Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон, 1997. С. 65.

жизни и любовь, и великодушие, и даже ложно понятая справедливость — могут порождать зло»⁴². Вместе с тем М.Е. Салтыков-Щедрин считал, что даже нравственно понятая справедливость гораздо ближе по смыслу к «правосудию», чем к «снисходительности»: «справедливость и снисходительность — совсем не синонимы. Снисходительность есть дружеская стачка, есть кроткая взятка сердца, допущенная в пользу очень милого нам лица или очень любезного нам порядка вещей, тогда как справедливость есть простой анализ факта, в связи с его историей и окружающей средой»⁴³.

Таким образом, понятие «справедливость» наравне с правдой и свободой является краеугольным камнем российского представления об идеальном общественном и государственном устройстве на любом историческом этапе [Касамара, Максименкова, Сорокина 2020]. Но, что характерно для отечественного идейно-политического дискурса, понятие справедливости даже в политической плоскости неразрывно сопрягается не только с обществом и государством, но и с личностью, получая нравственное обоснование необходимости следования этому принципу каждым, прежде всего, во имя общего и затем, как следствие, во имя собственного блага.

Заключение

Проведенное исследование большого количества источников позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительные перемены в общественном сознании и социально-политической действительности России, аксиологические основы российской государственности продолжают оставаться столь же традиционными сегодня, как и в XI–XIX вв., в частности, понятия «свобода», «правда» и «справедливость» сохраняют свое значение важнейших ценностных духовно-политических категорий, «обрастая» новыми смысловыми нюансами и становясь сложными идейно-теоретическими комплексами.

Поступила в редакцию / Received: 19.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // *Общественные науки и современность*. 2020. № 4 С. 20–30. <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>

⁴² Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // *Восток, Россия и славянство: сборник статей*. Т. 2. М., 1886.

⁴³ Салтыков-Щедрин М.Е. *Наша общественная жизнь* // *Собр. соч.: в 20 т.* Т. 6. М.: Художественная литература, 1966. С. 55.

- Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7, № 2. С. 109–119 <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>
- Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А. Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 21–37. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021а. Т. 27, № 4. С. 113–133. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Отечество находится не в географии...»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021б. № 3. С. 263–283.
- Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Ширинянц А.А. Политическая текстология на кафедре истории социально-политических учений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 4. С. 92–95.

References

- Kasamara, V., Maximenkova, M., & Sorokina, A. (2020). Russian students' perceptions of justice. *Social Sciences and Contemporary World*, 4, 20–30 <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>
- Mareeva, S.V. (2015). Justice and inequality in the public consciousness of Russians. *Journal of Institutional Research*, 7(2), 109–119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>
- Perevezentsev, S.V., & Ananiev, D.A. (2023). Axiological foundations of Russian statehood: “Truth” and “justice” in the domestic ideological and political discourse. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 21–37. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021a). On the methodological principles of studying Russian basic traditional values. *Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*, 27(4), 113–133. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021b). “The Fatherland is not in geography...”: On the question of the evolution of traditional Spiritual and Political values of Russian civilization. *Notebooks on conservatism*, (3), 263–283. (In Russian).
- Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2020). Value foundations of civic consciousness of Russian youth. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, (58), 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Selezneva, A.V. (2020). Political values of Russian youth: Socio-cultural features and identification potential. *Society. Communication. Education*, 11(3), 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Shirinyants, A.A. (2016). Political textology at the Department of the History of Socio-political doctrines. *Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Sciences*, (4), 92–95.

Сведения об авторах:

Сорокопудова Ольга Евгеньевна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: srkpdv@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-7862-4903)

Миронов Денис Владимирович — лаборант Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, младший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: denisdenmir@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-2480-2388)

About the authors:

Olga E. Sorokopudova — Candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Scientific and Project Department of Scientific and Innovation Management, State Academic University of the Humanities, Senior Researcher of the Department of History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: srkpdv@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-7862-4903)

Denis V. Mironov — Laboratory assistant of the Research and Design Department of the Scientific and Innovative Management, State Academic University of the Humanities, Junior Researcher of the Department of History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: denisdenmir@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-2480-2388)

МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИКЕ: МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ YOUTH IN POLITICS: METHODS OF STUDYING

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-471-485
EDN: RQSSIQ

Научная статья / Research article

Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа

О.В. Попова^{1,2} , Н.В. Гришин^{1,2} , С.И. Суслов¹

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация

 pov_64@mail.ru

Аннотация. Политизация массового сознания молодежи выявляется в данном исследовании по таким параметрам, как уровень интереса к политике, готовность к определенным действиям с целью защиты своих интересов, приоритетные источники политической информации, оценка правильности направления развития ситуации в стране, а также связь некоторых из этих характеристик с уровнем политического доверия. Эмпирической основой исследования являются результаты массового онлайн-опроса российской молодежи, проведенного в ноябре 2022 г. Методом проведения опроса стало онлайн-анкетирование. При обработке данных использованы традиционные методы статистического анализа: простая и комбинированная группировка данных, анализ стандартизованных остатков, корреляционный анализ, вычисление новых переменных, множественный регрессионный анализ, многомерное шкалирование. При помощи моделирования новой переменной удалось выявить высокие показатели интереса молодежи политике. Установлено, что уровень интереса молодежи к политике сопряжен с наличием и размером материальных и социальных ресурсов представителей этой группы. Проанализированы позитивные и негативные факторы, влияющие на уровень интереса молодежи к политике. Поскольку по результатам

© Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

анализа уровня политического доверия и интереса к политике молодежи оказались не связаны, можно утверждать, что рациональный компонент в формировании политического доверия у молодежи достаточно слаб. Определена взаимосвязь между уровнем политического доверия молодежи и готовностью к совершению определенных потенциальных действий для защиты своих интересов. Выявлены два набора связанных потенциальных стратегий действий, к которым может прибегать молодежь для защиты своих интересов.

Ключевые слова: политическое сознание, политические предпочтения, политические установки, политическое доверие, политическое поведение, онлайн-опрос, статистические методы анализа, группировка данных, анализ стандартизованных остатков, моделирование переменных, корреляционный анализ, регрессионный анализ, многомерное шкалирование

Для цитирования: *Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И.* Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 471–485. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-471-485>

Благодарности: Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100043–9 «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски».

The Politization of the Mass Consciousness of the Russian Youth in 2022: Possibilities of Evaluation on the Basis of Statistical Analysis

Olga V. Popova^{1,2} , Nikolai V. Grishin^{1,2} , Sergei I. Suslov¹

¹ *Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

² *St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*

 pov_64@mail.ru

Abstract. The politicization of the mass consciousness of young people is revealed in this study by such parameters as the level of interest in politics, readiness for certain actions to protect interests, priority sources of political information, assessment of the correctness of the direction of development of the situation in the country, as well as the relations of some of these characteristics with the level political trust. The empirical basis of the study is the results of a massive online survey of Russian youth conducted in November 2022. The method of conducting the survey was an online survey. The data were processed using traditional methods of statistical analysis: simple and combined grouping of data, analysis of standardized residuals, correlation analysis, calculation of new variables, multiple regression analysis, multivariate scaling. By modeling a new variable, it was possible to identify high rates of youth interest in politics. It has been established that the level of youth interest in politics is associated with the availability and size of material and social resources of representatives of this group.

Positive and negative factors influencing the level of youth interest in politics have been identified. Since, according to the results of the analysis, the levels of political trust and interest in youth politics turned out to be unrelated, it can be argued that the rational component in the formation of political trust among young people is rather weak. The relationship between the level of political trust of young people and the willingness to take certain potential actions to protect their interests has been revealed. Two sets of related potential action strategies have been identified that young people can use to protect their interests.

Keywords: political consciousness, political preferences, political attitudes, political trust, political behavior, online survey, statistical methods of analysis, data grouping, analysis of standardized residuals, modeling variables, correlation analysis, regression analysis, multivariate scaling

For citation: Popova, O.V, Grishin, N.V., & Suslov, S.I. (2023). The politicization of the mass consciousness of the Russian youth in 2022: Possibilities of evaluation on the basis of statistical analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 471–485. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-471-485>

Acknowledgements: The research was carried out at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research within the framework of the scientific project № 122101100043–9 “Political trust of Russian youth: mechanisms of formation, state, trends and risks”.

Введение

В последнее десятилетие российские исследователи достаточно часто писали о фрагментации политического сознания российской молодежи [Асеева, Шашкова 2017; Комаровский 2021], низком интересе к политике [Борисова 2019; Козырева, Смирнов 2015], относительно высокой готовности молодежи мегаполисов к протестной политической мобилизации [Исаева и др. 2021; Попова 2020], ориентации этой социально-демографической группы в интернет-пространстве на развлекательный контент [Warren, Sulaiman, Jaafar 2014; Lu, Qi, Yu 2019] или, в лучшем случае, в доступной визуализированной, часто игровой форме от лица популярных блогеров предлагающий «рецепты на все случаи жизни» [Кузнецов 2021; Ровинская 2020; Григорян 2021]. Эти особенности массового сознания молодежи являются производной от условий первичной и вторичной политической социализации и отражают специфику процесса политической ресоциализации [Hooghe, Marien 2013; Chang 2022], которая непременно происходит в период вступления новых поколений во взрослую жизнь [Shokri 2016; Moamenla 2017; Echeverría, Mani 2020].

2022 г. принес существенные изменения, в равной степени глубоко отразившиеся на массовом сознании разных возрастных когорт населения нашей страны. Молодежь в этом смысле является группой, политические ценности, установки и предпочтения которой наиболее подвержены трансформации [Головин 2020; Schraff 2020]. Методически правильным представляется обращение приоритетного внимания на наиболее лабильные характеристики политического сознания, поскольку именно они в первую очередь подвержены изменениям. В этом смысле современные версии бихевиоральной методологии, на наш

взгляд, дают наиболее ценные результаты при проведении эмпирических исследований [Noordzij, Koster, Waal 2021]. Экстремальные политические процессы с неизбежностью вызывают определенный отклик в политических представлениях молодежи [Norris 2011].

В рамках данной статьи мы обратимся к оценке состояния таких параметров массового политического сознания российской молодежи, как уровень интереса к политике, готовность к определенным действиям с целью защиты своих интересов, приоритетные источники политической информации, оценка правильности направления развития ситуации в стране, а также связь некоторых из этих характеристик с уровнем политического доверия.

Важнейшей задачей данного исследования мы видим также оценку возможности использования для решения этой задачи традиционных методов статистического анализа: от простой и комбинированной группировки данных с анализом стандартизованных остатков и корреляционного анализа до вычисления новых переменных, множественного регрессионного анализа и многомерного шкалирования. К сожалению, безусловно конструктивный тренд на совмещение в рамках одного исследования количественных и качественных методов [Brosius, van Elsas, de Vreese 2019; Гришин 2022] подчас приводит к заметному ограничению использования арсенала средств статистического анализа и их упрощения [Chevalier 2019; Schoon, Cheng 2011].

Данные получены при проведении массового онлайн-анкетирования российской молодежи в ноябре 2022 г. в рамках реализации исследовательского проекта «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски». Объем выборки составил 1500 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет, выборка квотная, не связанная с контролем квот по признакам пола, возраста, федерального округа проживания. Расчет выборки осуществлялся на основе самых свежих данных Росстата¹.

Моделирование новых переменных: уровни интереса к политике и политического доверия российской молодежи

Уровень интереса к политике был вычислен с помощью моделирования новой переменной на основании самооценки респондентов. Проверка корректности самооценки осуществлялась дополнительно с помощью соотнесения ответов на вопрос об интересе к политике и вопрос-меню об источниках получения политической информации (процедура логического прямоугольника).

В результате было выявлено, что низким уровнем интереса к политике обладают 8,6 % российской молодежи, средним — 36,2 %, высоким — 52,0 %. В отношении 3,2 % респондентов выявить уровень интереса к политике оказалось невозможным.

¹ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 г.: статистический бюллетень. М., 2022.

Мы вполне отдаем себе отчет в том, что столь высокие показатели интереса к политике во многом связаны с эффектом завершившейся за две недели до начала проведения опроса частичной мобилизации. Хотя в отношении значительных групп молодежи эта процедура по закону не могла быть проведена и не проводилась, однако подобная кампания, которой на территории нашей страны не было на протяжении жизни нескольких поколений, не могла не повлиять на более чуткое и внимательное отношение населения к проблемам внутренней и внешней политики. Вместе с тем, поскольку сама первопричина, изменившая существенным образом показатели интереса молодежи к политике, специальная военная операция (СВО), продолжается, нет оснований полагать, что этот параметр массового сознания снизится в течение нескольких ближайших месяцев или даже лет (табл. 1).

Таблица 1

Самооценка уровня интереса к политике у российской молодежи, ноябрь 2022 г., % по столбцу

Количество выставленных баллов	Размер группы	Уровень интереса к политике	Размер группы
1	0,0	Низкий уровень интереса к политике	8,6
2	2,4		
3	1,7		
4	4,5		
5	4,2	Средний уровень интереса к политике	36,2
6	16,2		
7	15,8		
8	20,1	Высокий уровень интереса	52,0
9	10,3		
10	21,6		
Затруднились с ответом	3,2	Затруднились с ответом	3,2
Всего	100,0	Всего	100,0

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Анализ данных комбинированных таблиц вычисленной переменной «уровень интереса к политике» с социально-демографическими и статусными характеристиками респондентов с учетом статистически значимых стандартизованных остатков значений в ячейках позволил выявить наиболее типичный «профиль» респондентов в каждой из групп.

Так, наибольший интерес к политике склонны проявлять мужчины в возрасте от 30 до 35 лет с высшим образованием, официально трудоустроенные, относительно материально обеспеченные и с высоким достатком (с трудовой книжкой), жители мегаполисов и крупных областных промышленных центров, жители Центрального и Северо-Западного федеральных округов (статистически

значимые стандартизованные остатки (далее — с.з.с.о.) равны соответственно +1,7, +4,8, +3,1, +2,5, +2,4, +1,7, +3,1, +2,3, +2,4). Таким образом, можно считать, что наиболее внимательно за развитием политической ситуации в стране и в мире в настоящее время следят молодые люди, относящиеся к среднему классу, обладающие высокими показателями социального и культурного капитала.

Средний уровень заинтересованности в оценке политических событий склонна в большей степени, чем другие группы, проявлять молодежь в возрасте от 14 до 20 лет, ученики старших классов, учащиеся колледжей и лицеев, студенты вузов младших курсов, жители небольших городов и поселков городского типа, жители Приволжского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +2,4, +1,9, +1,8, +1,8, +2,3, +1,7, +2,3, +1,9).

Наименьший интерес к политике склонны проявлять девушки, молодежь в возрасте от 14 до 20 лет, обладатели начального, неполного и полного среднего образования, ученики школ, люди с низкими доходами, жители небольших городов, а также сел и деревень, молодежь Северо-Кавказского федерального округа (с.з.с.о. равны соответственно +1,6, +4,1, +1,6, +3,8, +3,0, +3,6, +1,9, +2,0, +2,0, +2,8).

В целом можно сделать вывод, что уровень политического интереса молодежи сопряжен с наличием и размером материальных и социальных ресурсов представителей этой группы.

Проведенный множественный регрессионный анализ, в котором зависимой переменной выступал уровень интереса к политике, а независимыми — различные социально-демографические факторы, показал, что наиболее существенными факторами являются возраст и тип населенного пункта проживания молодежи (при значении коэффициента детерминации +0,3 показатели стандартизованного коэффициента регрессии Бета для двух указанных переменных составили соответственно +0,22 и –0,15).

Попытка построить регрессионные модели, связывающие уровень интереса к политике с политическими установками (табл. 2 и 3), показали, что существенными позитивными факторами являются убеждения в приоритете интересов государства, необходимости и неизбежности реформ, готовности работать в политических партиях и наличии политиков, журналистов или блогеров, чьи взгляды и мнение по острым политическим проблемам молодежи важно. Фактором, негативно влияющим на интерес молодежи к политике, является отсутствие у молодежи какой бы то ни было саморефлексии по поводу собственных политических взглядов.

Можно предположить, что уровни политического доверия и интереса к политике молодежи связаны, однако анализ данных показал, что это не так (табл. 4). На уровне статистически значимых стандартизованных остатков обнаружена только склонность людей с низким уровнем интереса к политике не доверять политическим институтам и персонам во власти, а также отсутствие доверия у людей, которые не могут оценить степень своего интереса к политике — соответствующие значения с.з.с.о. равны +1,6, +2,9. Таким образом, можно утверждать, что рациональный компонент в формировании политического доверия у молодежи достаточно слаб.

Таблица 2

**Модель 1 множественного регрессионного анализа
оценки уровня интереса к политике на основе установок**

Сводка для модели b					
Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки	Дарбин-Уотсон
1	,371 ^a	,137	,136	,606	1,759

а. Предикторы: (константа), Не имею политических убеждений, Интересы государства приоритетны, Реформы в обществе необходимы

б. Зависимая переменная: уровень интереса к политике

Коэффициенты a						
Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		t	Значимость
	B	Стандартная ошибка	Бета			
(Константа)	2,456	,023			108,217	,000
Интересы государства приоритетны	,284	,038	,179		7,489	,000
1 Реформы в обществе необходимы	,221	,039	,136		5,589	,000
Не имею политических убеждений	-,390	,035	-,271		-11,178	,000

а. Зависимая переменная: уровень интереса к политике

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Таблица 3

**Модель 2 множественного регрессионного анализа
оценки уровня интереса к политике на основе установок**

Сводка для модели b					
Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки	Дарбин-Уотсон
1	,421 ^a	,178	,176	,591	1,785

а. Предикторы: (константа), Идентификация с политиками и блогерами (бинарная), Участие в работе политических партий — готовность, Не имею политических убеждений

б. Зависимая переменная: уровень интереса к политике

Коэффициенты a						
Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты		t	Значимость
	B	Стандартная ошибка	Бета			
(Константа)	2,378	,024			99,644	,000
Участие в работе политических партий — готовность	,295	,042	,168		7,058	,000
1 Не имею политических убеждений	-,333	,034	-,231		-9,647	,000
Идентификация с политиками и блогерами (бинарная)	,305	,032	,229		9,547	,000

а. Зависимая переменная: уровень интереса к политике

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Самооценка уровня интереса к политике российской молодежи с различным уровнем политического доверия, ноябрь 2022 г., %

Самооценка уровня интереса к политике	Политическое доверие отсутствует	Уровень политического доверия низкий	Уровень политического доверия средний	Уровень политического доверия высокий	Всего
Низкий	2,4	3,5 +1,6	1,5 -1,8	1,1	8,5
Средний	8,6	13,2	9,2	5,3	36,2
Высокий	13,9	15,7	13,5	8,9	52,0
Затруднились ответить	1,5 +2,9	0,5 -2,1	0,8	0,4	3,2
Всего	26,4	32,9	24,9	15,8	100,0

Примечание. Вторая цифра в ячейке таблицы — статистически значимый стандартизованный остаток, в зависимости от знака фиксирующий склонность или отсутствие склонности группы мыслить или действовать определенным образом.

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Изучение политического доверия и репертуара потенциальных действий молодежи для защиты своих интересов путем онлайн-анкетирования

В ходе проведенного онлайн-исследования российской молодежи был задан вопрос-меню с возможностью выбрать все ответы, соответствующие взглядам респондентов, о том, к каким действиям они лично готовы прибегнуть для защиты своих интересов (табл. 5). Целью такого вопроса было получение информации о репертуаре потенциальных политических и неполитических действий российской молодежи, которые ее представители считают эффективными и приемлемыми для себя. Важно, что ни одно, даже персональное, действие невозможно совершить без коммуникации с органами власти, институтами гражданского общества, персонализированными или анонимизированными визави. Оказалось, что почти каждый пятый молодой россиянин по этому поводу совершенно не рефлексирует (19,7 % молодых респондентов затруднились дать ответ на этот вопрос).

Вопреки рабочей гипотезе о приоритетных политических действиях самым популярным оказалось обращение в государственные органы (55,6 % ответов), на втором месте — участие в выборах (36,3 %), обращение в институты гражданского общества (36,0 %), а также политическая коммуникация в онлайн-пространстве (33,7 %). На третьей позиции находится участие в работе общественных организаций (24,3 %) и использование личных связей и вознаграждения для решения своих проблем (22,3 %), на четвертой позиции — участие в публичных санкционированных массовых мероприятиях (19,8 %), которые могут иметь как

конструктивную, так и деструктивную политическую направленность. На пятой по распространенности позиции находятся готовность участвовать в работе политических партий (16,1 %), на шестой — готовность к участию в несанкционированных акциях протеста (11,0 %) и материальной помощи политикам и их проектам (9,0 %). Наконец, еще 5,5 % сами респонденты сочли не вписывающимися в предлагаемые варианты публичных действий, однако при анализе оказалось, что все они касаются политической коммуникативной активности в интернет-пространстве (все эти респонденты выбрали также вариант ответа «Обсуждение и репосты в социальных сетях»).

Таблица 5

Рейтинг готовности молодежи к различным действиям с целью защиты своих интересов в случае их нарушения, ноябрь 2022 г., %

Способ действия	%	Позиция в рейтинге
Обращение в государственные органы	55,6	1
Участие в выборах	36,3	2
Обращение в общественные организации	36,0	2
Обсуждение и репосты в социальных сетях	33,7	2
Участие в работе общественных организаций	24,3	3
Использование личных связей и вознаграждения	22,3	3
Участие в санкционированных акциях	19,8	4
Участие в работе политических партий	16,1	5
Участие в несанкционированных акциях протеста	11,0	6
Материальная поддержка политиков, их проектов	9,0	6
Другие способы действий для защиты интересов	5,5	7
Затрудняюсь ответить	19,7	

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Среди других способов защиты своих интересов в случае их нарушения молодежь говорила о необходимости самостоятельно решать свои проблемы без обращения в какие-либо структуры («Помоги себе сам», «Спасение утопающих дело рук самих утопающих»), об обязательности поиска соратников для коллективных действий («агитация с целью найти соратников», «Решаем вместе»), об использовании сформированной в интернет-пространстве силы общественного мнения («Создание разного типа интернет-ресурсов, освещающих проблему, борьбу с ней, дающих другим руководства к действию и объединению») или об обращении к традиционной форме защиты интересов трудящихся — к профсоюзу («Участие в организации профсоюза»), о невозможности заранее определить правильную стратегию действий, поскольку все будет зависеть от конкретной проблемы («Да всё, что потребуется», «Зависит от проблемы, с которой столкнусь»).

Некоторые представители молодежи писали о необходимости обращения в государственные органы, но при этом вынесли эти ответы в вариант «другое»

«Госуслуги», «Обращение в суд», «Полиция, прокуратура»); налицо непонимание некоторой частью молодежи того, что государственные органы — это не только собственно управленческие структуры представительной власти, но вся система, в том числе силовых и судебных структур, является частью государственного аппарата. О недостаточности знаний молодежи в области системы государственных структур говорит и то, что в этом списке был вариант «Петиция», т.е. ответивший подобным образом написал о типе обращения, но собственно объект, на который направлено действие, обозначен не был.

Некоторые молодые респонденты написали ответы, связанные с эмиграцией («Переезд», «Покинуть страну», «Смена страны жительства»), использованием силовых методов («АКМ, магазин примкнул»; было использовано также выражение, означающее команду начала одновременных массированных выстрелов в условиях военных действий — «Триста Тридцать Три»).

В отдельных ответах было заявлено об отсутствии какой-либо попытки защитить свои интересы («Ни к каким, я трус», «Ничего делать не буду»), что обусловлено убеждением в бесполезности, неэффективности любых попыток что-то изменить в стране («У кого деньги и власть — с тем и правда»).

Проведенное многомерное шкалирование потенциальных действий молодежи с целью защиты своих интересов (рис.) позволило сделать три важных вывода.

Многомерное шкалирование оценки готовности российской молодежи к различным действиям для защиты собственных интересов.

Источник: анализ проведен по результатам исследования авторов в программе SPSS (27 версия)

Во-первых, есть два набора связанных потенциальных стратегий действий, к которым может прибегать молодежь: а) «работа на гражданское общество» посредством участия в деятельности общественных организаций и партий,

в санкционированных и несанкционированных публичных акциях, а также материальная поддержка, скорее всего, оппозиционных политиков и их проектов (вероятность совмещения этих действий достаточно высока); б) «заряженность» информацией определенной направленности из социальных сетей с последующей попыткой решения своих персональных проблем за счет системы неформальных личных связей и «благодарности».

Во-вторых, наиболее вероятные способы поведения молодежи — обращение в органы власти и в общественные организации, а также участие в голосовании — редко сочетаются в действиях одного человека.

В-третьих, представление молодежи о приемлемых способах защиты своих интересов образуется двумя латентными факторами: первый образован осью лояльности по отношению к органам государственной власти (крайние точки — «готовность обратиться в органы власти — готовность участвовать в несанкционированных акциях протеста»); второй формируется осью характера персонификации своей позиции (крайние точки — «готовность к участию в выборах — готовность к использованию личных связей и вознаграждения»).

Существует определенная связь между уровнем политического доверия и готовностью или неготовностью российской молодежи к определенным действиям с целью защиты своих интересов (табл. 6). Так, молодежь с высоким уровнем политического доверия в большей степени, чем другие группы, склонна к обращениям в органы государственной власти, но участие в санкционированных публичных акциях, работе общественных организаций, использование личных связей и вознаграждения, материальная поддержка политиков и их проектов, а также политическая коммуникация онлайн ее не слишком привлекают (с.з.с.о. равны соответственно +2,5, -3,6, -3,0, -4,7, -2,6, -2,8, -4,3).

Молодежь со средним уровнем политического доверия склонна к обращению в органы власти и участию в выборах, но ее не слишком привлекает участие в публичных санкционированных и несанкционированных акциях, а также в других действиях с целью защиты своих интересов (с.з.с.о. равны соответственно +4,0, +2,0, -3,0, -4,1, -4,0).

Молодежь с низким уровнем политического доверия в большей степени, чем другие группы, склонна к участию в санкционированных публичных акциях, использованию личных связей и вознаграждений, а также других средств, но при этом не спешит обращаться в органы государственной власти (с.з.с.о. равны соответственно +1,6, +2,1, +1,6, -1,7).

Абсолютно не доверяющая политикам и институтам политической власти молодежь в большей степени, чем другие группы, склонна к участию в несанкционированных и санкционированных публичных акциях, материальной поддержке политиков и их проектов, обсуждению в социальных сетях политических проблем и к другим действиям, но не склонна к обращению в органы власти или к участию в выборах (с.з.с.о. равны соответственно +6,3, +3,8, +2,9, +1,8, +1,6, +2,6, -4,1, -2,0).

**Готовность молодежи с различным уровнем политического доверия
к определенным действиям для защиты своих интересов
в случае их нарушения, ноябрь 2022 г., % по строке**

Потенциальный способ действия	Доверие отсутствует	Уровень доверия низкий	Уровень доверия средний	Уровень доверия высокий	Всего
Обращение в государственные органы	19,2 -4,1	30,0 -1,7	31,7 +4,0	19,1 +2,5	100,0
Обращение в общественные организации	27,2	34,5	22,3	16,1	100,0
Участие в санкционированных публичных акциях	37,6 +3,8	38,3 +1,6	16,4 -3,0	7,7 -3,6	100,0
Участие в выборах	22,1 -2,0	32,1	29,1 +2,0	16,7	100,0
Участие в работе политических партий	26,5	30,8	26,1	16,6	100,0
Участие в работе общественных организаций	30,6 +1,6	37,2	22,5	9,7 -3,0	100,0
Участие в несанкционированных акциях протеста	50,9 +6,3	38,2	9,2 -4,1	1,7 -4,7	100,0
Использование личных связей и вознаграждения	23,9	39,3 +2,1	26,5	10,3 -2,6	100,0
Материальная поддержка политиков, их проектов	39,0 +2,9	31,9	22,7	6,4 -2,8	100,0
Обсуждение и репосты в социальных сетях	30,4 +1,8	36,6	24,7	8,3 -4,3	100,0
Другие способы действий для защиты интересов	40,7 +2,6	43,0 +1,6	3,5 -4,0	12,8	100,0
Затрудняюсь ответить	32,0 +1,9	33,7	17,2 -2,7	17,2	100,0

* Вторая цифра в ячейке таблицы — статистически значимый стандартизованный остаток, в зависимости от знака фиксирующий склонность или отсутствие склонности группы мыслить или действовать определенным образом.

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Выводы

События 2022 г. оказали глубокое воздействие на изменение политического сознания российского общества, и в частности молодого поколения. Проведенное исследование вносит вклад в выявление особенностей современного политического сознания российской молодежи, в том числе расширяет научные представления о диапазоне измерений политического сознания, факторах и взаимосвязи установок политического сознания с потенциальными моделями поведения и коллективных действий.

Политическое доверие молодежи связано с другими показателями, которые традиционно рассматриваются при изучении политического сознания.

Поскольку по результатам анализа уровня политического доверия и интереса к политике молодежи оказались не связаны, можно утверждать, что рациональный компонент в формировании политического доверия у молодежи достаточно слаб.

Результаты исследования подчеркивают важность решения практической задачи обеспечения политического доверия в обществе: подтверждена связь между уровнем политического доверия и готовностью или неготовностью российской молодежи к определенным действиям с целью защиты своих интересов. Выявленная взаимосвязь может иметь значение для прогнозирования политического поведения. Коллективные действия современной российской молодежи нуждаются в постоянном осмыслении. Так, представляется перспективным выявление основных наборов потенциальных стратегий, к которым может прибегать молодежь для защиты своих интересов.

Одним из вызовов современного этапа изучения политического сознания россиян является вопрос о выборе адекватной методологии и методов. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что расширение применения традиционных статистических методов является перспективным и многообещающим направлением в изучении политического сознания. В частности, моделирование новых переменных позволило сфокусировать анализ на новых и важных измерениях состояния политического сознания. Представленные в настоящем исследовании тенденции в политическом сознании молодежи требуют усовершенствования инструментария и дальнейшего изучения.

Поступила в редакцию / Received: 10.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 08.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю.* Политическое сознание молодежи республики Алтай на современном этапе // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. 2017. № 10. С. 175–179.
- Борисова А.С.* Определение уровня доверия населения к региональным органам власти в веб-пространстве // Инновации и инвестиции. 2019. № 9. С. 285–289.
- Головин Д.А.* К вопросу об изучении факторов, влияющих на политическое сознание современной российской молодежи // Социально-политические науки. 2020. Т. 10, № 6. С. 80–90. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-6-80-90>
- Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н., Ларкин А.Н.* Проблема влияния Интернет-технологий на политическое сознание молодежи в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 164–168. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-164-168>
- Гришин Н.В.* Современные подходы к измерению политического доверия: обзор российской и зарубежной научной литературы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4. С. 75–80. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_75

- Исаева Е.А., Фролов А.А., Беляков А.А., Гребенко Е.Д.* Лояльность молодёжи к современной российской власти // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 4. С. 22–41. <https://doi.org/10.31429/26190567-22-4-22-41>
- Козырева П.М., Смирнов А.И.* Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник Института социологии. 2015. № 1. С. 79–99.
- Комаровский В.С.* Образ будущего России глазами молодежи. Москва: Аспект-Пресс, 2021.
- Кузнецов И.И.* Политическое сознание российского студенчества: общественная солидарность, доверие, взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 237–252. <https://doi.org/10.17223/1998863X/59/22>
- Попова О.В.* Потенциал политического протеста молодежи российских мегаполисов через призму анализа коммуникации в ВКонтакте // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 4. С. 6–23. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-4-6-23>
- Ровинская Т.Л.* «Четвертая власть» и общественное политическое сознание в век высоких технологий // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 5. С. 130–134.
- Brosius A., van Elsas E.J., de Vreese C.H.* How media shape political trust: News coverage of immigration and its effects on trust in the European Union // *European Union Politics*. 2019. Vol. 20, no. 3. P. 447–467. <https://doi.org/10.1177/1465116519841706>
- Chang W.* Media use, political trust and attitude toward direct democracy: empirical evidence from Taiwan // *Online Information Review*. 2022. Vol. 46, no. 4. P. 733–753. <https://doi.org/10.1108/OIR-09-2019-0290>
- Chevalier T.* Political trust, young people and institutions in Europe. A multilevel analysis // *International Journal of Social Welfare*. 2019. Vol. 28, no. 4. P. 418–430. <https://doi.org/10.1111/ijsw.12380>
- Echeverria M., Mani E.* Effects of Traditional and Social Media on Political Trust // *Communication & Society*. 2020. Vol. 33, no. 2. P. 119–135. <https://doi.org/10.15581/003.33.2.119-135>
- Hooghe M., Marien S.* A comparative analysis of the political trust and forms of political participation in Europe // *European Societies*. 2013. Vol. 15, no. 1. P. 131–152.
- Lu J., Qi L., Yu X.* Political trust in the internet context: A comparative study in 36 countries // *Government Information Quarterly*. 2019. Vol. 36, no. 4. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.06.003>
- Moamenla A.* The Dynamics of Political Trust among Youth // *Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities*. 2017. Vol. 7, no. 8. P. 300–310. <https://doi.org/10.5958/2249-7315.2017.00426.9>
- Noordzij K., Koster W., Waal J.* The micro–macro interactive approach to political trust: Quality of representation and substantive representation across Europe // *European Journal of Political Research*. 2021. Vol. 60, no. 4. P. 954–974. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12436>
- Norris P.* *Democratic deficit: Critical citizens revisited*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Schoon I., Cheng H.* Determinants of Political Trust: A Lifetime Learning Model // *Developmental Psychology*. 2011. Vol. 47, no. 3, P. 619–631. <https://doi.org/10.1037/a0021817>
- Schraff D.* Political trust during the Covid-19 pandemic: Rally around the flag or lockdown effects? // *European Journal of Political Research*. 2020. No. 4. P. 1007–1017. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12425>
- Shokri M.* Legitimacy and Theory of Political Consciousness: Evaluating Political Act of Aggression // *Journal of Political Sciences & Public Affairs*. 2016. Vol. 4, no. 1. P. 191. <https://doi.org/10.4172/2332-0761.1000191>
- Warren A.M., Sulaiman A., Jaafar N.I.* Social media effects on fostering online civic engagement and building citizen trust and trust in institutions // *Government Information Quarterly*. 2014. Vol. 31, no. 2. P. 291–301. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.11.007>

Сведения об авторах:

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: pov_64@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0701-7767)

Гришин Николай Владимирович — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: nvgrishin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0850-7581)

Сулов Сергей Игоревич — кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (e-mail: rump@yandex.ru) (ORCID: 0000-0001-7973-2260)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499

EDN: QJHIFP

Научная статья / Research article

Эвристический потенциал применения индекса оценки региональных государственных программ в сфере молодежной политики

С.К. Калашникова^{1,2} , И.И. Андриив^{1,2}

¹ *Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация*

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 sofyakalashnikova15@gmail.com

Аннотация. Целью работы является определение возможностей и ограничений применения индексов для оценки региональной молодежной политики в РФ. Представлен развернутый анализ отечественной и зарубежной научной литературы по актуальным методикам оценки государственной молодежной политики и по возможностям применения индексов в этой сфере. Проведен сравнительный анализ применения индексов для оценки молодежной политики в странах СНГ. Авторами предложен индекс оценки региональных государственных программ на основании соотношения данных по бюджетированию сферы молодежной политики в субъектах РФ и миграционных показателей данной возрастной группы. В результате эмпирического исследования выделены группы регионов РФ с различным уровнем финансирования исследуемой сферы и степенью достаточности бюджетного обеспечения для сохранения нейтрального сальдо миграции молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, государственные программы, региональная политика, индекс

Для цитирования: Калашникова С.К., Андриив И.И. Эвристический потенциал применения индекса оценки региональных государственных программ в сфере молодежной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 486–499. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499>

Благодарности: Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100043–9 «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски».

© Калашникова С.К., Андриив И.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Heuristic Potential of Applying the Assessment Index to Regional Public Programs in the Field of Youth Policy

Sofia K. Kalashnikova^{1,2} , Irina I. Andriiv^{1,2}

¹*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow, Russian Federation,*

²*St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,*

 sofyakalashnikova15@gmail.com

Abstract. The aim of the research is to determine the possibilities and limitations of applying indices for assessing regional youth policy in the Russian Federation. The article contains a detailed analysis of domestic and foreign scientific literature on current methods for evaluating state youth policy and possibilities of applying indices in this sphere. The comparative analysis of the use of indices for assessing youth policy in the CIS countries was conducted. The authors propose an index of complex evaluation of regional state programs based on the correlation between the data on the budgeting of the youth policy sphere in the subjects and the migration indicators of this age group. As a result of empirical research, the authors have identified groups of regions of the Russian Federation with different levels of funding of the investigated sphere and the degree of sufficiency of budgetary provision to maintain a neutral balance of youth migration.

Keywords: youth, youth policy, state programs, regional politics, index

For citation: Kalashnikova, S.K., & Andriiv, I.I. (2023). Heuristic potential of applying the assessment index to regional public programs in the field of youth policy. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 486–499. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499>

Acknowledgements: The research was conducted at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research within the framework of the scientific project N 122101100043–9 «Political Trust of Russian Youth: Mechanisms of Formation, State, Trends and Risks».

Введение

Основной проблемой российских регионов не первый год остается существенный миграционный отток молодежи из субъектов в федеральные центры (г. Москва и г. Санкт-Петербург) [Бизин 2022]. Этот процесс обусловлен сохранением за двумя столицами статуса городов с наиболее оптимальными и комфортными условиями для развития и самореализации. Существенная разница в уровне предоставления образовательных услуг, наличии и вариативности предлагаемых рабочих мест, уровне оплаты труда, качестве медицины и в представляющихся возможностях для самореализации становится триггером миграционных процессов среди молодежи, что сказывается на социально-экономическом и социально-политическом климате регионов.

Для преодоления существующих тенденций необходимо создание в регионах благоприятных и конкурентоспособных условий для самореализации молодежи. Главным актором, инициирующим формирование такой среды, является государство, а институциональным инструментом в достижении данной

цели — последовательная реализация государственной молодежной политики, нивелирующей проблемы молодого поколения [Артыков, Касаткина 2020]. Соответственно, комплексное изучение государственной молодежной политики необходимо для характеристики и оценки предпринимаемых государством действий в обозначенном направлении.

Логика данного исследования предполагает, с одной стороны, применение институционального подхода к рассмотрению реализации государственной молодежной политики в регионах с целью характеристики деятельности государства в данной сфере, с другой — попытку создания авторского количественного показателя (индекса) для оценки недостаточности или избыточности финансирования в рамках региональных государственных программ на основании показателей миграции молодежи. Эвристический потенциал авторского индекса состоит в попытке провести сравнение показателей финансирования сферы молодежной политики в субъектах РФ с уровнем миграции молодежи из регионов. Авторы исходят из установки, что одной из приоритетных задач молодежной политики является закрепление молодежи в регионе и сохранение ее численности.

Российская практика реализации государственных программ и проектов в сфере молодежной политики

На федеральном уровне государственные цели и задачи в сфере молодежной политики получили свое нормативное закрепление в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Данный закон был оценен экспертным сообществом неоднозначно: по мнению профессора РАНХиГС при Президенте РФ, доктора юридических наук Андрея Кочетков, закон не только не внес требовавшуюся нормативную ясность, но и привел к продолжению «...хаотизации молодежной политики в нашей стране, только теперь на основе „хоть какого-то“ Федерального закона»¹. Также в 2020 г. вопрос реализации молодежной политики на федеральном уровне и уровне субъектов РФ был внесен в Конституцию РФ в форме конституционной поправки (часть 1 статьи 72 Конституции РФ)².

Система принципов, ключевые приоритетные задачи и механизмы реализации государственной молодежной политики зафиксированы федеральными органами исполнительной власти в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», утвержденных Распоряжением Правительства³. Проектный подход, который отражается

¹ Андрей Кочетков: Молодёжная политика РФ напоминает «План Даллеса» — профессор РАНХиГС Кочетков. URL: <https://www.osnmedia.ru/opinions/molodyozhnaya-politika-rf-huzhe-plana-dalesa-professor-ranhigs-kochetkov/?ysclid=lgmhhaqo85456847793> (дата обращения: 10.12.2022).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

³ Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2015 г.»

и в практике разработки и принятия государственных программ, и в инициировании и реализации серии национальных проектов, является востребованным среди органов власти для решения общественно значимых задач.

Реализация молодежной политики не выделена в обособленное направление национальных проектов в Указе Президента РФ⁴. Ведомством, занимающимся исключительно вопросами молодежной политики на общенациональном уровне, является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). Наибольшая часть федеральных инициатив для молодежи существует в рамках национального проекта «Образование» [Мирошниченко, Федоренко, Шпиро 2022]. Национальный проект реализуется через такие федеральные «суб-проекты», как «Молодые профессионалы», «Молодежь России», «Социальные лифты для каждого», «Патриотическое воспитание» и др.

Значимую роль в государственной молодежной политике играет обеспечение условий для карьерной реализации молодого поколения. Акцент делается на развитие и поддержку интереса к востребованным инженерным и рабочим профессиям. Федеральный проект «Молодые профессионалы» направлен на повышение качества получаемого среднего профессионального образования, обеспечение возможности обучающимся получить конкурентное профессиональное образование, отвечающее современным экономическим требованиям и запросам рынка труда. Федеральный проект «Молодежь России» включает всероссийский студенческий проект «Твой ход», организующий образовательные форматы и стажировки с обратной связью и возможностью создать и реализовать собственный проект. В рамках федерального проекта «Социальные лифты для каждого» проводятся мероприятия с целью раскрытия талантов и профессионального потенциала всех граждан, при этом благодаря проекту по итогам конкурсов рекрутируются и представители молодежи с достаточным набором компетенций и достижений.

Также в рамках национального проекта «Образование» реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание». Проект предполагает активную деятельность по развитию воспитательной работы в образовательных организациях в формате проведения мероприятий патриотической направленности для детей и молодежи, взаимодействия старшего и младшего поколения, популяризации отечественной истории.

Авторами был проведен анализ государственных программ по молодежной политике на региональном уровне. Итоговая сборная таблица состояла из нескольких критериев оценивания и сравнения: структура программы (отдельный проект или включение компонента молодежной политики в качестве подпрограммы), цели и задачи программ, сроки реализации и объемы бюджетирования. Анализ показал, что перечисленные федеральные проекты в тех или иных вариациях отражены в региональных документах по реализации государственной

⁴ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» (с изменениями на 21 июля 2020 г.). URL: <http://government.ru/docs/all/93887/> (дата обращения: 20.12.2022).

молодежной политики. В части регионов такие программы являются обособленными и затрагивают исключительно сферу молодежной политики. В некоторых регионах задача реализации молодежной политики интегрирована в государственные программы иных направлений в качестве подпрограмм по направлениям деятельности. Опираясь на опыт изучения документов, можно утверждать, что молодежная политика в регионах РФ часто носит фрагментарный и неоднородный характер, имеет формальные критерии оценки эффективности и внутренне противоречивый характер.

Опыт разработки методик оценки государственных программ в России и странах СНГ

Как правило, базовым индикатором эффективности реализации молодежной политики в регионах России обозначены количественные показатели проведенных мероприятий, а также процентные показатели участия молодежи в мероприятиях [Березутский 2020]. Однако в научном сообществе ведется дискуссия о достаточности использования данных индикаторов для всесторонней и объективной оценки качества реализации государственных программ ввиду фрагментарности и относительности этих показателей.

Отечественный исследователь С.П. Куликов рассматривает критерии оценки эффективности мероприятий органов власти и в качестве альтернативы с целью унификации и оптимизации системы оценивания предлагает внедрить новый принцип измерения эффективности молодежной политики, основываясь на примере оценки вузов. Автор экстраполирует базовые показатели эффективности по работе вузов со студенческой молодежью на деятельность органов власти [Куликов 2019], фокусируясь на механизмах вовлечения молодежи в проводимые мероприятия. Однако представляется недостаточным использование такого подхода, так как для категории работающей молодежи комплекс мер оценки должен включать другие индикаторы.

Н.А. Гончарова и Е.А. Сузова [2021] предлагают иные критерии анализа эффективности на базе создания условий для привлечения молодежи в сферу инновационных проектов всех направлений; для социализации молодежи; для реабилитации молодых людей, находящихся в сложных жизненных обстоятельствах, а также создание высокопродуктивной сферы услуг для молодежи. Авторы отмечают необходимость количественного выражения показателей и учета неоднородности социального состава молодежи как социальной группы. В рамках описанных подходов молодежь, во-первых, представляется однородной группой, не разделенной на категории (например, учащиеся/работающие), во-вторых, определяется исключительно как объект политики.

Проектный подход к государственному управлению также популярен в странах СНГ. Опыт Казахстана в разработке индекса оценки эффективности реализации молодежной политики предлагает адаптированный вариант Индекса благополучия молодежи [Джакупова 2021a].

Изначально Индекс благополучия молодежи был создан благодаря кооперации между Центром стратегических и международных исследований (США), Международным молодежным фондом и компанией Hilton Worldwide⁵. Индекс охватывает 6 критериев, каждый из которых состоит из 40 показателей. Эти показатели разделяются на 32 объективных и 8 субъективных. Создатели индекса считают, что включение субъективных показателей помогает более точно понять настроения и чувства молодежи, в отличие от статистических данных. Сочетание объективных и субъективных показателей создает «многомерную» картину благополучия молодежи.

В Казахстане адаптированная методика основывается на проведении опросов среди молодежи в возрасте 14–28 лет по ключевым направлениям: трудоустройство, благосостояние, здоровье, спорт, образование, удовлетворенность, безопасность, гражданская активность, досуг с дальнейшим расчетом показателей индекса.

Аналогичный перечень показателей с незначительными изменениями (образование, здоровье и благополучие, занятость и возможности, политическое участие, гражданское участие, досуг и доступ к инфраструктуре, безопасность и др.) лежит в основе определения Индекса развития молодежи в Приднестровской Молдавской Республике (ИРМ)⁶. Оценивая состояние развития молодежи в республике (ИРМ), на первом этапе аналитическим путем определяются наиболее проблемные и чувствительные области, на следующем этапе выделяются факторы, влияющие на формирование доверия в конфликтных отношениях. «Факторы влияния» являются наиболее значимыми параметрами области измерения, они определяются профильными экспертами. Данный индекс призван улучшить существующие подходы к формированию и реализации молодежной политики в республике.

Возвращаясь к российской специфике, значимым является профильный аналитический отчет Счетной палаты РФ 2021 г.⁷, где в качестве одной из целей авторы заявляют оценку результативности использования бюджетных ассигнований, предусмотренных на реализацию молодежной политики в 2018–2020 гг. Учитывая фрагментарность и «распыленность» молодежной политики по различным программам и проектам регионального и федерального уровней, а также разветвленность системы институтов, ответственных за ее реализацию, нами было принято решение остановиться на сборе данных одной, но наиболее значимой группы документов — государственных программ регионального уровня. Это также позволило получить относительно однородные данные для возможного сопоставления и сравнения регионов между собой с целью выявления общих трендов и региональных особенностей.

⁵ Индекс благополучия молодежи. URL: <https://clck.ru/34KG39> (дата обращения: 21.12.2022).

⁶ Индекс развития молодежи в Приднестровской Молдавской Республике. URL: https://minpros.info/files/news/2022/ИРМ_11.11.21.pdf (дата обращения: 21.12.2022).

⁷ Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации, 2021, № 12. Молодежная политика URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d59/5w5p6o6l86glyntiqm0vblz580390knl.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

Методология исследования

Целью эмпирической части данного исследования является поиск возможностей оценки реализации государственных программ молодежи на региональном уровне на основании построения индекса, учитывающего финансирование программ и уровень миграции молодого поколения.

На этапе сбора данных кроме информации по бюджетированию и длительности программ (подпрограмм) по всем регионам также в сводную таблицу вносились декларируемые в программе цели для последующего сравнения. Далее была собрана информация о численности молодежи на 1 января 2022 г. (от 15 до 34 лет) в каждом регионе и рассчитано усредненное миграционное сальдо за пять лет (2017–2021). Статистические данные были взяты из отчетов Федеральной службы государственной статистики, размещенной на официальном сайте ведомства⁸. Пятилетний период был выбран с целью определения миграционных тенденций, так как на данный показатель влияет ряд факторов: например, в 2020 г. отмечается минимальное колебание значений, что может быть связано с пандемией коронавируса.

Далее был произведен расчет предполагаемого расхода бюджетных средств за один год на одного представителя молодежи (на основании данных паспорта программ) для выведения итоговых цифр по каждому региону, которые могут быть сопоставимы друг с другом. Число, получившееся в итоге расчета, показывает разницу между фактическими затратами на одного представителя молодежи и потенциальным увеличением/сокращением этой суммы для сохранения нулевого миграционного сальдо среди молодежи региона.

Итоговая формула для подсчета индекса N :

$$N = A - \sum \frac{A}{(1 + B)^2},$$

где A — усредненное финансирование на одного представителя молодежи в год по региональной государственной программе; B — процент среднего миграционного сальдо за последние пять лет от общего количества молодежи в регионе, выраженный в абсолютных значениях.

Результаты исследования

Обобщая собранную информацию, можно отметить следующие особенности целеполагания: связанность программ по патриотическому воспитанию детей и молодежи с военной подготовкой; акцент на создании благоприятных условий для развития молодежи и реализации профессионального и творческого потенциала; декларирование важности духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации в процессе социализации и воспитания молодежи.

⁸ Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 07.01.2023).

В свете данного исследования важно отметить пример Архангельской области, где целью госпрограммы «Молодежь Поморья» является «создание условий для закрепления молодежи на территории Архангельской области через реализацию молодежной политики и работу по патриотическому воспитанию молодежи».

Согласно обобщенным нами данным за последние пять лет, в 74 % регионов России наблюдается отток населения молодого возраста. Говоря о внутренней миграции, самыми высокими значениями положительного миграционного сальдо обладают следующие регионы: Московская область, г. Москва, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Тюменская область, г. Севастополь и Калининградская область.

Анализ результатов подсчета индекса позволил сформировать пять групп регионов: от тех субъектов, которые в наибольшей степени нуждаются в дополнительном финансировании для сохранения численности молодежи в регионе, до тех, которые могут сократить финансирование государственных программ в сфере молодежной политики без угрозы оттока данной социальной группы (таблица).

Наиболее уязвимой является первая, самая малочисленная группа, составляющая 5 % от общего числа регионов. Показательным является пример Республики Коми, где при относительно небольшой численности молодежи (179 056 человек) на реализацию профильной подпрограммы по молодежной политике в рамках государственной программы «Развитие образования» на период 2020–2025 гг. выделено более 14 млрд рублей. При этом, говоря о миграционном сальдо, регион обладает самым большим отрицательным показателем среди исследуемых регионов. Так как программа реализуется только 2 года, возможно, результат работы местных ИОГВ не успел отразиться на показателях миграции. Однако о намерениях региональной власти улучшить положение дел в сфере молодежной политики говорит не только размер финансирования, но и институциональные преобразования: 1 января 2023 г. начал работу новый профильный комитет региона⁹. Кроме того, 2023 год был объявлен годом молодежи в Республике (как и в Камчатском крае, Удмуртии и Хакасии)¹⁰, что предполагает проведение дополнительных мероприятий для создания среды, благоприятствующей всестороннему развитию молодежи регионов.

Большая часть регионов находится в нейтральной группе (43 %), что не требует корректировки бюджетирования при условии сохранения действующей стратегии. Избыточное финансирование наблюдается в 10 % случаев, однако именно в этой группе присутствуют города федерального назначения (г. Санкт-Петербург, г. Севастополь).

⁹ В Коми начнет работу комитет по молодежной политике. URL: <https://fedpress.ru/news/11/policy/3168738> (дата обращения: 10.01.2023).

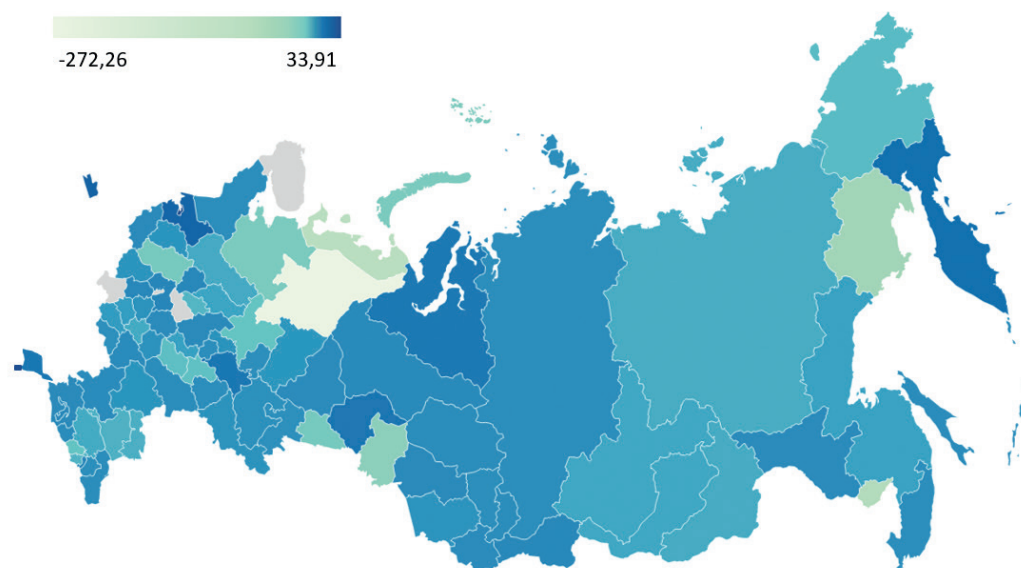
¹⁰ 2023-ой станет Годом молодёжи в некоторых регионах страны. URL: <https://dobro.press/novosti/2023-oi-stanet-godom-molodyozhi-v-nekotoryh-regionah-strany> (дата обращения: 11.01.2023).

Группы регионов, разделенные по критерию степени недостаточности / избыточности финансирования госпрограмм в сфере молодежной политики для сохранения нейтрального миграционного сальдо в регионе

Степень	Названия регионов	Процентное соотношение, %
Высокая недостаточность	Ненецкий автономный округ, Еврейская автономная область, Магаданская область, Республика Коми	5
Средняя недостаточность	Омская область, Архангельская область, Тверская область, Курганская область, Кировская область, Кабардино-Балкарская Республика, Ульяновская область, Пензенская область, Чукотский автономный округ, Ивановская область, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Калмыкия, Астраханская область	16
Низкая недостаточность	Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Липецкая область, Ставропольский край, Вологодская область, Республика Бурятия, Иркутская область, Костромская область, Хабаровский край, Республика Мордовия, Орловская область, Курская область, Пермский край, Волгоградская область, Смоленская область, Новгородская область, Алтайский край, Республика Марий Эл, Оренбургская область, Тульская область, Тамбовская область	26
Нейтральное положение	Республика Башкортостан, Белгородская область, Челябинская область, Удмуртская Республика, Кемеровская область, Чеченская Республика, Чувашская Республика, Республика Карелия, Красноярский край, Приморский край, Самарская область, Томская область, Республика Дагестан, Республика Хакасия, Саратовская область, Сахалинская область, Республика Карачаево-Черкессия, Свердловская область, Амурская область, Республика Алтай (Горный Алтай), Рязанская область, Ростовская область, Воронежская область, Псковская область, Новосибирская область	43
Избыточное финансирование	Ленинградская область, Калининградская область, г. Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край, Нижегородская область, Республика Адыгея, Ярославская область, Калужская область, Республика Ингушетия, Республика Крым, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Татарстан, Тюменская область, Камчатский край, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Республика Тыва, г. Севастополь	10

Groups of regions divided according to the criterion of the degree of insufficiency / redundancy of financing of state programs in the field of youth policy to maintain a neutral migration balance in the region

Degree of financing	Names of regions	Percentage ratio, %
High insufficiency	Nenets Autonomous Okrug, Jewish Autonomous Oblast, Magadan Oblast, Komi Republic	5
Moderate insufficiency	Omsk Region, Arkhangelsk Region, Tver Region, Kurgan Region, Kirov Region, Kabardino-Balkarian Republic, Ulyanovsk Region, Penza Region, Chukotka Autonomous Okrug, Ivanovo Region, Republic of North Ossetia—Alania, Republic of Kalmykia, Astrakhan region	16
Low insufficiency	Republic of Sakha (Yakutia), Trans-Baikal Territory, Lipetsk Region, Stavropol Territory, Vologda Region, Republic of Buryatia, Irkutsk Region, Kostroma Region, Khabarovsk Territory, Republic of Mordovia, Orel Region, Kursk Region, Perm Region, Volgograd Region, Smolensk Region, Novgorod Region, Altai Territory, Republic of Mari El, Orenburg Region, Tula Region, Tambov Region	26
Neutral situation	Republic of Bashkortostan, Belgorod Region, Chelyabinsk Region, Udmurt Republic, Kemerovo Region, Chechen Republic, Chuvash Republic, Republic of Karelia, Krasnoyarsk Territory, Primorsky Territory, Samara Region, Tomsk Region, Republic of Dagestan, Republic of Khakassia, Saratov Region, Sakhalin Region, Republic of Karachay-Cherkessia, Sverdlovsk Region, Amur Region, Republic Altai (Gorny Altai), Ryazan region, Rostov Region, Voronezh Region, Pskov Region, Novosibirsk region	43
Excess funding	Leningrad Region, Kaliningrad Region, Saint Petersburg, Moscow Region, Krasnodar Territory, Nizhny Novgorod Region, Republic of Adygea, Yaroslavl Region, Kaluga Region, Republic of Ingushetia, Republic of Crimea, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Republic of Tatarstan, Tyumen Region, Kamchatka Territory, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Republic of Tyva, Sevastopol	10

Карта регионов России с обозначенной степенью недостаточности / избыточности финансирования госпрограмм молодежной политики для сохранения нейтрального миграционного сальдо в регионе¹¹

Источник: составлено авторами на основе полученных данных в результате подсчета разработанного ими индекса

Map of the regions of Russia with the indicated degree of insufficiency / redundancy of financing of state programs of youth policy to maintain a neutral migration balance in the region

Source: compiled by the authors on the basis of the data obtained as a result of calculating the authors' index

Прямой зависимости места региона в группе и принадлежности к тому или иному федеральному округу (ФО) выявлено не было. Это может быть связано с неравномерным распределением численности молодежи в рамках одного ФО, с большой степенью автономности региональной власти в принятии решений о бюджетировании сферы молодежной политики, а также наличием разрывов в социально-экономическом развитии регионов отдельного ФО.

При сборе данных и отборе профильных программ мы столкнулись с рядом сложностей, которые могут быть показательными для понимания ситуации в целом. Во-первых, в ряде регионов отсутствуют государственные программы по молодежной политике: задачи данного направления могут реализовываться в рамках программ по развитию системы образования (Ивановская область, Кабардино-Балкарская Республика, Чукотский автономный округ и др.), туризма (Кемеровская область, Курская область и др.), спорта (г. Севастополь, Омская область и др.). В такой ситуации было принято решение использовать данные по бюджетированию определенной подпрограммы, посвященной молодежной политике. Вторая проблема заключалась в поиске и определении уровня актуальности информации о программах в открытых источниках, а именно на сайтах

¹¹ Онлайн-доступ к интерактивному формату карты. URL: <https://datawrapper.dwcdn.net/LDgDo/5/> (дата обращения: 10.01.2023).

исполнительных органов государственной власти регионов (ИОГВ). Был обнаружен ряд несоответствий информации, представленной на сайтах профильных ИОГВ и в действующих нормативно-правовых актах. В этом случае мы опирались на данные, размещенные в компьютерно-справочных правовых системах. В-третьих, в нескольких регионах на субфедеральном уровне не было найдено актуальных госпрограмм по изучаемой теме, в связи с чем во избежание потери данных и минимизации пропущенных значений учитывались программы муниципального уровня региональных центров (Республика Адыгея, Нижегородская область, Псковская область Ханты-Мансийский автономный округ). В таких регионах, как Брянская область, Владимирская область, г. Москва и Мурманская область отдельных государственных программ (подпрограмм) или муниципальных аналогов найдено не было, поэтому данные субъекты были исключены из анализа.

Кроме того, государственные программы регионов имеют разные сроки реализации: от кратковременных (3–4 года в Республике Дагестан, Белгородской области, Республике Тыва и др.) до длительных (15–17 лет в Республике Карелия, Чувашской Республике, Красноярском крае и др.).

Выводы

Проблема оттока молодежи из регионов России является одной из самых острых не только в рамках молодежной политики: социально-экономическое развитие территориальных субъектов напрямую зависит от количества молодого трудоспособного населения, обладающего необходимыми навыками и компетенциями. Обобщенная модель индекса, предложенная нами в данной работе, раскрывает потенциал применения подобных методик для понимания взаимозависимости мер, предпринимаемых органами власти, и уровня миграции молодежи.

Полученные в ходе анализа результаты позволили выделить различные группы регионов: от наиболее уязвимых к наиболее стабильным с точки зрения сохранения численности молодого поколения. В рамках развития исследования по данной теме и оптимизации показателей индекса имеет смысл проводить динамический анализ, сравнивая значение индекса на момент начала реализации государственной программы и окончания этого периода по каждому региону. Несмотря на то, что государственные программы являются самым распространенным форматом планирования и реализации различных проектов в регионах на сегодняшний день, данная группа нормативно-правовых актов не может считаться всеобъемлющей, поэтому представляется важным расширить базу сбора данных, включив и другие источники финансирования молодежной политики в анализ.

Поступила в редакцию / Received: 10.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 11.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

- Артыков С.Т., Касаткина Е.А. Молодежная политика как объект государственного и муниципального управления // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30. № 2. С. 200–207. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-2-200-207>
- Березутский Ю.В. Молодежная политика и ее роль в реализации жизненных приоритетов молодежи и регионов: дальневосточная специфика // Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019–2024 гг. в социальном развитии молодежи. 2020. С. 157–166.
- Бизин С.В. Стратегический анализ региональной молодежной политики и оценка кадровой обеспеченности региона // Journal of Economics. 2022. Т. 12. № 2. С. 879–896. <https://doi.org/10.18334/epp.12.2.114252>
- Блинникова О.Н., Пачин А.Р. Подходы к исследованию молодежной политики // Человек. Общество. Наука. 2020. № 1. С. 79–83. https://doi.org/10.53015/2686-8172_2020_1_79
- Бушueva Т.Н., Гришаева Е.В. Использование научно-обоснованных подходов в практике оценки эффективности реализации молодежной политики в Российской Федерации // Государственное регулирование социально-экономических процессов региона и муниципалитета: вызовы и ответы современности. 2020. С. 190–197.
- Гончарова Н.А., Сурова Е.А. Проблемы оценки эффективности молодежной политики // Структурные преобразования экономики территорий: в поиске социального и экономического равновесия. 2021. С. 87–90.
- Джакупова Д.Е. Потенциал применения Индекса развития молодежи для оценки эффективности развития молодежной политики Республики Казахстан // Вестник Российского университета кооперации. 2020. Т. 41. № 3. С. 35–39.
- Куликов С.П. Актуальность формирования единой системы критериев и методов оценки эффективности деятельности органов по работе с молодежью // Экономика и управление. 2019. № 11. Т. 104. С. 197–202.
- Мирошниченко И.В., Федоренко К.А., Широ Л.А. Проектный подход в государственной молодежной политике РФ: институциональные практики и потенциал развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 26–47. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-26-47>
- Ожорокова М.П. Методологическая основа исследования молодежной политики // Вопросы политической науки: материалы II Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 2016. С. 12–15.

References

- Artykov, S.T. & Kasatkina, E.A. (2020). Youth policy as an object of state and municipal management. *Bulletin of Udmurt university. Economics and law series*, 30(2), 200–207. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-2-200-207> (In Russian)
- Berezutskiy, Y.V. (2020). Youth policy and its role in the realization of life priorities of youth and regions: far eastern specificity. In *State youth policy: national projects 2019–2024 in the social development of youth*, 157–166. (In Russian)
- Bizin, S.V. (2022). Strategic analysis of regional youth policy and regional staffing assessment. *Journal of Economics*, 12(2), 879–896. <https://doi.org/10.18334/epp.12.2.114252> (In Russian)
- Blinnikova, O.N. & Pachin, R. (2020). Approaches to the study of youth policy. *Human. Society. Science*, (1), 79–83. https://doi.org/10.53015/2686-8172_2020_1_79 (In Russian)
- Bushueva, T. & Grishaeva, E. (2020). The use of evidence-based approaches in the practice of evaluating the effectiveness of youth policy in Russian Federation. In *State regulation of socio-economic processes of the region and the municipality: challenges and answers of our time*, 190–197. (In Russian)

- Goncharova, N. & Surova, E. (2021). Problems of assessing the effectiveness of youth policy. *Structural transformations of the economy of the territories: in the search for social and economic equilibrium*, 87–90. (In Russian)
- Dzhakupova, D.E. (2020). Potential of application of youth development index to assess the efficiency of youth policy development in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 41(3), 35–39. (In Russian)
- Kulikov, S.P. (2019). Relevance of formation unified system of criteria and methods performance assessments youth outreach authorities. *Economics and Governance*, 104(11), 197–202. (In Russian)
- Miroshnichenko, I.V., Shpiro, L.A. & Fedorenko, K.A. (2022). The project approach in russian state youth policy: institutional practices and development potential. *South Russian Journal of Social Sciences*, 23(1), 26–47. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-26-47> (In Russian)
- Okorokova, M.P. (2016). Methodological Framework for Youth Policy Research. *Political science issues: materials of the II International Scientific Conference*, 12–15. (In Russian)

Сведения об авторах:

Калашикова Софья Константиновна — младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; аспирант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: sofyaikalashnikova15@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-9837-3363)

Андриив Ирина Ивановна — младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН; магистрант кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: andriiv99@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1487-3916)

About the authors:

Sofia K. Kalashnikova — junior research fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Postgraduate of the Department of Political Institutions and Applied Political Research, St. Petersburg State University (e-mail: sofyaikalashnikova15@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-9837-3363)

Irina I. Andriiv — junior research fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Under student of the Department of Political Institutions and Applied Political Research, St. Petersburg State University (e-mail: andriiv99@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1487-3916)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
